

НИКОЛАЙ СВЕЧИН

Лучи смерти

Происшествия из службы сыщика Алексея Лыкова и его друзей

Annotation

Министр внутренних дел Плеве поручил Лыкову дознание обстоятельств смерти ученого Михаила Филиппова, который летом 1903 года сообщил о своем изобретении – новом, невиданном ранее оружии, столь разрушительном, что войны с ним станут бессмысленны. На следующий день после публикации этой новости в газете ученого нашли мертвым. Доктора констатировали смерть от естественных причин – у покойного было больное сердце. А вскоре контрразведка перехватила письмо германского резидента с сообщением о том, что Филиппов убит, власти ни о чем не догадываются, а бумаги изобретателя вот-вот переправят в Берлин. Насколько удачливым Лыков окажется на этот раз? Сможет ли найти убийц изобретателя «лучей смерти»? Сможет ли сам остаться в живых?..

- [Николай Свечин](#)

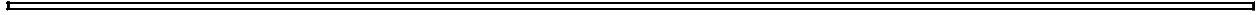
-
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Эпилог](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)

- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)

- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)

Николай Свечин

Лучи смерти

© Свечин Н., текст, 2017

© Асадчева Е., иллюстрации, 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Глава 1

Три медведя в одной берлоге

Россия вошла в двадцатый век, и сразу началось то, чего одни ждали, а другие боялись. 14 февраля 1901 года студент Карпович застрелил на приеме министра народного просвещения Боголепова. Тот приказал отдать в солдаты студентов, замешанных в беспорядках, – и поплатился за это жизнью. Власть растерялась: в стране давно не происходило ничего подобного. Убийцу судил общегражданский суд, не имевший права выносить смертные приговоры. Карпович получил большой срок, но его акт был лишь началом новой действительности.

Седьмого мая того же года неожиданно вспыхнули волнения на Обуховском сталелитейном заводе. Да еще какие! К недовольным металлистам присоединились рабочие карточной фабрики и соседнего Александровского завода. Они дали настоящий бой полиции и даже выдержали осаду армии. Пришлось вызывать целый батальон, солдаты стреляли в бунтовщиков. Восемь обуховцев погибли на месте, были убитые и среди городских.

Власти готовились к худшему и не ошиблись. В марте 1902 года в Харьковской и Полтавской губерниях начались аграрные беспорядки. Неурожай и рост арендной платы довели мужиков до отчаяния. Они стали громить помещичьи экономии, отбирать зерно, сено и скот. За месяц разграбили сто пять поместий и несколько сожгли дотла. Снова пришлось вызывать войска, пороть бунтовщиков и судить зачинщиков. А 2 апреля застрелили министра внутренних дел Сипягина. В вестибюле Мариинского дворца его вызвал офицер. Будто бы он привез министру личное письмо великого князя Сергея Александровича. Сипягин спустился по лестнице, протянул руку – и получил пулю в живот. Через два часа он скончался в сильных мучениях на руках у жены. Террориста схватили, им оказался еще один бывший студент, Балмашёв. Он стойко выдержал допросы и не дал показаний. Лишь в июле стало известно, кто послал его на акт. В Харькове случилось очередное покушение, на этот раз неудачное. Боевик выстрелил в спину губернатору Оболенскому, мстя ему за жестокость при разгоне сельских бунтов. Первая пуля задела жертву по касательной. Вторую отвела супруга губернатора: она вцепилась в руку террориста и не дала ему прицелиться. Схваченный, тот испугался петли и признался. Его звали

Качура, он состоял в Боевой организации партии социалистов-революционеров, которая и вынесла Оболенскому приговор. С этого момента буквы Б. О. П. С.-Р. стали настоящим кошмаром для властей.

Смерть Сипягина, руководителя важнейшего из министерств, взбудоражила Петербург. Он пробыл на должности всего два с половиной года. Когда государь отставлял предыдущего министра Горемыкина, возник вопрос, кем его заменить. Царь попросил совета у двух человек: Витте и Победоносцева. Есть кандидатуры Сипягина и Плеве – кого назначить? Хитрец Витте, большой приятель первого, дал замысловатый ответ. Дмитрий Сергеевич менее способен, но более принципиален. А Вячеслав Константинович всем хорош, но принципов никогда не имел и иметь не будет. Победоносцев высказался еще резче: Сипягин дурак, а Плеве подлец. Выбирай, царь-батюшка, кого хочешь... В итоге министром стал Сипягин, а Витте обрел в лице Плеве злейшего и опасного врага. И вот ситуация повторилась: нужен был новый человек, причем в условиях войны с террористами. И царь на этот раз назначил Плеве.

Вячеслав Константинович воспрянул. Уже давно он был отлучен от большой политики. Товарищ министра ^[1] внутренних дел еще при недоброй памяти графе Толстом, он остался в той же должности и при Иване Николаевиче Дурново. Курировал полицию, а фактически тащил на себе все министерство: ни Толстой, ни Дурново дела не знали и занимались в основном представительством. Расти ему не давали, и Плеве ушел в государственные секретари. Это оказалось ошибкой: бюрократия засосала талантливого чиновника. Карьеру можно делать, только если ты на виду у императора. А в Государственном совете что? Председатель его, великий князь Михаил Николаевич, сам видел царя по большим праздникам. Плеве оставался сенатором и статс-секретарем, но желал большего. С целью обратить на себя внимание затеял «финляндский вопрос», поссоривший Николая Второго с финским народом. Государя убедили, что у чухонцев слишком много свобод, надо бы их урезать. Вот армию свою держат – пусть вольют ее в общую, российскую. Затянулся страшный скандал, и под шумок Плеве пролез в министры по делам Великого княжества Финляндского. А это прямой доклад у государя! Но тут кстати застрелили Сипягина. Кому надо, вспомнили, что именно Плеве в свое время разгромил «Народную волю». И сильный человек понадобился вновь.

Придя в здание на Фонтанке, 57, Вячеслав Константинович решил реформировать министерство. Начал он с изгнания Зволянского. Во время представления чинов Департамента полиции новому министру тот состроил козью морду. И заявил: вы приложили немало сил, чтобы

разрушить ту постановку дела, которую в свое время я вам дал... Начальник и приятель Лыкова был вынужден перейти в Сенат.

Тут еще, словно в насмешку над новым министром, в Уфе застрелили губернатора Богдановича. Тот велел расстрелять толпу бунтующих рабочих в Златоусте. На казенном заводе случилось глупое недоразумение. Оружейникам заменили рабочие книжки, изъяв из них ссылку на указ 1861 года об отмене крепостного права. Агитаторы возбудили толпу, сказав, что пролетариев снова закрепостят! Доверчивый народ возмутился, начались волнения, и в результате погибло шестьдесят девять человек...^[2] Террористы бросали вызов Плеве. И тот его принял.

Новым директором департамента он назначил человека из судебных, Алексея Александровича Лопухина. Бывший до этого прокурором Харьковской судебной палаты, он приглянулся Плеве, когда тот объезжал охваченные беспорядками губернии. Тридцативосьмилетний статский советник из хорошего рода, послуживший и в провинции, и в столицах, возглавил вдруг самое карательное ведомство империи. Будучи при этом либералом и легкомысленным мечтателем.

Для департамента настали трудные времена. Лопухин и его шеф стали тасовать кадры, приводить новых людей. В фавор вдруг попал знаменитый Зубатов, человек выдающийся, но тоже утопист. Сергей Васильевич начинал как революционер, но после ареста он одумался и разочаровался в противоправной деятельности. Вплоть до того, что добровольно поступил на службу в Московское охранное отделение. Человек аналитического склада ума, знающий революцию изнутри, Зубатов быстро вырос в главную фигуру политического сыска. Он поставил Московское отделение на недостижимую высоту: завел образцовую агентуру, научил жандармских офицеров тонкостям дознания, выстроил легендарную филерскую службу. Зубатов стал создателем новой школы сыска, его успехи были очевидны. Но он увлекся большой политикой. А именно, придумал ко всему прочему еще и «полицейский социализм». Охранник решил, что нужно убрать средостение между царем и его подданными, конкретно рабочими. Фабриканты-кровопийцы душат рабочих невыносимыми условиями труда да и платят мало. Те недовольны, чем пользуются революционеры. А вот если власть в лице полицейского ведомства поможет пролетариям защитить свои права, то наступит идиллия. Рабочие найдут заступничество у царевых слуг, еще больше возлюбят государя, и почва для революций исчезнет. Надо лишь возглавить рабочее движение и направить его в нужное русло.

Эта наивная идея, как ни странно, пришлась по душе высокому

покровителю Зубатова, великому князю Сергею Александровичу. Генерал-губернатор Москвы и дядя царя, он был очень влиятельным человеком. И убедил племянника дать ход реформе. Появились рабочие союзы, тут же вступившие в пререкания с работодателями. Ссылались они при этом на обер-полицмейстера! «Полицейский социализм», как ядовито называли его оппоненты, начал шагать по стране. Промышленники недоумевали: что это власть так рьяно занялась сословием, составляющим один процент от населения страны? Вон крестьян восемьдесят процентов, погибают в бесправии, и никому дела нету... И в это время Плеве назначил Зубатова начальником Особого отдела Департамента полиции.

Созданный в 1898 году, этот отдел быстро сделался главным в департаменте. Он объединил все делопроизводства, занимавшиеся политическим сыском. Ему же подчинялись охранные отделения, которых на тот момент было лишь три: Петербургское, Московское и Варшавское. (Зубатов тут же затеял создание еще четырнадцати.) Также Особый отдел забрал себе Заграничную агентуру, которой много лет безнадзорно руководил знаменитый Рачковский. Сразу возникли недоразумения. Плеве продолжил чистку рядов, и вместо Рачковского в Париж отправился Ратаев. Он создал и возглавил Особый отдел четыре года назад. Теперь Зубатов привел туда много своих людей из Москвы, которые все переменили. При полном согласии Лопухина... Старые чиновники, помнившие еще времена Третьего отделения, вылетели на пенсию. Впервые в штате департамента появились жандармские офицеры.

Между тем Плеве занимался не только полицейскими вопросами, к которым он был наиболее подготовлен. Хозяйство в МВД огромное, вся внутренняя политика в империи относится к его компетенции. Нужны хорошие товарищи, которые разгрузят министра от второстепенных дел. В этом Вячеславу Константиновичу было нелегко. Он унаследовал от Сипягина сразу трех товарищей, и теперь приходилось иметь дело с ними. Самым опытным являлся Петр Николаевич Дурново, тот самый, который сменил много лет назад самого Плеве на посту директора Департамента полиции. Умный, жесткий, он командовал полицией дольше всех. Но подвела его женщина. Большой юбочник, Дурново заподозрил свою любовницу в том, что она изменяет ему с бразильским посланником. Баба все отрицала. Тогда главный охранитель закона приказал тайно взломать бюро дипломата и выкрасть оттуда любовную переписку. Ушлые профессионалы из департамента залезли в квартиру посланника и вынесли бумаги. А Дурново уличил с их помощью неверную пассию. Та, дура, пожаловалась бразильянцу... История дошла до государя. Им тогда был

Александр Третий, который спуску не давал. И сильный способный человек с треском вылетел в Сенат. В ведомстве с тех пор началась чехарда, директора менялись каждые год-полтора. Но, поскольку революцию в стране вроде как истребили, высшую власть это не очень беспокоило.

Когда министром внутренних дел назначили егермейстера Сипягина, тому понадобился опытный цепной пес. Сам он полицейского дела не знал, как, впрочем, и всех остальных дел. Дмитрий Сергеевич попросил совета у Витте. К тому как раз накануне пришел сенатор Дурново с необычной просьбой. Он проигрался на бирже и теперь просил помощи у министра финансов. Ему срочно нужны шестьдесят тысяч рублей, причем безвозвратно. Вот, хорошо бы получить... за свои предыдущие заслуги... Опешивший Витте (доселе они с Дурново не были знакомы) послал его куда подальше. Тот спросил: а если за меня похлопочет Дмитрий Сергеевич? Министр ответил: деньги может дать только государь, но я буду против, кто бы ни просил. И через день Сипягин действительно обратился к Витте, но за советом. Как тот думает, можно ли взять Дурново в товарищи? Репутация плохая, но человек опытный. Тот ответил: бери, но только не доверяй ему полицию. Дай то, что на виду, где нет тайных операций и секретных фондов. Сипягин взял Дурново и тотчас попал под его влияние. В том числе и полицию поручил. И деньги выдал, все шестьдесят тысяч, из тех самых секретных фондов.

Когда Сипягина застрелили и на его место пришел Плеве, министр и его товарищ не обрадовались встрече. Два волевых и опытных человека, они были конкурентами в одном ремесле. Как быть? Вячеслав Константинович предложил Дурново взять в самостоятельное ведение почту и телеграф. Половина МВД! Огромное хозяйство с колоссальным бюджетом, хлопот невпроворот, работай на здоровье. Только не лезь в другие дела. Но Дурново именно другие дела и были интересны! Те, где большая политика, где доклады государю, очереди в приемной, все осаждают тебя с просьбами... Гонять почтальонов бывшему карателю было скучно. Деваться некуда, он занялся почтово-телеграфным ведомством и здорово его улучшил. Но затаил недовольство.

А Плеве между тем схватился не на живот, а на смерть с самим Витте. Казалось бы, министру внутренних дел было чем заняться и без интриг. Министерство финансов его не касалось, своих забот хватало. Но влияние Витте превосходило влияние других сановников. Он воздействовал в том числе и на внутреннюю политику, тем более что Сипягин жил его умом и ел у него с ладони. Плеве, как самостоятельная фигура, не желал мириться с соперником. У них были разные взгляды на то, что должна предпринять

власть в трудное время крамолы. По-разному они смотрели и на самый главный в России вопрос – аграрный. Но имелись и личные счеты: Плеве люто ненавидел своего могущественного соперника. Решив избавиться от него любой ценой, новый министр принялся искать союзников. Чего-чего, а врагов у Витте всегда было достаточно. Наступило и для него трудное время. Николаю Второму хотелось иметь в правительстве тех, кого он сам выбрал, а не кого унаследовал от отца. И он за годы своего царствования переменил весь кабинет. Из прежних зубров остался лишь Витте. Царь не любил сильных министров. Они словно уменьшали его самодержавную власть своей независимостью, знаниями, волей. Николаю проще было с теми, кто пытался в первую очередь угадать желание монарха. Отец не подготовил сына к сложному делу управления страной – он рассчитывал прожить подольше. Застенчивый, недоверчивый Николай первое время был под надзором дядьев. Постепенно он начал осваиваться на троне, завел конфиденентов. Наказывать царь не любил, трудно принимал решения об отставках, причем, плохо зная людей, поддавался влиянию окружения. Часто менял свои решения. Скрывал от царедворцев истинные желания. А затем обижался на них за плохой совет...

Зная такие его качества, Плеве заручился настоящими, патентованными союзниками против Витте. Тот давно уже сцепился с компанией Безобразова и Абазы, толкавшей Россию на путь экспансии в Маньчжурию. Это грозило ссорой с Китаем и войной с Японией. Прижимистый Сергей Юльевич, любимчик миротворца Александра Третьего, был категорически против войны на краю империи. Да еще за какие-то частные лесные концессии. И враги дружно набросились на него, да так, что стул под баловнем судьбы зашатался. Зять государя великий князь Александр Михайлович решил попробовать себя в деле. И для него придумали новое ведомство на правах министерства – Главное управление торгового мореплавания и портов. При этом оно забрало часть функций и кадров у Министерства финансов. Плеве попытался отнять фабрично-заводскую инспекцию, даже невинное Министерство народного просвещения покусилось на учебные заведения Минфина.

За всем этим с интересом наблюдал еще один сильный игрок – князь Мещерский. Владимир Петрович был выдающимся мерзавцем и интриганом. В своем салоне он принимал тех, кто делал карьеру любой ценой. Противоестественные склонности не мешали князю быть советником государя и издавать на казенные деньги патриотический журнал «Гражданин». Мещерский приложил руку к назначению Плеве на пост министра. Благодарный сановник устроил последнюю любовь

старенеющего педераста, камергера Бурнукова, к себе чиновником особых поручений. Но с тех пор между князем и министром пробежала черная кошка. И теперь конфиденгент царя думал, чью сторону ему принять...

Круто был замешан 1903 год. Два медведя сцепились в яростной схватке за власть. Незаметный для других, за ними наблюдал третий хищник, Дурново. Лишь немногие знали, что он ни в чем не уступит патрициям, просто его время пока не пришло. Зубатов пытался дирижировать рабочим движением. Военный министр Куропаткин обещал закидать японцев шапками. А таинственная Боевая организация строила свои планы. На секретном совещании ее вожди решили перейти на бомбы. «Мало веры в револьверы». Так надежнее.

Коллежский советник Лыков служил, как и прежде, чиновником особых поручений Департамента полиции. Новые люди потеснили и его. Казалось бы, зачем? Всех интересовал политический сыск, уголовный, как обычно, был в загоне. Но Лопухин решил перешерстить прежних чиновников всех до единого. Добрался он и до Алексея Николаевича. Две подробные беседы выявили некоторое несогласие во взглядах начальника и подчиненного. Выходец из судебного ведомства, Лопухин был законником от и до. Слухи о том, что коллежский советник иногда перегибает палку, задела директора. Спорить с начальством – глупое занятие, и Лыков чуть не на образах божился чтить Свод законов. Тем не менее он попал к новому шефу на карандаш и впервые за много лет не получил наградные к Пасхе. Бог бы с ними, с деньгами – он был обеспеченным человеком; но это плохой сигнал, что же будет дальше? Затем ему перестали давать поручения. Просидев без дела две недели, Лыков записался на прием к министру.

Неожиданно для него Плеве назначил встречу бывшему подчиненному у себя на квартире, почти ночью. Служа с Вячеславом Константиновичем много лет назад, Лыков никогда не был к нему близок – мелкая сошка. Но знал всю его семью, бывал у него дома, изредка выполнял конфиденциальные поручения Орла^[3]. Теперь он был поражен, как все изменилось. Прежде в старой квартире на Большой Морской, против реформатской церкви, было скучно, но уютно. Народу жило много, с тестем и детьми пять человек. Сын Николай, молчаливый мизантроп, почти не показывался в комнатах. Тесть, старик Уржумецкий-Грицевич, любил длинные занудные разговоры о прошлом. А супруга Плеве Зинаида Николаевна, как могла, пыталась развлекать гостей. Выходило это у нее неважно. Оживление в семейный уклад вносила дочь Елизавета, веселая и добродушная барышня.

Теперь все было по-другому. Елизавета вышла замуж, сын жил отдельно, тесть умер. Зинаида Николаевна, измученная бесчисленными изменами супруга, перестала показываться на людях и, как говорили, очень подурнела. Высокий, седоусый, с решительными чертами лица и умными пронизательными глазами, Плеве принял гостя один. Он теперь жил в казенной квартире МВД прямо в здании Департамента полиции, на Фонтанке, 16. Квартира была на первом этаже, два окна выходили на набережную. Лыков всегда недоумевал: как можно здесь поселиться? Бросить бомбу с улицы ничего не стоит...

– Садитесь, Алексей Николаевич. Чаю или, быть может, коньяку?

– Лучше чаю, Вячеслав Константинович.

– Как угодно. Ну, что произошло у вас с Лопухиным? Вы повидали уже столько директоров департамента, могли бы, кажется, и с этим договориться.

Сыщик знал, что Плеве, при всей кажущейся суровости, очень трогательно заботился о своих сотрудниках, даже рядовых. И он честно рассказал о тех разногласиях, что возникли у него с директором. Да, иногда коллежский советник переступал границы закона. Но для пользы дела! Мог и челюсть сломать негодяю, который не хотел признаваться. Пару злодеев выкинул в окно, когда был помоложе. Жестко вел допросы, мог подделать нужную улику, если с доказательствами возникали проблемы. Плеве как профессионал должен его понять. А Лопухин живет по старым судебским привычкам. Так можно и всю службу завалить... Сыщик подумал, но не сказал этого вслух, что директору вообще не место в Департаменте полиции. Легкомысленный, с огромным самомнением, по уровню государственного мышления Алексей Александрович Лопухин был мальчишка. Но умный Плеве почему-то выбрал его.

– Так, и что же вы решили?

– Решил служить, Вячеслав Константинович. Вы же знаете, без службы я не могу. Обещал больше ни-ни, все по закону. А в ответ перестал получать задания. Тишина, бумаг не носят. Сажу на заднице вторую неделю и думаю, что делать. Судя по всему, не поверил мне Алексей Александрович.

– Как видите дальнейший ход событий?

– Ну... В градоначальстве, говорят, недовольны Чулицким. Может, я там сгожусь?

Плеве сморщился, словно откусил лимон. Чулицкий был начальником Петербургской сыскной полиции. Лыков давал понять, что готов уйти из департамента.

– Погодите, Алексей Николаевич. Не порите горячку, будет вам. Мы долго служили вместе, я весьма высокого об вас мнения. В департаменте никто лучше не разбирается в уголовном сыске. А Чулицкому, кстати, уже нашли замену. Филиппова знаете?

– Владимира Гавриловича?

– Да. Он и будет начальником сыскной, решение уже принято.

– А Сергея Ильича снова прокатят?

Коллежский советник Инихов был вечным помощником начальника сыскной части и никак не мог подняться выше.

– Инихов остается на прежней должности. Так что, Алексей Николаевич, идти вам некуда, хе-хе. И потом, я вас не отпускаю. Вы мне нужны в департаменте. Кто же будет создавать объединенный уголовный сыск, как не вы?

Лыков недоверчиво нахмурил брови:

– При ваших контрах с Витте... Извините, Вячеслав Константинович, он и копейки не даст. Раньше-то нас отсылали ни с чем, а теперь...

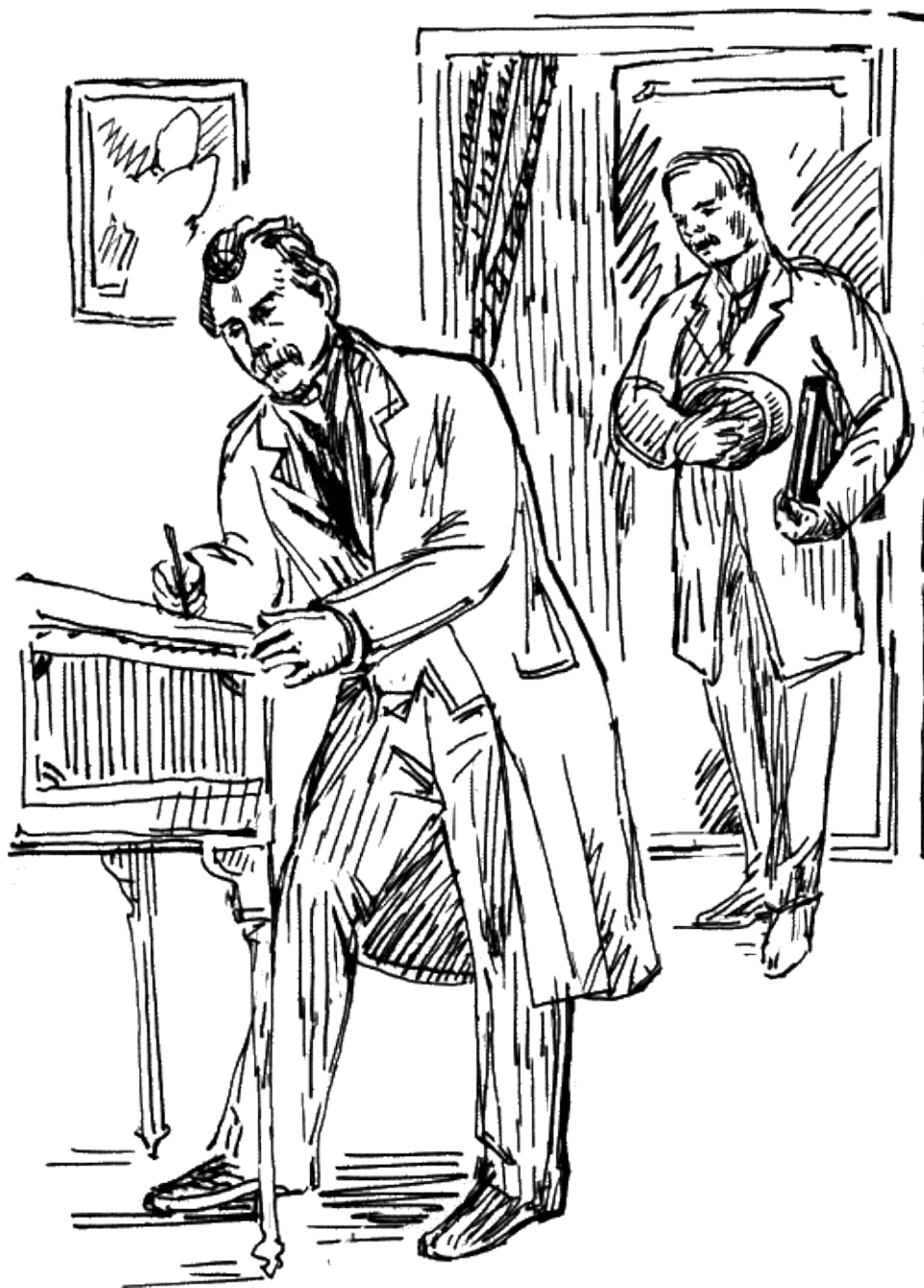
– Витте скоро не будет, – убежденно ответил Плеве. – Я уберу этого мерзавца из власти. Хватит ему губить страну. И тогда новый министр финансов, я уверен, рассмотрит ваши предложения. Вы ведь планируете еще одно делопроизводство?

Два профессионала обсудили планы создания структуры, которую задумывал много лет назад еще покойный Благово. Алексей Николаевич, как чувствовал, прихватил на прием бумаги с обоснованием. Министр их внимательно просмотрел и устно одобрил. В заключение он сказал:

– Служите как служили. Я поговорю с Лопухиным, никто вас больше не заденет. Поручения станете получать преимущественно от меня.

Уже в дверях, пожимая сыщику руку, Плеве спохватился:

– Дайте-ка мне еще раз ваши предложения.

Лыков вынул из портфеля бумаги, и действительный тайный советник написал на титульном листе:

«Полностью одобряю. Давно пора это сделать. Департаменту подготовить предложения на Государственный совет для внесения изменений в штаты. Ответственный: ксв^[4] Лыков».

Поймав недоумевающий взгляд подчиненного, Плеве пояснил:

– Меня могут убить в любой момент. А резолюция поможет вам

поднять этот вопрос с моим заместителем.

Лыков смутился.

– Будет вам, Алексей Николаевич, – хмыкнул в усы министр. – Не надо меня утешать, я не курсистка. Конечно, убьют! Вопрос в том, что я успею до этого сделать.

– Но усилить охрану стоит, – осторожно сказал Лыков.

– Никакая охрана не спасет, если целая организация против тебя, – ответил Плевел. – Но тут Богу решать, а не нам... Секретная агентура сообщила: на первом плане у террористов я, затем Победоносцев. Так что берегите резолюцию, она может вам еще пригодиться. Ну, прощайте.

Лыков ушел задумчивый. Как можно жить, если знаешь, что тебя не сегодня завтра прикончат? Он был в такой ситуации в Варшаве, где боевики устроили на русского сыщика охоту. Невыносимо тоскливо, все валится из рук, можешь думать только об этом...

После разговора положение коллежского советника изменилось. Лопухин был у Плевел в особом фаворе, тот доверял ему полностью. Но в случае с Лыковым, видимо, дал строгое указание. Алексей Николаевич получил задним числом все награды, а затем восстановился и нормальный ход его службы. Директор сам с ним не общался, при встречах был вежлив, но поручения передавал через вице-директора Зуева. Большею частью это были прямые задания Плевел.

Глава 2

Приказ с самого верха

20 июня 1903 года Лыкову телефонирует Зуев:

– Алексей Николаевич, ступайте немедленно в министерство. Плеве требует, очень срочно!

– Нил Петрович, уже лечу.

Министр принял сыщика сразу. Он был хмур и деловит.

– Вот выписка из депеши, мне передал ее военный министр. Автор – германский морской агент барон Шиммельман. Почитайте, что пишет этот мерзавец начальству!

– Перлюстрация? – догадался Лыков. – Ну-ка...

Текст перехваченного донесения поразил его. Барон сообщал в генеральный штаб, что операция с неким Филипповым прошла успешно. Он мертв, и петербургская полиция ничего не заподозрила. Секретные исследования доктора и его рукописи выкрадены, их со дня на день доставит в Германию агент Макс.

– Шпионство с убийством русского подданного? Неслыханно! А кто этот доктор Филиппов, ваше высокопревосходительство?

– Я запросил градоначальство. Неделю назад умер доктор натуральной философии Филиппов. Скончался от удара у себя на квартире. Кстати, во время химического опыта!

– Видимо, тот самый. А полиция ничего не заподозрила и констатировала, надо полагать, смерть от естественных причин.

– Вот что, Алексей Николаевич, займитесь этим делом, – заявил Плеве. – Вы уже занимались контршпионством. Куропаткин обещает содействие. Они там создали наконец военную контрразведку – вот пусть и потрудится.

– А при чем тут военные, Вячеслав Константинович? Налицо уголовное преступление, мы сами с ним разберемся.

Министр покосился на коллежского советника и нехотя пояснил:

– По словам Куропаткина, этот Филиппов изобретал какое-то варварское оружие. Вот армия и засуетилась. Хотят знать, что нахимичил доктор натуральной философии.

– Понятно.

– Там вообще клубок, – продолжил Плеве. – Филиппов этот был под

негласным надзором полиции как марксист.

– Ясно... Его вело столичное охранное отделение или наш департамент?

– Вот вы и разберитесь. Даю вам все полномочия дознавать это дело. Все! Жандармы, охрана, департамент обязаны отвечать на ваши вопросы и оказывать полное содействие. Соответствующая бумага уже ждет вас в приемной. Скажу больше: известием обеспокоен сам государь. Он взял происшествие на свой контроль. Революционер изобрел новое оружие, его украли германцы, а самого горе-изобретателя умертвили. Чудовищно! А потом это оружие выстрелит против нас? Ах, немчура...

– Разрешите приступить?

– Да, идите. Начинайте рыть землю немедленно. Знаю, вы это умеете. Кстати, – вдруг развеселился министр, – от военных будет помогать ваш приятель генерал Таубе. Вместе вы горы своротите, хе-хе.

Коллежский советник отправился за бумагой. Документ был сильный, Плеве использовал весьма энергичные выражения. Участие в дознании Таубе тоже понравилось сыщику. Военный министр Куропаткин, конечно, тот еще дундук, но у армии свои средства, они могут пригодиться.

Алексей Николаевич знал от приятеля, что тому удалось сдвинуть с мертвой точки свою старую идею. При управлении Второго генерал-квартирмейстера Генерального штаба в большой тайне было создано Разведочное отделение. Оно являлось внештатным и не указывалось ни в одном открытом документе. Виктор Рейнгольдович, по должности директора канцелярии Военно-ученого комитета, руководил новой секретной службой.

Перед тем как телефонировать барону, Лыков запросил в секретариате справку на загадочного ученого-социалиста Филиппова. Ему дали лист бумаги. Сведений оказалось негусто. Михаил Михайлович Филиппов, редактор журнала «Научное обозрение». Хороший журнал, семейство сыщика его выписывало! Проживал на улице Жуковского, в доме номер тридцать семь. Что еще за улица такая? Секретарь пояснил, что это новое название переименованной Малой Итальянской. Ученую степень Филиппов получил не абы где, а в Гейдельберге. Состоял под негласным надзором полиции. Постановлением Особого совещания МВД от 1 июня 1901 года ему запретили жительство в университетских городах сроком на год. Отбыл высылку в курортном финском городке Териоки и вернулся в Петербург. Умер 12 июня от паралича сердца вследствие органического сердечного порока. Похоронен 16 июня на Волковском православном кладбище.

Прочитав справку, Алексей Николаевич передумал телефонировать в Военное министерство. Виктор первым делом спросит, что полиции известно о Филиппове. Отдавать ему эту справку бессмысленно, в ней ничего нет. Между тем, если человек состоял под негласным надзором, на него заводилось дело. Бумаг там должно быть немерено, и начинать дознание надо с них.

Лыков вернулся к себе на Фонтанку, 16, и пошел в Особый отдел. С тех пор как он был создан, отдел сильно разросся и теперь включал чуть не половину чиновников департамента. Когда его возглавил Зубатов, к четырем уже существующим добавилось еще два стола. Пятый стол руководил охранными отделениями, шестой – службой наружного наблюдения. Из Москвы на должность его заведывающего перевелся знаменитый Евстратий Медников, начальник филерского отряда тамошней охраны. Теперь все секретные политические дела сосредоточились исключительно в Особом отделе. Надворный советник Зубатов подчинялся напрямую директору и потихоньку выживал всех прежних сотрудников, заменяя их москвичами.

Среднего роста блондин с приятным лицом и умными глазами, Зубатов встретил Лыкова на первый взгляд приветливо.

– Чему обязан, Алексей Николаевич? Вроде бы ваши жулики давно в политику не играют.

– Жулики занимаются своим делом, – подтвердил сыщик. – А меня Орел послал в ваш огород, Сергей Васильевич, уж не обессудьте. Поручил разобраться со смертью редактора «Научного обозрения» Филиппова. Прошу просветить, сообщить все, что о нем известно.

Зубатов словно поперхнулся:

– Филиппов? Который недавно помер?

– Тот самый.

– Полноте, зачем он вам? Болтун, как все наши либералы.

Коллежский советник лишь молча развел руками: мол, я-то тут при чем, начальство приказало.

Сергей Васильевич сокрушенно потряс головой, потом открыл дверь кабинета и велел позвать архивариуса. Через несколько минут Лыков листал дело. Как он и ожидал, бумаг в нем было достаточно. Сыщик унес папку к себе и стал делать выписки. Никогда не знаешь, что может пригодиться в дознании убийства. Надо начать с уяснения личности жертвы. Если, конечно, немцы не наврали и смерть ученого была насильственной.

Филиппов оказался почти ровесником Лыкову. Он родился в 1858 году

в имении деда, генерал-лейтенанта Васильковского. Тот будто бы вел свой род от Богдана Хмельницкого. Дочка генерала вышла замуж за молодого юриста, сына николаевского нотариуса, Михаила Абрамовича Филиппова. Отец ученого отметил, что пописывал книжки, одна из которых – «Патриарх Никон» – даже нашумела. Умер он в Риге в 1886 году в скромном чине титулярного советника.

Михаил как-то подозрительно долго получал высшее образование. Сначала поступил в Новороссийский университет на физико-математический факультет. Через год переехал в столицу и поступил уже на юридический в Петербургский университет. Через два года, не доучившись, вернулся в Одессу. Был замешан в беспорядках и заметал следы, надо было спрятаться... Денег за обучение не заплатил и был отчислен, после чего опять отправился в столицу.

В 1884 году Филиппов взялся за ум. Блестяще сдал экстерном полный курс физмата и получил звание кандидата наук. Познакомился с Менделеевым и перевел на французский язык его «Основы химии». Стоп, он же физик и математик, при чем тут химия? Бывают люди универсальных знаний, неужели потомок Хмельницкого из таких? Энциклопедист, ети его... Защитившись, Филиппов поступил на службу в журнал «Русское богатство», где стал редактором научного отдела. Вот откуда его страсть популяризировать науку... Женился на Любви Ивановне Столяровой, курсистке, работавшей в том же журнале. Через год написал положительную рецензию на второй том «Капитала» Маркса. Увлёкся славянским вопросом и в 1889 году перешел в «Славянские известия». Там не прижился. Ругал германский милитаризм. Не тогда ли немцы впервые обратили на него свое опасное внимание? Филиппов издал две книги: одну – о борьбе хорватов против Австро-Венгрии, вторую – о Скобелеве.

Решив продолжить образование за границей, химический физик уехал из России. Прага, Париж, затем Лозанна. В ней он впервые попал в поле зрения агентуры Департамента полиции: познакомился с Плехановым и Лавровым, много трепал языком. Потом поселился в Гейдельберге и там в 1892 году защитил докторскую степень. Тема работы: «Инварианты линейных однородных дифференциальных уравнений». Абракадабра какая-то...

В 1893 году новоиспеченный доктор вернулся в Петербург и ударился в философию. Опять поворот? Да, человек летучего ума был Михаил Михайлович. Издал двухтомник «Философия действительности». Полное название труда – «История и критический анализ научно-философских мирозерцаний от древности до наших дней». Следом вышла книга

«Судьбы русской философии». А еще Филиппов ввязался в спор с легальными марксистами Струве и Туган-Барановским и защищал Бельтова, настоящая фамилия которого – Плеханов. Того самого, политического эмигранта и бывшего террориста. Параллельно химико-физический философ писал художественные произведения. Историческая повесть «Дворянская честь» была принята публикой хорошо, а «Осажденный Севастополь» даже пользовался большим успехом. Вот как! Варенька очень хвалила эту книгу и предлагала мужу тоже ее прочитать. Но у сыщика, как всегда, не дошли руки. Значит, Филиппов действительно талантливый человек – в литературном вкусе жены Алексей Николаевич не сомневался.

Попалась сыщику и бумага за подписью его недавнего начальника Зволянского. Неугомонный Филиппов издал трехтомный «Энциклопедический словарь». Казалось бы, нужное дело, что тут плохого? Но директор Департамента полиции в письме министру сообщал, что словарь этот правильнее было бы назвать не энциклопедическим, а социалистическим, поскольку в нем особенно подробно и пристрастно разработаны были термины, касающиеся социализма.

Жаль, жаль... Из дела постепенно вырисовывался необычный образ, образ яркого и разностороннего человека. А тут еще «Научное обозрение». Филиппов начал издавать журнал с 1894 года на собственные средства. Сперва он являлся сугубо физико-математическим еженедельником, интересным лишь специалистам. Но вскоре превратился в толстый ежемесячный литературно-общественный журнал. И, как следовало из справки Особого отдела, рупор легальных марксистов. Как раз тогда Лыковы и начали его выписывать, привлеченные обзорами научных открытий. Они были живыми и понятными для обычного читателя. Жаль...

Между тем доктор натуральной философии Гейдельбергского университета, как подписывался Филиппов, стал ходить по лезвию ножа. В папке оказалось несколько доносов от секретной агентуры Департамента полиции. Осенью 1899 года на вечере, устроенном журналом «Жизнь», ученый поднял тост за 18 марта в России. Экий баловник! Восемнадцатое марта – день Парижской коммуны, только ее сейчас нам не хватало. А вскоре заявил буквально следующее: «Близок тот день, когда мы увидим баррикады на Невском проспекте». После того как Филиппов опубликовал в своем журнале статью Веры Засулич (конечно, под псевдонимом), терпение властей кончилось. Крамольника выслали из Петербурга, запретив жить во всех городах, где есть университеты.

Филипповы поселились в Териоках на даче Богомолова. В семье было

уже двое детей, сын и дочь. Михаил Михайлович загодя продал свой журнал Сойкину, оставшись главным редактором «Научного обозрения». Как они вчетвером жили на доходы от этого? Снова в деле замелькали донесения агентов. В Териоках тогда скопилось много левого элемента, и Филиппов сошелся с ним. Профессор Лесгафт, академик Бехтерев... Ну это еще куда ни шло. А вот Коллонтай уже совсем ни к чему. Дочь почтенного генерала Домонтовича, красивая и умная, она вскружила голову множеству поклонников. Довела до самоубийства Ивана Драгомирова, сына знаменитого полководца. А когда вышла замуж и родила ребенка, недолго предавалась радостям материнства. Коллонтай увлекли социал-демократические идеи, она бросила семью и сошлась с революционерами.

В конце 1902 года вся шайка вернулась в Петербург. Там вокруг Филиппова сформировался кружок из ученых либерального толка. Внутреннее осведомление проникло и в него. Агенты называли в числе участников кружка много звучных имен. Помимо тех же Бехтерева и Лесгафта, на вечера к Филиппову ходили химик Бекетов, естественник Бахметьев, физик Хвольсон, биолог Вагнер, географ Воейков, электрохимик Кистяковский. Даже Менделеев посещал эти собрания. Особняком стояла фигура профессора Лозаннского университета Герцена, сына знаменитого изгнанника. Ну, ученые собирались и перемывали косточки самодержцу. Любимое занятие нашей интеллигенции. Назначь любого из них помощником исправника в уезд – завалит службу за месяц, это не языком чесать. Но монархии от их трепя особого убытка нет. При чем здесь изобретение оружия и немецкое шпионство?

Ответ на первый вопрос сыщик нашел в той же папке, в последнем документе. Это оказалось письмо в газету «Санкт-Петербургские ведомости». Когда Лыков прочел его, захотелось протереть глаза... В письме рукой Филиппова было начертано следующее:

«В ранней юности я прочел у Бокля, что изобретение пороха сделало войны менее кровопролитными. С тех пор меня преследовала мысль о возможности такого изобретения, которое бы сделало войны практически невозможными. Как это ни удивительно, но на днях мною сделано открытие, практическая разработка которого практически упразднит войну.

Речь идет об изобретенном мною способе электрической передачи на расстояние волны взрыва, причем, судя по примененному методу, передача эта возможна на расстояние тысяч километров, так что, сделав взрыв в Петербурге, можно будет передать его действие в Константинополь. Способ изумительно прост и дешев. Но при таком ведении войны на расстояниях, мною указанных, война фактически становится безумием и

должна быть упразднена. Подробности я опубликую осенью в мемуарах Академии наук. Опыты замедляются необычайной опасностью применяемых веществ, частью весьма взрывчатых, как треххлористый азот, частью крайне ядовитых».

Вот так философ! Собирался взорвать к чертовой матери Константинополь. То-то германцы всполошились. Но какой оборот принимает дело – если, конечно, Филиппов не ошибся в расчетах. А если даже и ошибся? Новое оружие, которое упразднит войну, – это из области фантастики. Старый вояка, Алексей Николаевич не верил в подобные открытия. Люди всегда будут убивать друг друга, такова их природа. А уж политикам наплевать на количество жертв, лишь бы добиться своих сиюминутных целей. Одним изобретением отменить это? Утопично и глупо. Изобретение можно украсть, а его автора тайно убить. Вероятно, именно это и случилось на улице Жуковского. Теперь было ясно, что Плеве дал своему чиновнику особых поручений весьма серьезное задание.

С чего начать? Лыков наспех набросал план действий. Он был по-настоящему взволнован: речь шла, возможно, о безопасности государства. Само по себе письмо Филиппова ничего не значило. Мало ли фантазеров ежедневно пугают народ своими вымышленными открытиями? Но реакция германской разведки придавала истории другой оборот. Пойти на устранение человека и кражу его бумаг в чужой стране... Рискованная операция. Выходит, умные немцы приняли заявление ученого всерьез?

Итак, первое: взять под наблюдение капитана цур зее^[5] барона Шиммельмана. Постараться выявить его агентуру, тех людей, которые, быть может, и совершили убийство русского подданного. Это следует поручить нашему барону, Виктору Таубе, и его секретной службе.

Второе: вытрясти из Петербургского охранного отделения все, что там есть на Филиппова. Они вели его, внедрили в окружение своих людей, но просмотрели главное – работу над неизвестным оружием, которое так заинтересовало Германию. Почему просмотрели? Что за бездарные осведомители там сидят? Это задача для Лыкова.

Третье: выяснить у наших ученых, что же стоит за изобретением Филиппова. В мире науки принято обмениваться результатами исследований. Филиппов жил в столице, издавал научный журнал, вращался в профессиональной среде. И производил свои опыты втайне от коллег? Маловероятно. Хорошо бы поручить такое исследование естественнику, отличающему химию от физики, да где его взять? В Департаменте полиции одни юристы, а у военных и того хуже – люди постигали знания в юнкерских училищах. Тут пригодился бы Велевачев,

лыковский ученик и образованный человек. Но Юрий вышел в отставку год назад, уехал в Москву и сейчас развивал там фабрику, доставшуюся в наследство от тестя. Надо посоветоваться с Виктором. Может быть, у вояк найдется ученый артиллерист?

Закончив с планом, коллежский советник взялся за трубку телефона. Пора было звать армию.

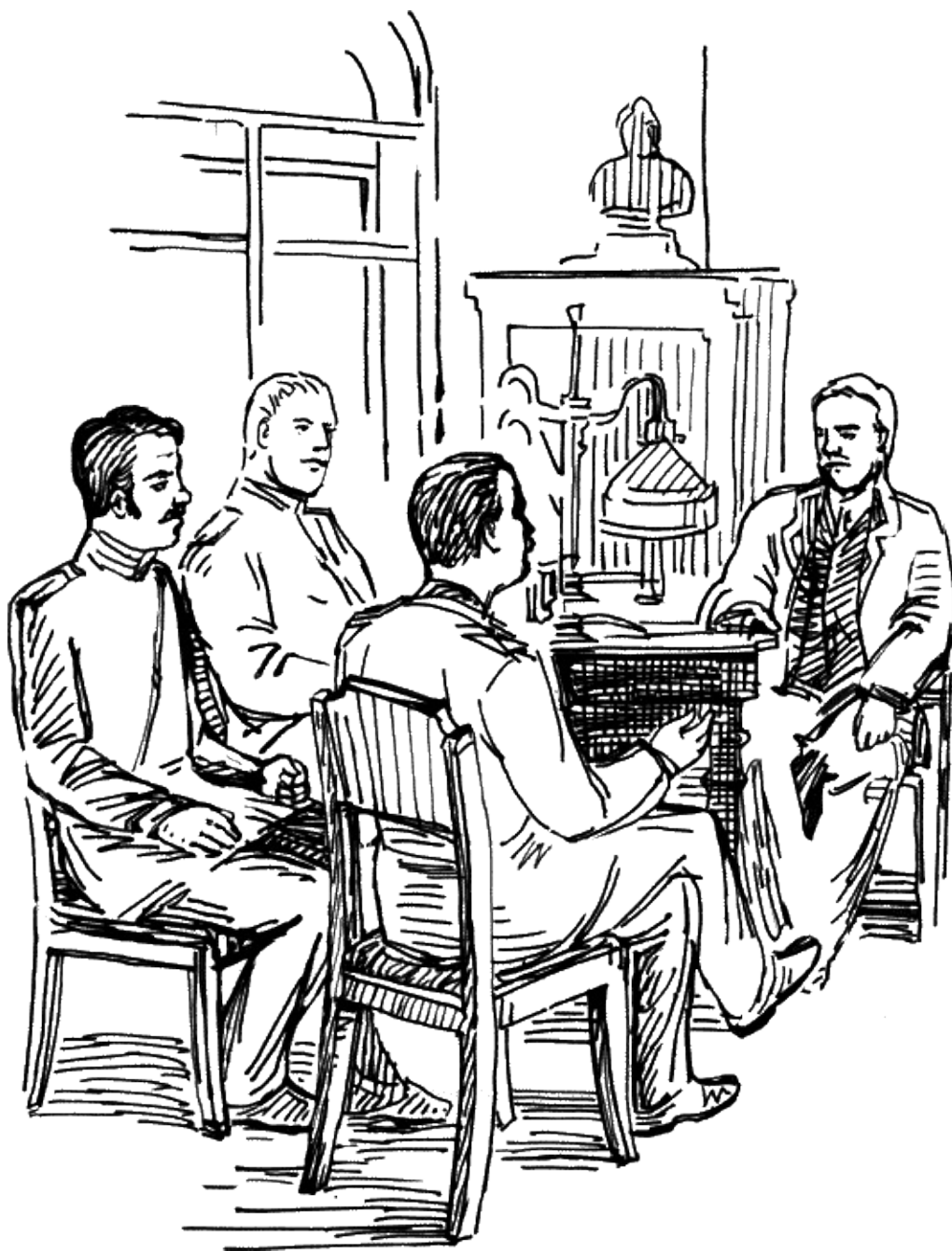
Глава 3

Первые шаги

Алексей Николаевич встретился с Таубе во флигеле Военного министерства. Знаменитый треугольный дом на Адмиралтейской площади, 12, закрывал внутренний двор со всех сторон. Вдали от посторонних глаз и расположилась разведка.

Таубе получил генеральский чин на Рождество. Это стало для него слабым утешением. У барона не ладилось с Куропаткиным. Заняв должность, тот быстро превратился из хорошего боевого генерала в суетливого бюрократа. Главной своей задачей он считал извлечение максимальной денежной выгоды. По должности Куропаткин получал, помимо жалованья, еще и так называемые финляндские деньги. Сейм переводил русскому военному министру ежегодно двадцать тысяч марок, или по курсу восемь тысяч рублей, за управление местными батальонами. При сохранении их автономии... Его предшественники, Милютин и Ванновский, отдавали эти деньги на пособие чинам русских войск в Финляндии. А Куропаткин спокойно клал себе в карман. Когда Николай Второй, по инициативе того же Куропаткина, лишил финскую армию этой автономии, генерал-адъютант вдруг выяснил, что пособия от сейма больше не будет. Очень этим возмутился – и выклянчил у государя казенное замещение прежних чухонских сумм. А уж сколько он получил прогонов, без устали разъезжая по державе... Делами заниматься времени совсем не оставалось. В перерывах между командировками министр жил на даче, где ловил сетью рыбу и стрелял из нагана по мишеням.

Виктор Рейнгольдович стал киснуть и проситься в строй. Только ему жалко было бросать контрразведочную службу, которую он с таким трудом наконец создал. Все шло к тому, что через год барон оставит штабную должность и уйдет командовать первой же дивизией, где откроется вакансия. А тут еще в обществе начали говорить о возможной кампании против Японии. Гуляла фраза, якобы брошенная Плеве, что России сейчас нужна маленькая победоносная война. Сказал он так или нет, точно неизвестно, но чуткие люди уже почувствовали запах гари...

Рядом с генерал-майором примостились еще два офицера. Один был в жандармском мундире с погонами ротмистра. Сухощавый, с профессиональным прищуром, он производил впечатление опытного розыскника. Так и оказалось: ротмистр Лавров возглавил Разведочное отделение Генерального штаба, оставаясь в ОКЖ^[6]. До перевода он занимал должность начальника Тифлисского охранного отделения. Это была хорошая школа. На Кавказе до сих пор жило много лихого народа.

Каждый оборванец держал дома целый арсенал, а сдаваться полиции без сопротивления было как-то не принято...

Второй офицер представился поручиком Олтаржевским. Должность его звучала очень длинно: младший помощник делопроизводителя Особого делопроизводства военно-статистического управления второго генерал-квартирмейстера. Короче говоря, это был человек Таубе, курирующий новую службу.

– Владимир Николаевич, ознакомьте коллежского советника Лыкова с характером деятельности вашего отделения, – предложил ротмистру генерал-майор. Поймал его взгляд и добавил: – Алексей Николаевич сам много лет занимается секретными делами, проверенный-перепроверенный. Можете ничего не скрывать. Потом, вам теперь вместе шпионов ловить, какие могут быть между вами тайны?

Лавров откашлялся и начал рассказывать:

– Разведочное отделение Генерального штаба, которое я имею честь возглавлять, создано в конце января этого года. Его высокопревосходительство...

– Если можно, покороче, Владимир Николаевич, – попросил Таубе.

– Слушаюсь. Куропаткин подготовил доклад на Высочайшее имя. Писал его, разумеется, Виктор Рейнгольдovich. В докладе доказывалась необходимость создать наконец собственную противоразведочную службу. После истории с Гриммом, сами понимаете, дальше терпеть было уже нельзя.

Ротмистр покосился на Лыкова. Тот понимающе кивнул: конечно!

Подполковник Гримм, старший адъютант инспекторского отделения штаба Варшавского военного округа, был разоблачен в прошлом году как германский и австрийский шпион. Он продал врагу много наших секретов. В их числе оказалась даже святая святых – мобилизационное расписание номер семнадцать, где был изложен весь ход мобилизации русской армии; пришлось срочно его менять. Обнаружили измену Гримма случайно. Русский военный агент в Вене полковник Рооп встретил его выходящим из здания австрийского генерального штаба! Гримм спокойно собирал на службе тайные сведения и лично отвозил их в Вену и Берлин. Русское законодательство не было готово к такому повороту: подполковник нарушил присягу в мирное время и должен был отделаться небольшим сроком заключения. Военные юристы кое-как «натянули» ему двенадцать лет каторги. Тотчас после вынесения приговора статьи законов о шпионстве ужесточили, за предательство ввели смертную казнь. Сам изменник отправился в арестантском вагоне в Сибирь, но не доехал. Его

убили соседи по нарам, а труп на ходу выбросили из поезда. Говорили, что таким образом конвоиры выполнили секретное задание Военного министерства...

– Его Величество согласился с тем, что контрразведочная служба нужна. В докладе Куропаткина особо было отмечено, что необходимы люди с опытом, и притом не статские. Департамент полиции, который до сих пор боролся со шпионажем, делал это плохо. Чиновники не имеют специальных военных знаний – как им тягаться с кадровыми офицерами германской и австрийской разведок? Поэтому был выбран жандарм, то есть я...

Сыщик опять кивнул, соглашаясь. Лавров приободрился: хоть человек из департаментских, но все понимает. И продолжил:

– Отделение мое внештатное, само его существование является государственной тайной. Мы сидим на Таврической улице, дом семнадцать. Там моя служебная квартира с канцелярией.

– Сколько у вас людей и кто они?

– Костяк я привез с собой из Тифлиса. Два наблюдательных агента из запасных сверхсрочных унтер-офицеров, а старший над ними – губернский секретарь Перешивкин. Все с опытом работы в охранном отделении.

– Кроме Перешивкина классные чины есть?

– Нет. Всего в отделении шесть наблюдательных агентов, один агент-посыльный, один агент для собирания справок и сведений и для установки лиц, взятых под наблюдение. Еще два почтальона – почту приходится доставлять секретными способами, а это хлопотно. И девять внутренних агентов.

– Это кто такие? – уточнил Лыков.

– Секретные осведомители. Они проходят по делопроизводству исключительно под псевдонимами, настоящие имена известны только мне.

– Правильно, – прокомментировал коллежский советник.

– Я пока остаюсь в «табуретной кавалерии»^[7], но хочу перевестись в армейскую. Чтобы не привлекать лишнего внимания. В Военном министерстве никогда не появляюсь, бумаги мне доставляют на квартиру. Лишь сегодня для вас сделал исключение.

– Понимаю и ценю. Вы успели уже развернуть наблюдение? За кем в первую очередь? В деле, которое нам с вами поручено дознавать, меня интересуют, конечно, германцы.

– Само собой! – ответил ротмистр. – Мы тоже с них начали, с окаянных. Главным немецким резидентом в столице является граф Гельмут фон Люциус. Официально он советник посольства, а на деле обер-шпион.

Ближайшие помощники тоже графья, один фон Берхем, а второй фон Притвиц. Уж не знаю, почему лезут в шпионское ремесло титулованные особы, но факт. Еще активны военный агент майор фон Эггелинг и морской – капитан цур зее фон Шиммельман. Этот, правда, не граф, а только лишь барон.

– Именно Шиммельман проболтался в письме об убийстве доктора Филиппова. Ваши люди перехватили рапорт?

Тут впервые в разговор вступил поручик Олтаржевский:

– Нет, господин коллежский советник, ваши. Из Почтамтского переулка.

Лыков, как весьма осведомленный человек, понял, о чем речь. В пристройке к зданию Петербургского почтамта, на третьем этаже находился «черный кабинет». Там особо подготовленные люди занимались перлюстрацией. В частности, вскрывалась дипломатическая почта тех держав, которые интересовали власть.

– И морской агент так неосторожно написал о секретной операции в обычном письме?

Ответил снова поручик:

– Он понадеялся на дипломатическую вализу с печатями. Но у Мардарьева есть печати всех посольств.

Статский советник Мардарьев служил старшим цензором почтамта и заведовал всей перлюстрацией в столице. Но откуда столь засекреченное имя известно скромному поручику?

Будто подслушав этот вопрос, Таубе пояснил другу:

– Существует пять заказчиков на товар. Знаешь, кто?

– Один – это мы, Департамент полиции, – стал загибать пальцы Лыков. – Второй – министр внутренних дел, у него свой список. Третий – министр иностранных дел. Четвертый... ну, ты понимаешь.

Четвертым адресатом меморандумов^[8] был государь, но сыщику не хотелось говорить об этом вслух.

– О нем умолчим, – согласился Таубе. – Но есть и пятый.

– Это ты?

– Да, на правах заведывающего военной разведкой. Запечатанные конверты поступают к генерал-майору Целебровскому, начальнику военно-статистического управления. Там их изучает поручик Олтаржевский и сообщает мне то, что заслуживает внимания. Именно Мариан Ольгердович обнаружил упоминание о смерти Филиппова.

Лыков повернулся к ротмистру Лаврову и продолжил расспросы:

– Шпионы известны, я понял. Но вы взяли их под наблюдение?

– Не всех, – ответил тот и развел руками: – Отделению без году неделя, штаты недостаточны, ассигнования задерживают. Я понимаю, что мои слова звучат как оправдание, эдак по всей державе, но... Что вы хотите?

– Я хочу понять, в какой мере могу рассчитывать на вашу помощь.

Бывший жандарм задумался, потом спросил:

– Кто вас более всего интересует? Барон Шиммельман?

– Да. Но если он лицо, подчиненное главному резиденту, то и резидент тоже.

– Граф Люциус... – ротмистр даже вздохнул. Чувствовалось, что проклятый немец уже сидит у него в печенках. – Хитер, сволочь. Никак к нему не подступимся. Дворника подвели своего, ну так то лишь дворник. Пытались лакея – не принял. И дом себе выбрал такой, что наблюдение не поставишь, все на виду. Извозчик у графа особенный, прикормленный, большие деньги гребет. Зато возит так, что от наших людей вихрем улетает. Совсем не патриот, совсем. Пытались завербовать – в лицо смеется. Откуда такой взялся? Мы уж подумываем, не сломать ли ему в «случайной» драке ребра, в интересах государственной безопасности. Тьфу!

– Владимир Николаевич, на что я могу рассчитывать? – не стал входить в трудности контрразведки сыщик. – Агентура немцев вам неизвестна? Способы связи? А письмо перехватить не пытались? Из тех, что посылают окольными путями.

– Граф Люциус дипломатической почтой не пользуется, – пояснил Лавров. – Это морской агент наивен, резидент не таков. Мы знаем, что секретную почту от Люциуса возит в Германию некий Кольбе, капитан парохода «Обер-бургомистр». Так-то это рядовой пароход, он делает регулярные рейсы между Петербургом и Штеттенем. Кольбе – почтальон их военной разведки, офицер запаса. Он же связной, через него Люциус передает команды своей агентуре в Риге. Здешняя агентура графа нам неизвестна. Он назначает тайные встречи одному чиновнику из Главного интендантского управления. Между прочим, начальник отделения, действительный статский советник! И еще на подозрении коллежский секретарь из Департамента торговли и мануфактур. Но действуют оба осторожно. Мы подставили им свою прислугу. Теперь читаем бумаги, наблюдаем посетителей и водим по городу. Результата пока нет.

– Понятно, – вздохнул Лыков. – Тогда просьба: если результаты появятся, не замедлите сообщить. А я начну копать с другого конца.

– С какого? – оживились ротмистр с поручиком.

– Охранное отделение держало покойного Филиппова под наблюдением. Вот, посмотрите.

Сыщик выложил на стол бумаги из дела ученого.

– Я оставлю их вам на сутки, можете сделать копии необходимых документов. Важны две вещи. Первое: в материалах наблюдения могут фигурировать немецкие агенты. Ведь кто-то забрал архив и передал его германцам. Значит, этот человек был вхож в дом, возможно, он участвовал в опытах.

– Что за опыты? – тут же встрепенулись военные.

– Пока не знаю. Есть лишь вот это письмо в газету, крайне интересное.

Контрразведчики прочитали послание Филиппова в «Санкт-Петербургские ведомости» и опешили. Таубе недоуменно потряс головой:

– Алексей, это точно не шутка? Новое, неизвестное ранее оружие огромной разрушительной силы? И оно теперь у германцев?

– Я не знаю, – ответил сыщик. – Дознание только начато, вопросов полно, а ответов пока нет.

– А Филиппов ваш не полоумный фантаст? – спросил Олтаржевский. – Или просто заблуждающийся. Что такое он мог изобрести, чтобы прекратить войны? Гениальный ученый-одиночка... Тема для плохого романа!

– Это нам с вами и предстоит узнать, – осадил поручика Лыков. – Я зайду через охранное отделение, узнаю, что есть на покойного у них. А вы, господа, подумайте вот над чем. Нужна экспертиза изобретения Филиппова. Если даже бумаги уже в Германии, кто-то в курсе его идей. Ассистенты, коллеги-ученые, друзья. Но я сам сыщик, треххлористый азот от хлорки не отличу... У вас найдутся компетентные люди? Весь архив забрать не могли, Филиппов ведь много лет издавал научный журнал. Что-то да осталось. Когда мы отыщем бумаги, потребуется грамотное заключение: оружие там или бред сумасшедшего.

– Треххлористый азот – это маслообразная жидкость, – сказал вдруг Олтаржевский.

– И что? – не понял Лыков.

– А хлорка – порошок. Так что отличите.

– А вы откуда знаете про маслообразную жидкость?

– Я закончил физико-математический факультет Варшавского университета.

Коллежский советник повернулся к генерал-майору:

– Вот он и будет отвечать внутри нашей тройки за связь с учеными.

Тот согласно кивнул:

– Да, надо поделить обязанности. Дело, которое нам поручили, на контроле у самого государя. Между нашими ведомствами не должно быть

соперничества. Каждый обязан делать то, что у него получается лучше других. Какой Алексей Николаевич сыщик, я знаю. Можете мне поверить, господа офицеры, что выдающийся. За германскими шпионами следит ротмистр Лавров, для этого и создали его службу. А поручик Олтаржевский действительно пусть поищет следы идей Филиппова в ученой среде. Изучит его репутацию среди коллег. Статьи в научных журналах – может быть, он там проговорился о своем изобретении. Схожие идеи у других исследователей, в том числе иностранных. Мариан Ольгердович, кстати, знает пять языков... Следующую встречу предлагаю устроить завтра на Таврической. Иначе мы расконспирируем Владимира Николаевича. Докладчик – Алексей Николаевич, он расскажет нам, что узнал важного в охранном отделении. Согласен?

– Согласен, – ответил коллежский советник. – Надо спешить, дело серьезное. Если Филиппов не фантазер, а действительно что-то изобрел... И германцы это сперли... Тогда безопасность России не гарантирована. Вот так, господа. Не больше и не меньше.

На этом совещание закончилось. Офицеры ушли, друзья остались вдвоем. И Лыков задал вопрос, который давно хотел задать:

– Ты уверен в своем поручике?

– Да. А что тебя смущает? То, что он поляк?

– Конечно.

– Леш, ты вроде бы не националист. Откуда такие мысли? Вспомни, в Варшаве тебе разве не попадались порядочные люди?

– Попадались, и даже часто. Но согласишься, что большинство панов не любят нас и мечтают о независимости польского народа. И на шпионстве мы их часто ловим. А тут – ввести поляка в военную разведку.

Таубе невесело улыбнулся:

– Вот я тебе сейчас расскажу историю. Полгода назад на месте Олтаржевского служил другой офицер, штабс-капитан Гришин. Русский, из дворянства, православный – хоть сейчас к славянофилам его помещай как образец. Гришин состоял в Особом делопроизводстве. Оно занимается всеми вопросами, что касаются заграничных интересов Военного министерства. А еще там копят остатки сумм по исполнению сметы Главного штаба. То, что не успели израсходовать – такое бывает даже у нас, хотя сметы всегда недостаточны.

– Я понимаю, продолжай.

– Так вот. По окончании года составляется доклад на Высочайшее имя, в котором министр испрашивает разрешения о переводе этих сумм в распоряжение начальника штаба. Для использования их на

непредусмотренные расходы...

– Что еще за непредусмотренные расходы? – уточнил Лыков.

– Это, Леш, те самые деньги, которые мы тратим на разведку.

– Покупаете военные секреты?

– Да. Платим шпионам, подкармливаем агентуру.

– Большие там суммы?

– Обычно по итогам года остается тысяч сто – сто двадцать. Это весь наш секретный бюджет. У немцев он в пятьдесят раз больше.

– Ясно...

– Сам понимаешь, операция эта не совсем законная с точки зрения Государственного контроля^[9]. Неоприходованные суммы должны сдаваться обратно в казначейство, а отнюдь не оставаться в распоряжении Главного штаба. На этом штабс-капитан Гришин и построил свой расчет.

Сыщик насторожился. По лицу барона пробежала брезгливая гримаса, и он продолжил:

– Суммы эти тратились так. Если нужно военному агенту, например во Франции, кого-нибудь подкупить, он обращался с рапортом к генералу Целебровскому. Тот проверял обоснованность заявки... Хотя, чего там! Никогда Виталий Платонович ничего не проверял в силу своей легкомысленности, а просто подписывал бумагу на имя казначея Главного штаба. Кто-то из офицеров Особого делопроизводства относил ее адресату и получал деньги.

– И Гришин провернул такой финт? – не поверил сыщик. – Подмахнул у генерала письмишко и получил сумму себе в пользование?

– Именно так.

– И много взял ваш православный человек?

– Почти все, что было. Сто тысяч с мелочью.

– Вот скотина! Но почему его не раскрыли?

Таубе поморщился:

– Никому и в голову не пришло, что офицер Главного штаба способен на такое. Много лет он носил записки казначею, получал суммы и сдавал их, как полагается. А в этот раз Гришин подготовился. Написал бумагу на сто тысяч, положил ее на стол Целебровскому. Тот не глядя подмахнул. После этого штабс-капитан хапнул деньги и тут же подал в отставку. И уехал на родину, куда-то на Урал. Когда снова понадобилась наличность, уже по настоящей потребности, Целебровский подписал отношение, а ему казначей говорит, что средств в шкафу больше нет! Генерал все забрал. Тогда только и вскрылся обман Гришина. Вышел скандал, но тихий. Знают о нем лишь несколько человек. Ведь Гришина в тюрьму за это не посадишь

и деньги украденные не отберешь.

– Но почему?

– А потому. Я же тебе объяснял. Куропаткин подводил государя, вовлекая его в нарушение закона. Как он теперь сознается в этом Его Величеству?

– И что, спустили все отставному штабс-капитану?

– Да, – подтвердил барон. – Пришлось съесть. Гришин теперь богач и не наказан за свою подлость.

– Для чего ты мне это рассказал?

– Для того, Леш, чтобы ты понял: русская фамилия еще не гарантирует порядочности. Олтаржевский – поляк и католик. Но он приличный, я ему верю.

– Смотри не обманись, – пробормотал Лыков.

– Уверен, что Мариан Ольгердович будет достойно служить. И тебе, лапотнику, станет полезным помощником. Но если ты дашь ему понять о своих подозрениях, сотрудничества меж вами не получится. Осознаешь это?

– Да осознаю... А что, он действительно знает пять языков? И пошел в армию после университета?

– Все правда.

– Мне нужен в дознании образованный человек. Тут наука, я в ней ноль без палочки. Знаешь, как называлась диссертация Филиппова? Сейчас прочитаю, погоди... Вот. «Инварианты линейных однородных дифференциальных уравнений». Ни одного слова не понимаю! Как же я буду искать убийц?

– Олтаржевский тебе поможет, – успокоил друга генерал-майор. – Но только в том случае, если будешь ему доверять.

Друзья расстались, и сыщик отправился на набережную Мойки, 12. В этом здании, где когда-то жил и умер Пушкин, теперь находилось Петербургское отделение по охране общественной безопасности и порядка. Лыков размышлял над иронией судьбы, пока добирался до места. Предварительно он телефонировал начальнику отделения подполковнику ОКЖ Сазонову. Кроме судьбы, ему было еще над чем подумать. Сазонов пришел на ответственную должность недавно. Ранее он служил помощником начальника Московского охранного отделения, того самого Зубатова, который сейчас руководил в Департаменте полиции Особым отделом. И по должности курировал все охранки империи. Правильно ли он, Лыков, делает, обращаясь напрямую к подполковнику? Не следовало ли сначала получить на это разрешение от Сергея Васильевича? Но

Филиппова непосредственно вели люди из ПОО, Петербургского охранного отделения. У Зубатова много дел, он всего не упомнит. О поручении Плеве надворный советник знает, сам вручил Лыкову те бумаги, что есть в департаменте. А Сазонов ближе к нужным сведениям, ему и карты в руки.

Ладно, решил сыщик, будь что будет. Он служил в Департаменте полиции уже более двадцати лет. И был в своей области незаменим – или ему так казалось. Новые люди, которые появились при Плеве и Лопухине, раздражали стариков. Но тот же Зубатов – выдающийся мастер политического сыска, глупо это отрицать. Пусть он дуется на Лыкова, как мышь на крупу. Если умный – а он умный, – то быстро успокоится. Если амбиции возьмут верх, ну и черт с ним.

Кроме того, в кармане у коллежского советника лежал открытый лист за подписью самого Плеве. В нем все чины МВД обязывались помогать Лыкову в исполнении возложенного на него министром особого поручения. Сильная бумага!

Сазонов принял гостя настороженно. Сутулый, напряженный, весь какой-то заскорузлый, он ничем не напоминал своего знаменитого начальника. Подполковник происходил из донских казаков. В последнее время донцы заполонили ОКЖ и составили в нем влиятельную партию. Недалекие, но бойкие, они оттирали других и тащили друг дружку наверх.

– Здравствуйте, Яков Григорьевич! Вот и до вас добрался, уж извините, что отрываю.

– Служба есть служба, Алексей Николаевич. Я весь внимание. Что за дело уголовному сыску до наших политиков?

Лыков предъявил подполковнику открытый лист. Тот нахмурился еще больше:

– Даже так? Излагайте.

– Двенадцатого июня в Петербурге умер редактор журнала «Научное обозрение» Филиппов.

Жандарм напрягся, по лицу заходили желваки. Что-то тут не то, подумал сыщик и продолжил:

– За день до смерти он послал в столичные «Ведомости» необычное по содержанию письмо. Вы его читали?

– Это про оружие, которое Филиппов якобы изобрел? Тогда читал.

– Что вы думаете о письме и вообще о возможности создания такого оружия?

– Да смешно слышать, Алексей Николаевич! Что вы, право слово... Филиппов ваш – никакой не ученый, а журналист. Как это сейчас называют: популяризатор науки. То есть сам ничего не знает не ведает, а

пересказывает русскими словами весь ученый бред.

– Откуда такая уверенность? – усомнился коллежский советник.

– Да поглядите хоть на его журнал. Обо всем помаленьку, и все с подковыркой. Печатал он у себя противников существующего строя, эмигрантов и даже террористов! Веру Засулич ту же и Плеханова-Бельского.

– Яков Григорьевич, я же вас спрашиваю не об этом. Не о политических взглядах Филиппова, они понятны. А вот какой ранг он имел в науке? Мог по своему умственному потенциалу изобрести новый, чрезвычайно опасный способ истребления людей?

Подполковник пожал плечами:

– Не ко мне вопрос. Но по моему разумению, где ему... Был я у Филиппова в кабинете, после того как все случилось. Просматривал библиотеку, статейки его листал. Обо всем писал покойник, на любую тему. Разве так бывает? Хошь по философии, хошь по химии с физикой, хошь по экономике этого... как его?

– Маркса?

– Да, Маркса. Такие всеядные ничего стоящего создать не могут. Только болтать, и все равно о чем.

– Понятно. Вы сказали, что приезжали в дом на Жуковского в день смерти. Почему? Потому что хозяин был крамольник?

– Да, именно поэтому. Филиппов много лет состоял под надзором полиции. Иногда под гласным и всегда под негласным. И, признаться, доставлял нам много хлопот.

– Почему, Яков Григорьевич? Вы только что сказали, что он был болтун. У нас полстраны таких, каждый интеллигент норовит лягнуть правительство.

– У этого в руках был журнал, – пояснил начальник охранного отделения. – Он влиял на умы, свращал молодежь.

– Пусть так, – согласился Лыков. – Расскажите, пожалуйста, о проведенном дознании. Вы ведь дознавали его смерть? И пришли к выводу, что она наступила от естественных причин?

Сазонов покосился на циферблат настольных часов, вздохнул и начал свой рассказ:

– Значит, так. Одиннадцатого вечером доктор Филиппов заперся у себя в кабинете для очередного опыта...

– У него в квартире была лаборатория? – удивился коллежский советник.

– Точно так. А что тут странного?

– Опыты Филиппова, по его собственным словам, были связаны с взрывоопасными и ядовитыми веществами. Как же он не боялся за домашних?

– Черт их знает, революционеров этих. Но не боялся. Самая большая из комнат была у него отведена под лабораторию. Так о чем уж я?

– Что он вечером заперся, – напомнил Лыков.

– Да, точно. Домашним своим сказал, чтобы до полудня его не беспокоили. Мол, ляжет поздно, должен поспать.

– Часто наш ученый так поступал?

– Часто, поэтому никто не удивился. Ну, утром вся семья встала, ходят на цыпочках, чтобы не разбудить папашу. Из кабинета ни звука, значит, спит. Дождалась супруга, как было велено, полудня и пошла будить мужа. Стучит-стучит, а тот не отпирает. Ну, она забеспокоилась. Кликнули слесаря замок ломать, но тут уже мы подоспели...

– Как вышло, что охранный отдел узнал об этом так быстро?

Подполковник довольно покрутил ус:

– У меня служба поставлена!

– Наблюдение сработало? Кого вы к нему подвели, дворника?

– Точно так. Как пошел шум по подъезду, что дверь у Филиппова открыть не могут и надо слесаря звать, дворник нам тут же телефонирует. Поэтому, когда явился слесарь с инструментами, мы уж его ждали...

Лыков перебил жандарма:

– Охранный отдел может войти в жилище лишь в сопровождении общей полиции. Кто с вами был в то утро?

– Не утро, день уже шел. Второй час пополудни. А из полиции явились пристав Второго участка Литейной части подполковник Лесников и частный врач^[10] статский советник Решетников. Ну, сломали дверь и вошли. Лежал он на полу возле лабораторного стола, ничком. В одном жилете без сюртука. Холодный уже. Крови под ним немножко натекло...

– Отчего кровь? Была рана? Куда и чем?

Сазонов объяснил:

– Филиппов, когда упал, ударился об угол стола. Вот тут, где скула.

– Точно сам, а не ударили его?

– Точно, Алексей Николаевич. И я внимательно разглядел, и доктор все вокруг обползал. Сам оцарапался, когда рухнул. Видать, смерть наступила мгновенно: упал, где стоял. Да и дверь заперта была изнутри на ключ.

– Ну, опытный человек снаружи щипцами повернет, и не подкопаешься.

Жандарм задумался над этой фразой, но быстро возразил:

– Нет, тут все сходится. Один он был, жена подтвердила. Никто ночью не приходил, она бы услышала.

– Хорошо, продолжайте.

– Ну, Решетников осмотрел труп и велел отвезти его на вскрытие. А мы опечатали бумаги, разобрали оборудование, что было на столе, и доставили сюда. Полистали бумаги и ничего стоящего не обнаружили. Вот, пожалуй, и все.

– Я должен увидеть архив Филиппова.

– Сейчас распоряжусь. Там немного, я думал, больше будет. У этой интеллигенции писательский зуд, им все кажется, что без их поучений страна заплутает.

– А лабораторное оборудование где?

Тут подполковник удивил сыщика:

– Да мы его уж выбросили.

– Как выбросили? Отчего?

– А пока разбирали, все взмокли. Железки всякие, линзы, колбы, реторты... Привезли сюда и собрать обратно уже не сумели. Черт там ногу сломит! Наука, а у нас в отделении ученых таких нет. Вот и выкинули как хлам. Но все описали и запротоколировали.

Лыков не верил своим ушам:

– Вы разгромили лабораторию Филиппова?

– Говорю же, так вышло. Оборудование надо было увезти из квартиры, чтобы изучить. Мало ли что этот смутьян изобретал? До меня доходили сигналы, что он готовит какие-то опыты, связанные с передачей на расстояние энергии химических взрывов. Вдруг это для бомбистов? Не мог же я оставить лабораторию в кабинете. Приказал вынести в том виде, в котором она была на столе, так стол в дверь не пролезал! Другого способа не было, кроме как разобрать. Не бросать же приборы. Бомбисты шасть следом за нами, и унесли бы лабораторию с собой.

– И вы ее сломали.

– Да! – подполковник даже вскочил и замахал волосатыми руками. – Моя задача была не дать использовать оружие – если оно оружие – террористам. И я эту задачу выполнил.

– Ваша задача шире, чем вы думаете, – попробовал вразумить жандарма сыщик. – Если то было оружие, в интересах правительства изучить его и поставить на защиту Отечества. А вы? С кем был согласован ваш вандализм?

– С Сергеем Васильевичем.

– Сергей Васильевич Зубатов всего-навсего надворный советник. Не

ему единолично решать такие вопросы! Он согласовал это с руководством?

Сазонов смешался:

– Я полагаю, что да...

– С кем именно?

– Алексей Николаевич, вы уж у него сами об этом спросите. Для меня Зубатов – управляющая инстанция. Он приказал – я исполнил.

– Да... Вы хоть сфотографировали аппарат Филиппова?

– В штате охранного отделения нет выездного фотографа. Мой помощник ротмистр Герарди зарисовал аппарат... приблизительно.

Лыкову захотелось рявкнуть во весь голос. Два убогих жандарма сгубили то, что германский генеральный штаб счел угрозой безопасности страны. И что теперь с них взять? То, что они выполняли приказ Зубатова, ничего не меняло; загадочный аппарат был утрачен.

– А научные статьи где? Где лабораторные журналы?

– Сейчас принесут все, что было, – засуетился подполковник и кликнул секретаря. Скоро перед Лыковым положили стопу бумаг, частью машинописных, частью рукописных. Он бегло их пролистал и отложил.

– Я забираю у вас весь архив доктора Филиппова. Пусть пока сделают опись.

– Слушаюсь.

– Но уже сейчас ясно, что архив неполон. Убитый был серьезный ученый, он много лет вел эксперименты. В том, что мне показали, нет ни одной его статьи, только рукописи для «Научного обозрения» и несколько частных писем. Где все остальное?

Сазонов завелся:

– А почему вы считаете, что есть какое-то там остальное? Мы увезли все, что нашлось в квартире. И прибыли на место самыми первыми, никто не мог нас опередить. Алексей Николаевич, извольте объясниться. Мне совсем не нравятся ваши упреки. Я вам ни по какой линии не подчиняюсь. Скажите, что произошло на самом деле? Почему смерть этого журналиста от науки так вас заинтересовала?

– Не меня, а двух министров, военного и внутренних дел. А теперь еще и государя.

– Государя? – опешил жандарм. – С каких пор?

Лыков рассказал ему о перехваченном письме германского агента. Не упомянув, что для этого пришлось вскрыть дипломатическую почту... Сазонов удивился, но как-то чересчур вяло. Будто знал или догадывался о случившемся.

– Филиппова убили немецкие шпионы? Полноте. Мы в свою очередь

тоже за ними присматривали. Никаких встреч, никаких таких подозрительных людей вокруг него не было. Хотя...

– Что хотя? – насторожился сыщик.

– Сейчас, после того как вы сказали про колбасников... Есть два момента.

– Слушаю вас, Яков Григорьевич. Дайте хоть какую зацепку.

– Во-первых, Филиппов учился в Германии. И не только в Гейдельберге всяким там дифференциальным уравнениям. Но и у крупнейшего ихнего химика Мейера. Состоял с ним в переписке, обменивался научными работами. А химик тот – специалист по взрывчатке! Ну и... может, сболтнул ему наш по-дружески. А там приняли всерьез.

– Логично. А второй момент?

– Второй момент, что аппарат ему делали в Риге на каком-то заводе. А они там все немецкие. Понимаете?

– Так-так... Правильно рассуждаете, подполковник. Думаете, был другой источник утечки?

– Конечно. Германские инженеры сделали ему аппарат по представленным чертежам и тут же сообщили об этом в свой генштаб. Там всполошились, дальше понятно что. Но как они это провернули? Как убили человека, русского подданного, в столице, так, что никто не догадался? Решетников не аматер^[11], опытный врач...

– Будем разбираться. Распорядитесь, чтобы принесли акт дознания.

Секретарь принес дело, заведенное охранным отделением по факту смерти Филиппова. Лыков открыл его и сразу же обнаружил странности.

– Яков Григорьевич, а это что такое?

– Где?

– Да вот, сверху лежало. Заключение вольнопрактикующего врача Полянского. Пишет о том, что обследовал труп, а насчет причин смерти указывает: «Mors ex causa ignota». В переводе с латинского – «Смерть по неизвестной причине». Вы же мне говорили, что явились первыми, еще до того как взломали дверь. С Решетниковым. А Полянский что за персонаж?

Подполковник был сконфужен:

– Ах да. Сейчас я припоминаю. Илиодор Платоныч, Решетников то есть, прибыл не сразу, а маленько опоздал. И вдова вызвала своей волей этого эскулапа в синих очках. Тот нюхал-нюхал, да ничего не унюхал.

– В каком смысле?

– Ну, крутился вокруг трупа, склянки смотрел, палец туда засовывал... И ничего толкового так и не сказал. Только деньги взял, подлец.

– А Илиодор Платонович быстро поставил диагноз?

– Нет, – после короткой заминки ответил жандарм. – А ведь вы правы, Алексей Николаевич... Я, признаться, не придавал тогда значения. А сейчас, после ваших слов, думаю: подозрительно.

– Что подозрительно, подполковник? Выкладывайте, почему из вас надо все клещами тащить?

– Решетников тоже затруднился сразу дать заключение. Тело отвезли в морг Литейной части. А спустя сутки тот же Илиодор Платоныч приказал переправить покойника в Мариинскую больницу. Уже там он сделал вскрытие и определил, что у Филиппова произошел паралич сердца вследствие органического сердечного порока. Но с ним не согласился полковник Гельфрейх и дал собственное заключение...

– Погодите. Кто такой Гельфрейх?

– Делопроизводитель Главного артиллерийского управления, – пояснил Сазонов. – Мы привлекли его в качестве эксперта тех опытов, которые проводил покойный Филиппов.

– И что он заключил?

– Он выдвинул свою версию. Будто бы смерть ученого произошла от отравления парами синильной кислоты.

– Каким образом полковник смог это определить? – удивился Лыков. – Он специалист по ядам?

– Нет, по взрывчатым веществам.

– Зачем же вы его призвали?

– Запросили военных, и те прислали Гельфрейха.

– Яков Григорьевич, – медленно, чуть не по слогам, произнес сыщик. – Как специалист по взрывчатым веществам мог дать заключение насчет причин смерти? Если взрыва не было...

Жандарм в очередной раз пожал плечами:

– Вот и я удивился. Пытался убедить Гельфрейха, что тот ошибается. Но он настаивал на своем. Потребовал, чтобы это его особое мнение было занесено в протокол. И даже заявил, что имело место самоубийство!

– Совсем рехнулся? Прощальной записки нет, человек упал как подкошенный. Откуда вдруг самоубийство?

– Надо у него спросить, Алексей Николаевич. Я, признаться, и значения не придавал. Имеется заключение Решетникова. Тот уважаемый человек, частный врач, доктор медицины. Что мне слова артиллерийского полковника? Тьфу и растереть.

– Но на чем-то тот строил свои заключения! Полковник осмотрел лабораторию?

– Ну, не саму ее, а то, что осталось после доставки в отделение. Вот,

извольте ознакомиться с собственноручным рапортом Гельфрейха.

Лыков взял лист бумаги и зачитал вслух:

– «...В числе вещественных доказательств найден каменный котелок с какой-то солью и жидкостью. Если эта соль – желтая соль, а жидкость – разведенная серная кислота, то не может быть сомнения в том, что эта операция велась М. Филипповым исключительно с целью самоотравления». М-да... Ваш эксперт определенно идиот. Что именно было в котелке, он достоверно не выяснил. Решил, что это серная кислота. Почему не другое? И притянул сюда самоубийство. То есть из одного спорного предположения вывел второе, тоже спорное. И потом, если в котелке была серная кислота, откуда тогда взялась синильная, парами которой якобы надышался доктор? Гоните в шею такого эксперта!

Сазонов промолчал. Коллежский советник подумал и спросил:

– Был ли в кабинете вытяжной шкаф?

– Был. С электрическим вентилятором, германский! Я еще подумал: мне бы в кабинет такую штуку. А то, знаете, летом бывает жарко.

– Тогда тем более не мог покойный ничем надышаться. Шкаф тоже сломали?

Подполковник кивнул:

– Точно так. Вентилятор я прибрал... Желаете посмотреть?

Сыщик вздохнул, стал складывать в папку бумаги.

– Беру с собой. Начну разбираться в ваших домыслах по новой. Опись архива составили?

– Наверняка.

– Яков Григорьевич, а теперь дайте мне донесения ваших осведомителей, которые наблюдали Филиппова.

Подполковник в очередной раз смутился:

– Но...

– И устройте мне с ними встречу.

– Господин Лыков! Алексей Николаевич! Вы же знаете не хуже меня, что это строжайше запрещено инструкцией.

– Господин подполковник, с инструкцией я знаком. А вы знаете характер нашего с вами министра? Я веду дознание по делу, которое находится на контроле у государя. Открытый лист вы видели, там все написано. Про полное содействие – читали?

– Ну читал.

– Вот и окажите его. Если я доложу Вячеславу Константиновичу, что вы препятствуете дознанию, представляете, что с вами будет?

– Разрешите испросить согласие на это у надворного советника

Зубатова, – встал и вытянулся жандарм.

– Не вижу необходимости. Можете известить его о том, что вынуждены выполнить категоричное требование коллежского советника Лыкова. Я с Сергеем Васильевичем говорил о своем дознании, он в курсе дела. И, как умный человек, давно сообразил, что я в первую очередь приду сюда. Он ведь вам телефонировал?

– Да.

– И предупредил, что я обязательно заинтересуюсь рапортами внутренних осведомителей. Так?

– Да...

– И сказал: постарайтесь не выдавать сотрудников, авось Лыкову хватит их бумаг. И вообще, тяните до последнего.

– Вы что, подслушивали наш разговор? – вспыхнул подполковник.

– Это просто логика, Яков Григорьевич. Так что санкцию от Зубатова вы уже получили. Кончайте ваш спектакль, надоело. Времени жалко.

Сазонов вытащил из стола еще одну папку. Сыщик отметил про себя, что она была приготовлена заранее.

– Вот. Здесь рапорты секретного сотрудника под кодированным именем Химик. Он был внедрен нами в самое близкое окружение Филиппова два года назад.

– Как настоящее имя Химика?

– Финн-Енотаевский Александр Юльевич.

– Давно он у вас на связи?

– Давно, – вздохнул подполковник. Он смирился наконец с требованием сыщика и принялся рассказывать подробно: – Настоящее его имя – Аба Иоэлевич Финн, он жид из Ковно. Затесался в революционную деятельность в Москве, создал там марксистский кружок. Ну, взяли мы его в девяносто шестом. Я тогда только-только пришел в Московское охранное. Вел его сам Сергей Васильевич и привел к откровенному признанию. А потом и завербовал. Факт вербовки, понятное дело, мы скрыли. Аба получил два года ссылки в Енотаевск Астраханской губернии, а название городишки потом взял себе как революционный псевдоним.

– Вы дали своему агенту два года ссылки? – удивился Лыков.

– А куда деваться? – ответил вопросом на вопрос собеседник. – Иначе все бы поняли, что он предатель. И без того Аба получил минимальный в сравнении с прочими срок, и на него косились. Разговоры об измене шли. Вы же знаете, как товарищи к этому относятся: всегда всех подозревают, ведут собственные дознания... Еле-еле Химик вернул доверие.

– Как он оказался в Петербурге, да еще в окружении Филиппова?

– Мы велели. Филиппов был настоящий враг правительства, непримиримый. Но тайный. Дело не только в статьях Плеханова или Засулич, которыми он заполнял свой журнал. Черт бы с теми статьями. Он читал лекции, а деньги от них передавал социал-демократам. Вел пропаганду среди интеллигенции, среди наших ученых. Самого Менделеева совращал! К Толстому ездил и пытался обратить его в социал-демократическую веру.

– Даже к Толстому? И что, неужели обратил?

– Зря смеетесь, Алексей Николаевич. Нету тут ничего смешного. Вокруг нас много либеральных болтунов. Они, конечно, раздражают правительство, но болтуны не опасны. Как говорят на востоке, собака лает, а караван идет. Не то Филиппов. Он тайный и активный член социал-демократической партии. Выполняет их поручения, помогает средствами. Может, и оружие он создавал по заданию революционеров? Представляете себе последствия, если бы террористы получили к нему доступ?

– То есть вы знали про аппарат Филиппова? – поймал жандарма на слове Лыков.

– Знал, конечно. Он не скрывал, чем занимается.

– Почему же не прекратили эти опасные изыскания?

Сазонов вздохнул и потер макушку. Помолчал, потом с тоской в голосе пояснил:

– Я выходил к начальству с предложением. Не одобрили.

– Чем объяснили?

– Ну, во-первых, какие у нас основания пресечь научную деятельность известного ученого? Во-вторых, видимо, хотели дать ему довести эксперименты до конца, а там все забрать. Мне поручили наблюдать и не запоздать с сигналом.

– Что пора арестовывать?

– Конечно. Представляете, какая ответственность? Вдруг я упущу момент? И оружие попадет в злонамеренные руки. Признаться, когда Филиппов отдал богу душу, я даже обрадовался. И аппарат его сломал не без умысла. Пусть уж никому не достанется это чертово изобретение! Хотя, повторюсь: я считаю, что ничего подлинно опасного доктор натурфилософии изобрести не мог. Сейчас над такими вещами трудятся целые институты и секретные правительственные лаборатории. На изыскания требуется прорва денег, это по карману лишь государству. Вон у германцев вся наука служит военному министерству. А тут одиночка. В кабинете площадью десять квадратных саженей. Без средств, без помощников, все на живую нитку... Видели бы вы его аппарат! Три

железки и какие-то линзы – вот и все. Какое из этого могло выйти оружие? Да еще чтобы остановить войны на планете. Чушь!

Сазонов перевел дух. Коллежский советник спросил:

– А если это был гениальный одиночка? И он действительно изобрел оружие страшной разрушительной силы?

– Тогда тем более я прав. Сломать лабораторию, сжечь все его бумаги, предать имя забвению.

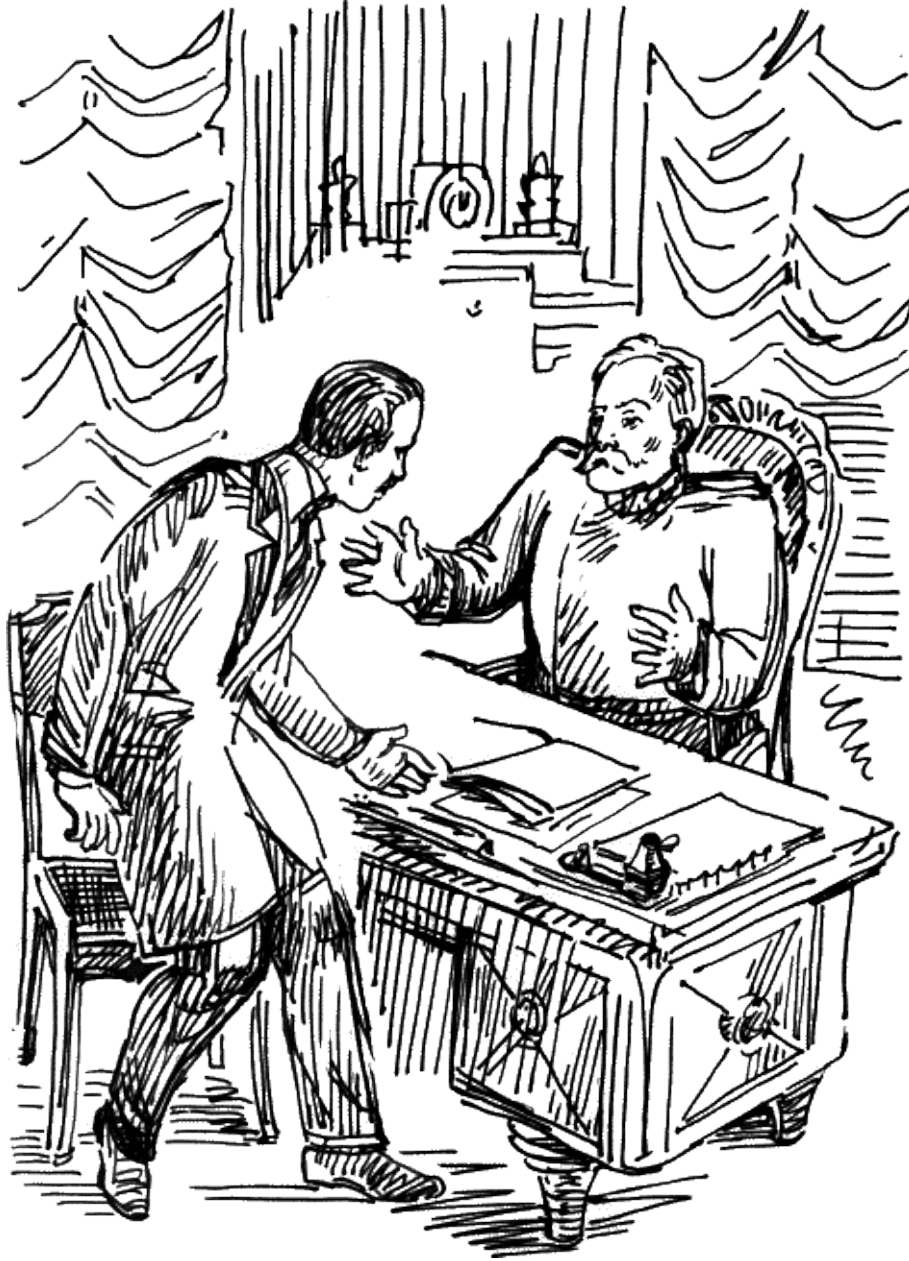
– Ход науки не остановить. Завтра кто-то другой откроет это заново. Но у нас не осталось разработок ученого, чтобы получить фору в состязании с теми же германцами.

– Все равно я прав, – упрямо заявил подполковник. – И государь наш одобрит мои действия. Он пацифист, против войны. Вспомните, кто организовал Гаагскую мирную конференцию. Филиппов был наивный утопист. Так это называется? Он полагал, что если изобретет нечто до него невиданное, то войны от этого сразу прекратятся. С чего вдруг? Соперники бросят все силы на то, чтобы заполучить такое же оружие. Никаких денег не пожалеют и добудут. Представьте себе, что наше Военное министерство завладело изобретением покойника. И довело его до работающего образца. Долго после этого оно будет оставаться тайной для германцев или англичан? Купят кого надо с потрохами, купят и заведут у себя то же самое и даже сильнее.

– Вы правы, я сам в последнее время думаю о том же, – согласился с жандармом сыщик. – Утопист, согласен. Он полез не в свое дело. Тут такие силы замешаны... Большая политика, европейская война, власть в Европе на кону. Кто бы ему дал диктовать свои наивные требования...

– Вот! И я об этом, Алексей Николаич. Рад, что мы поняли друг друга.

– Яков Григорьевич, однако один вопрос все равно остается. Лаборатория Филиппова уничтожена безвозвратно. Но результаты его исследований – где они? У вас бумаг кот наплакал, на архив ученого не тянет. А в перехваченном письме германского агента сказано, что документы переправлены в Берлин. Откуда они взялись, если вы прибыли на место происхождения первыми и все забрали?

Сазонов опять пожал плечами. Похоже, это было его любимое телодвижение...

— Ума не приложу. Дворник сообщил тут же, как узнал. Мы приехали через полчаса. Дверь была заперта изнутри, в комнате ничего не тронuto, никаких следов обыска. Хотя...

— Что?

— Разве вот у жены что-то осталось? В спальню мы, конечно, не заходили.

— И не говорили с ней о бумагах?

– Алексей Николаевич, вы же понимаете, в каком она была состоянии. Лишиться мужа, внезапно. Остаться без средств. Да еще на последнем месяце беременности! О чем можно было говорить тогда с несчастной женщиной?

– Понятно. Я сам побеседую с ней.

– А...

– А вам, разумеется, сообщу о результатах.

– Буду обязан!

Пока доделывали опись, Лыков продолжил изучать бумаги. Его заинтересовал лист, запись на котором была оборвана. Сазонов глянул на него и пояснил: это лежало на лабораторном столе ученого. Последнее, что успел записать Филиппов перед смертью...

На четвертушке почтовой бумаги округлым почерком было написано: «Опыт над передачею взрыва на расстоянии. Опыт 12-й. Для этого опыта необходимо добыть безводную синильную кислоту. Требуется поэтому величайшая осторожность, как при опыте с взрывом окиси углерода. Опыт 13-й: взрыв окиси углерода вместе с кислородом. Надо купить элементы Ленкланше и Румкорфову спираль. Опыт повторить здесь в большом помещении по отъезде семьи...»

В папке лежал также рисунок аппарата Филиппова, сделанный перед его разрушением. Понять что-либо из него было невозможно. Эх, вандалы...

Коллежский советник оформил изъятие документов и покинул Мойку, 12. До встречи с военными оставалось еще несколько часов. Он заперся в своем кабинете и потратил их на ознакомление с архивом.

Сыщику мало что удалось понять из научных трудов вперемешку с частными письмами. Труды были других авторов – видимо, редакционный портфель. Из корреспондентов чаще всего встречался некто Трачевский. В черновике письма, обращенном к нему, встретились любопытные слова: «Я могу воспроизвести пучком коротких волн всю силу взрыва. Взрывная волна полностью передается вдоль несущей электромагнитной волны и, таким образом, заряд динамита, взорванный в Москве, может передать свое воздействие в Константинополь. Прделанные мною эксперименты доказывают, что этот феномен можно вызвать на расстоянии в несколько тысяч километров. Применение такого оружия в революции приведет к тому, что народы восстанут, и войны сделаются совершенно невозможными». Опять Константинополь! Как в письме в газету. Дался ему этот город... А фраза о применении оружия в революции совсем не понравилась правоохранителю Лыкову. Похоже, подполковник Сазонов не

ошибся: покойный думал о таком использовании своего изобретения! Думал или специально готовил для этой цели? И вместо загадочного треххлористого азота грозил уже динамитом.

Еще сыщика заинтересовала приписка в конце: «К этому немного подходили в Америке (Тесла), но совсем иным и неудачным путем». Что за Тесла? Это фамилия или географическое название? Надо срочно отыскать Трачевского и расспросить о Филиппове.

Несколько писем были на немецком и французском языках – сыщик отложил их для поручика Олтаржевского. Закончив с бумагами, он наскоро почаявничал, потому что времени на обед уже не оставалось, и отправился на Таврическую.

Конспиративная квартира Разведочного отделения состояла из нескольких больших комнат на пятом этаже доходного дома. Ротмистр Лавров встретил сыщика и показал ему помещение. Удобство его было в том, что имелось два черных выхода. Для секретных дел весьма кстати. В прихожей сидел человек, хорошо Лыкову знакомый, – отставной унтер-офицер Арзамасцев. Барон Таубе привез его с Сахалина и пристроил к операциям военной разведки.

– Здравствуйте, Платон Ануфриевич! Вы тоже теперь здесь?

– Так точно, Алексей Николаевич. Его превосходительство уступили его высокоблагородию господину ротмистру.

Сыщик усмехнулся. С тех пор как барон Витька стал генералом, Арзамасцев, прежде величавший его по имени-отчеству, теперь титуловал превосходительством. Военная косточка. Интересно, когда он, Лыков, выслужит действительного статского советника, тоже удостоится такой чести?

В канцелярии царила деловая обстановка. Сидели несколько мужчин в партикулярном платье, один из них печатал на пишущей машине. Вошел курьер, молча передал бумаги, взял расписку и так же молча удалился. В углу двое, по виду филеры, что-то обсуждали вполголоса. До Лыкова донеслись слова про австрийского военного агента князя Гогенлоэ. Увидев незнакомое лицо, агенты замолчали. Чувствовалось, что с дисциплиной у Лаврова все в порядке.

Таубе в последний момент вызвали на заседание Совета военного министра. Поэтому совещание на правах старшего в чине открыл Лыков:

– Господа, я переговорил с начальником Петербургского охранного отделения подполковником Сазоновым...

– Он не начальник, а лишь исправляющий должность, – тут же поправил его педант Лавров.

– Да, Владимир Николаевич, вы правы. С исправляющим должностью. Но для скорости я продолжу называть его начальником. Подполковник в курсе дела. Его подчиненные наблюдали за Филипповым, тот считался «красным». Знали они и о том, что ученый разрабатывает какое-то новое оружие. Это насторожило охранников, и они приставили к Филиппову внутреннего агента. Фамилию его меня просили не называть, но рапорты дали. Еще я забрал из отделения архив покойного. Он весьма незначителен, похоже, кто-то его перешерстил до них. Сазонов утверждает, что это невозможно. Они-де явились почти мгновенно, дверь была заперта изнутри, и замок сломали в их присутствии, следов обыска нет. Но в письме Шиммельмана утверждается другое. Как-то немцы обхитрили Сазонова и его людей.

Олтаржевский с Лавровым переглянулись и осуждающе покачали головами.

– Далее. Начальника отделения беспокоило, что его поднадзорный может передать свое изобретение революционерам. По словам Сазонова, тот был активным участником социал-демократической партии. И не задумаясь бы так поступил. Поэтому, когда Филиппов умер, охранное отделение сломало его аппарат и изъяло все бумаги. Ну, как они думали, все...

– Аппарат уничтожен? – опешил поручик. А ротмистр лишь крикнул и сказал:

– Вот и правильно. Беда только от подобных изобретений.

– Продолжаю. Я начал просматривать изъятые документы и в письме к некоему Трачевскому нашел прямой намек на такие планы доктора. Надо повидаться с ним. Похоже, это один из близких друзей Филиппова.

– Профессор Трачевский? Александр Семенович? – спросил поляк.

– Насчет ученого звания не знаю, но Александр Семенович.

– Это известный историк, – пояснил поручик. – Сейчас он без должности, в отставке. Читает публичные лекции в «Соляном городке». Вот только чем историк поможет в таком деле?

Лыков был обескуражен:

– Да, как раз лектора по истории нам и не хватало.

– Поговорить с ним все равно надо, – рассудительно заявил Лавров. – Если они были приятели, что-то профессор да знает.

– Разрешите мне, Алексей Николаевич, – предложил поручик. – У вас рапорты агента отнимут много времени, а я сижу без дела.

– Валяйте, – разрешил коллежский советник. – Заодно выясните вот что. В письме профессору Филиппов упомянул: в Америке создают нечто

похожее, но идут другим путем, более дорогим. И написано в скобках: Тесла. То ли имя, то ли местность, а может, название компании.

– Тесла – это фамилия, – опять влез с объяснениями Олтаржевский. – Он очень известный ученый, занимается теми же короткими волнами, а еще электричеством. Серб по национальности. Некоторые считают его гением.

– Так, теперь у нас тут еще и американцы, – констатировал сыщик. – А только начали дознание. До чего же доберемся в конце?

– Заморский гений... – пробурчал ротмистр. – Идет неправильным путем, ишь ты. А наш доктор шел правильным? И, возможно, готов был подарить свой аппарат террористам?

– Расспросите Трачевского и про Теслу, – обратился к поляку сыщик. – И потом, если вы такой всезнайка, скажите мне вот что. В последней записи покойного есть упоминания о каких-то инструментах или оборудовании. – Он заглянул в выписки. – Румкорфова спираль и элементы Ленкланше. Неужто и их поясните?

– Румкорфова спираль – это преобразователь низкого постоянного напряжения в высокое переменное.

– Напряжения чего? – не понял коллежский советник.

– Электрического тока.

– Хм. А элементы?

– Элементы Ленкланше – не что иное, как электрические батареи. Первичный химический источник тока. Изобретение уже давнишнее, общеизвестное.

Лыков откашлялся и сказал:

– Мариан Ольгердович, берите весь архив, кроме донесений агентуры, и сделайте заключение о его содержимом. Будете у нас ученой головой, а то мы с Владимиром Николаевичем больше волкодавы, нам бы тащить и не пущать...

– Слушаюсь, господин коллежский советник.

– Будет вам, не на плацу. Алексей Николаевич я для вас.

– Слушаюсь.

– И еще. Когда я стану встречаться с людьми из науки, а с ними нам придется толковать часто, прошу вас находиться при мне.

– Буду к вашим услугам, Алексей Николаевич.

– Господа, мы только начинаем наше дознание, – Лыков строго посмотрел на офицеров. – Вопросов в сто раз больше, чем ответов. Но так всегда бывает. Пока я вижу пять главных вопросов, ими занимаемся в первую очередь.

Ротмистр с поручиком, как послушные ученики, взялись за карандаши.

– Первый: как все же немцы убили Филиппова? И столь ловко, что даже опытный Иллиодор Платонович Решетников купился. Он двадцать лет в полиции, всякое повидал, поверьте мне. Тут загадка.

Второй: какие бумаги украли у покойного? Петербургское охранное отделение утверждает, что никаких. В письме германского морского агента говорится обратное.

Третий вопрос: кто исполнитель преступления? Немцам удалось, и это очевидно, подвести к доктору своего человека. Кто-то из вхожих в его дом – германский шпион. И он же убийца.

Четвертый вопрос: насколько близко Филиппов сошелся с террористами? Что он им пообещал? Не дай бог, аппарат попал бы в их руки. А если все-таки попал? Я не исключаю, что революционеры следили за опытами ученого так же пристально, как и немцы. Следили и ждали, когда он изготовит оружие, чтобы его применить. Их задача была легче, чем у немцев: тем приходилось действовать тайно, а боевики пользовались симпатией Филиппова.

Ну и пятый вопрос, самый главный. Вы понимаете, господа, что я имею в виду.

– Как не понять, – вздохнул Владимир Николаевич. – Что же в действительности изобрел сын титулярного советника?

Глава 4

Паутина вокруг доктора Филиппова

Целые сутки Лыков изучал донесения секретного сотрудника по кличке Химик. Он был подведен к Филиппову как корреспондент по экономическим вопросам. Отбывший ссылку марксист, основатель одного из первых социал-демократических кружков в Москве... Финн-Енотаевский не вызвал у редактора «Научного обозрения» подозрений, лишь желание помочь. Он жил на съемной квартире и сильно нуждался, а потому готов был писать много. И действительно, статьи Химик пек как блины и обладал бойким пером.

Видимо, редактора и его автора сблизило и общее образование. Финн окончил университет Святого Владимира в Киеве, причем физико-математический факультет. Двум естественникам было о чем поговорить. Освед быстро вошел в доверие к Филиппову, бывал у него дома и пару раз присутствовал на опытах. Рапорты об этом Лыков прочитал особенно внимательно, но мало что понял. Агент, хоть и окончил физмат, описывал опыты сумбурно. Видимо, он и сам не осознавал до конца их научный смысл. Передача энергии взрыва вдоль направленной электромагнитной волны... Волны ультракороткие, миллиметровые, ученый получал их с помощью искрового генератора. Один абзац Лыков выписал дословно, для поручика Олтаржевского: «Из двух цепей первая это высоковольтный источник энергии, высоковольтный конденсатор, искровой промежуток и первичная катушка. А вторая состоит из одной катушки, заземленной с одной стороны и с выходом с другой. За счет того, что катушки находятся в резонансе, при каждом разряде конденсатора и появлении тока в первичной катушке электрический ток возникает и во вторичной. При этом выходное напряжение может достигать значительных размеров». Алхимия какая-то, пусть ученая голова разбирается... Других технических подробностей рапорты не содержали. Освед делал из увиденного вывод: идея Филиппова весьма спорна. Передача энергии на большие расстояния невозможна без потерь. Потери эти пропорциональны квадрату расстояния. А как осуществлять наведение подрывного аппарата на цель, если она находится в том же Константинополе? Енотаевский предлагал начальству устроить внезапный обыск, конфисковать оборудование и бумаги с результатами опытов и сделать серьезную экспертизу идей Филиппова.

Ему отказали в этом и дали новое поручение: выяснить контакты ученого с революционными партиями. Конкретно начальство интересовало, встречается ли Филиппов тайно с анархистами и эсэрами. Понятно, две партии, более других склонные к терроризму. Осведомитель пытался разговаривать наблюдаемого – и потерпел неудачу. Филиппов сразу замыкался и менял тему разговора. Когда же собеседник пробовал настаивать, спросил в лоб: а зачем вам это знать? Вот охранка много бы дала за такие сведения. А что у вас, Александр Юльевич, за история была в Москве? Говорят, вы получили срок ссылки меньше других и вас подозревали в предательстве. Даже бойкот объявляли в Енотаевске. А когда вы приехали в Петербург, чтобы объединиться со здешними марксистами, вам отказали из-за недоверия. Было такое? Финн с трудом оправдался и больше опасных вопросов объекту не задавал.

Лыков сделал из донесений агента несколько важных выписок. Прежде всего стало ясно, какие именно бумаги исчезли из квартиры убитого. Финн упоминал три лабораторных журнала. Опыты велись с 1900 года, всего их состоялось – до роковой ночи – одиннадцать. И Филиппов был ими очень доволен. Последние два опыта планировались им как завершающие. Он получил результат! И проверил его в эксперименте. Все это было отражено в журналах, с цифрами, выкладками и доказательствами. Но журналы пропали.

Кроме того, изобретатель написал статью под претенциозным названием «Революция посредством науки, или Конец войнам». В ней он подробно описывал свое открытие. Насколько подробно – вопрос оставался открытым: статья тоже исчезла. Настораживало слово «революция». Что имел в виду автор – новый шаг в науке и политике? Или народ на баррикадах и свержение существующего строя?

Далее сыщик выписал все имена, упомянутые осведом. Это были люди, вхожие к Филиппову, в той или иной степени ему близкие. Не исключено, что один из них и есть германский шпион. Чаше других Енотаевский называл три фамилии: Большаков, Грилюк и Разуваев. Он же дал им характеристики.

Всеволод Большаков – выпускник Петербургского университета, по профессии филолог. Тем не менее Финн назвал его ассистентом ученого! Как так? Зачем химику и физику Филиппову ассистент-филолог? Это было непонятно и требовало разъяснения.

Яков Грилюк вызывал еще большие подозрения. Недоучившийся студент, отовсюду выгнанный за участие в волнениях. Волнения – дело терпимое, кто только в них не участвовал. Но Грилюк пошел дальше. По

сообщению осведомителя, он примкнул к анархистам, причем не к абы каким, а к самым страшным, к анархистам-безмотивникам. Перешел на нелегальное положение, ездил во Францию – не иначе как за опытом. И приставал к Филиппову, требуя помочь своим аппаратом угнетенному народу... Еще Финн-Енотаевский упоминал, что с головой у анархиста не в порядке. Это истерический тип, склонным к непродуманным авантурным действиям. Ради спасения угнетенного народа готов на все.

Наибольший интерес у сыщика вызвал третий персонаж. Петр Разуваев характеризовался осведом как серьезный исследователь, ученик и настоящий ассистент Филиппова, его правая рука. Что же тогда делал Большаков, колбы мыл? Разуваев, по словам Финна, «единственный, кто досконально, в подробностях, знает идею Филиппова и разделяет его уверенность в реалистичности разрабатываемого оружия». Вот кого надо найти в первую очередь!

В рапортах мелькнул еще один интересный факт. Секретный сотрудник сообщил, что год назад Филиппов сменил название своего изобретения. Раньше он именовал его «волны смерти». Но съездил в Ригу и по возвращении стал говорить «лучи смерти». Опять всплывала Рига, наводненная германскими шпионами. К сожалению, нигде не упоминалось, какой именно завод помогал ученому в экспериментах. В городе их сотни, электротехнических – не меньше десятка. Но производственной базой для Филиппова мог быть и химический завод, и механический. Где искать?

Лыков отложил дело и задумался. Пять вопросов, и ни на один нет ответа. Требовать эксгумировать тело ученого? Решетников – опытный врач, он делал вскрытие. Явные следы убийства он бы заметил. Сейчас, после похорон, шансы найти их минимальны. Нет, не стоит беспокоить прах усопшего.

Надо прежде всего опросить тех, кто стоял ближе других к Филиппову. Это вдова, друг – профессор Трачевский – и те трое, кого упомянул в рапортах Финн-Енотаевский. Ну и, конечно, он сам, секретный осведомитель охранного отделения. С него и следует начать.

Коллежский советник телефонирует Сазонову и попросил его устроить встречу с агентом. Подполковник взял на это сутки. Опять хочет посоветоваться с начальством... Лыкову пришлось согласиться. В итоге он отправился на бывшую Малую Итальянскую беседовать со вдовой Филиппова.

Пятиэтажный доходный дом принадлежал вдове писателя Салтыкова-Щедрина. Узкий с фасада, он глубоко уходил во двор двумя крыльями. Краска на стенах облупилась, окна давно не мыты, деревянной сарай

покосился. Настоящего надзора нет. Но и из такого жилища семье ученого скоро придется съезжать. По данным охранного отделения, единственный доход доктору натуральной философии давал журнал. Он оставался соучредителем «Научного обозрения» и еще получал в нем жалованье как редактор. Теперь судьба журнала под вопросом, жалованья не будет. У Любови Ивановны остались сын Леонид двенадцати лет и дочь Люба десяти лет от роду. У дочери подозревают туберкулез, сейчас она находится на лечении в Ялте. А сама вдова на последнем месяце беременности. На что все они теперь будут жить?

Филипповы снимали квартиру на самом верхнем этаже. Дверь открыла прислуга. Сыщик назвалсся и попросил хозяйку. Вышла женщина лет сорока пяти, с усталым лицом и большим животом. Когда-то была красавица, подумал Лыков.

– Что вам угодно?

– Прошу меня простить, госпожа Филиппова. Понимаю, насколько это неприятно. Но я вынужден вас побеспокоить.

– Да кто вы?

– Коллежский советник Лыков из Департамента полиции.

– Опять? – Вдова закусил губу. – Когда же вы оставите нашу семью в покое? Его уж нет в живых, а вы все шпионите, шпионите...

– Дознание о смерти вашего мужа было проведено поверхностно. В порядке надзора это установила прокуратура, велено провести повторное изучение всех обстоятельств. Увы, таково распоряжение судебных властей. Мне поручено его исполнить.

Сыщик пристально смотрел на женщину и видел, что она его не понимает.

– Что поручено? Зачем повторное изучение? Опять вы будете мучить меня своими расспросами?

– Так надо, Любовь Ивановна. Чем быстрее мы все выясним, тем быстрее я уйду. Обещаю, что причиню вам минимальные неудобства.

Вдова смирилась. Она показала сыщику все комнаты, изложила обстоятельства того утра, когда муж не отпер дверь кабинета. Лыков внимательно изучил помещение бывшей лаборатории. Одно ее окно выходило на улицу Жуковского. Второе – на крыши Рождественских улиц, за ними виднелись серая Нева и постройки Большой Охты. По словам вдовы, оба окна были распахнуты настежь.

Женщина не сказала ничего нового. Да, замок ломали уже в присутствии полиции. Частный врач опоздал, и первый осмотр тела делал вызванный ею лекарь, живущий в их доме. Решетников потом высмеял его

заклучение... Никаких подозрительных звуков ночью она не слышала, все было тихо. Мог ли кто-нибудь ночью прийти к супругу в кабинет? Да, конечно. Он же ставил очередной опыт. Как правило, ему помогал в этом Разуваев. Петр Никодимович почти всегда приходил к началу эксперимента. Муж сам впускал его, и они работали чуть не до утра. Иногда, значительно реже, это делал Всеволод Большаков. Он хороший юноша, Михаил Михайлович был ему заместо учителя. Но Сева не химик и помогал в простых делах. При серьезном опыте Михаил Михайлович всегда вызывал Разуваева.

– Где мне найти Петра Никодимовича? – спросил коллежский советник. – Если вы правы и он был здесь в роковую ночь, то это свидетель. Вы сообщили полиции о своей догадке?

– Да, но ее не приняли во внимание.

– Почему же?

Любовь Ивановна вспыхнула:

– А это уж, господин сыщик, вы сами у них спросите!

– Хорошо, спрошу, – миролюбиво ответил Лыков. – А когда вы видели господина Разуваева в последний раз? На похоронах?

Тут вдова удивила коллежского советника:

– Он не явился на похороны.

– Как не явился? Почему? Правая рука, ассистент и ближайший помощник!

– Я сама до сих пор не понимаю. Увы, люди иногда разочаровывают. Считаешь их друзьями, а когда тебе плохо, их рядом не оказывается. Разве что...

– Слушаю вас.

– Вы же знаете, что супруг находился под надзором охраны.

– Да, находился. Именно поэтому после его смерти к вам пришли жандармы. Но при чем тут исчезновение Разуваева?

– Это только моя догадка, – пояснила женщина. – Петр Никодимович казался мне порядочным человеком. Да что такое! Он и сейчас кажется мне таким. И если скрылся, то, возможно, от испуга? Ваши жандармы его и напугали. Вцепятся, припишут политику. Вот Разуваев и решил где-то пересидеть опасное время.

– Припишут политику? Разве Михаил Михайлович занимался чем-то противоправным?

Вдова смутилась. Она явно знала больше, чем говорила!

– Ну, была бы шея, а хомут найдется. Выслали же супруга из столицы три года назад. А он так и не понял, за какие грехи!

– Все он понял, Любовь Ивановна. И опыты, которые он проводил в этом кабинете, вовсе не рядовые. Ваш муж изобретал не абы что для улучшения народного быта, а новый способ убивать людей. Разве не так?

Филиппова воскликнула:

– Я мать и хозяйка, что я могу понимать в науке? И вообще, покиньте квартиру, мне плохо. Когда женщина в положении, ее так легко сбить, вынудить сказать что-нибудь себе во вред. Как вам не стыдно пользоваться этим?

Алексей Николаевич понял, что перегнул палку.

– Хорошо, я сейчас уйду. Последний вопрос: не осталось ли у вас работ Михаила Михайловича?

– Каких работ? Ваши все увезли. Ни единого листочка в доме не оставили.

– Я видел конфискованные бумаги, они неполны. Любовь Ивановна, давайте по-честному. Отдайте то, что вы спрятали от обыска, и я немедленно удалюсь.

Лицо женщины дрогнуло.

– Я бы отдала, ей-богу. Но бумаги унес на другой день Енотаевский.

– Это была статья?

– Да.

– «Революция посредством науки, или Конец войнам»?

– Да. Как вы догадались?

– Ваш муж упоминал о ней в письмах. Большая статья?

– Большая, подробная. С формулами!

– Зачем же вы отдали ее в чужие руки?

– Александр Юльевич попросил. Сказал, что снимет копию и отдаст. А так она вообще пропадет.

– Отдал?

– Нет. Стал меня избегать, на письма не отвечал. – Вдова покрылась пятнами от возмущения. – Я прижала его в конце концов, пригрозила, что расскажу все друзьям мужа. Тогда только Енотаевский сознался, что не может вернуть работу, он ее сжег.

– Как сжег? Взял на время чужую рукопись – и сжег?

– Именно. Он сказал, что обнаружил за собой слежку, испугался и сжег на всякий случай все опасные бумаги. В том числе и статью. Александр Юльевич тоже ведь пострадал от вашего строя. Был в ссылке, теперь его никуда не берут на службу.

Кроме как в охранное отделение, хотелось сказать сыщику. Но говорить так, конечно, было нельзя.

Лыков вежливо простился и поехал на Введенскую улицу. Там в новом доходном доме помещалась явка петербургской охраны. Гости внимательно осмотрели на входе сначала дворник, потом швейцар. Последний передал сыщика с рук на руки молчаливому коридорному. И уже тот ввел Алексея Николаевича в квартиру номер семь.

Окна явки выходили на пустырь, в комнатах царила полутьма. Конспирация, усмехнулся Лыков. Подполковник Сазонов запаздывал, и гости минут пять продержали в кухне. Наконец хлопнула дверь, и начальник отделения почти вбежал в комнату. В руках у него был кожаный портфель.

– Прошу простить, служба!

– У Сергея Васильевича задержались? – предположил Лыков.

Жандарм смутился:

– Ну, начальство есть начальство...

– Инструкции получили?

– Э-э...

– Будет вам, Яков Григорьевич. Получили и правильно сделали. Зубатов плохого не посоветует. Где ваш человек?

– Ждет в гостинной.

– Идемте к нему.

Финн-Енотаевский с напряженным лицом застыл посреди комнаты. Увидев начальство, он жалко заулыбался. Осведомитель нервничал. По обычаю, ни среди жандармов, ни среди полиции не принято раскрывать своих секретных агентов. Тут, конечно, исключительный случай: чиновник особых поручений, да с открытым листом... Но все равно ситуация была чрезвычайной.

– Здравствуйте, Химик, – протянул собеседнику руку коллежский советник. Тот пожал ее, и обстановка чуть разрядилась. Но ненадолго. Едва все сели, сыщик жестко спросил:

– Где статья, что вы забрали у вдовы Филиппова?

Подполковник нахмурился:

– Какая еще статья?

– Программная, в которой ученый объяснял свое изобретение. Называется «Революция посредством науки, или Конец войнам».

– Не слышал о такой.

– Я только что разговаривал со вдовой. Она заявила, что на следующий день после смерти мужа к ней пришел Финн-Енотаевский и выпросил эту работу на день-два.

– Зачем?

– Чтобы снять копию, а потом вернуть, – пояснил жандарму сыщик.
– Ну и что?
– Он ее не вернул. Вот я и спрашиваю в вашем присутствии: господин Енотаевский, где статья?

Лицо Сазонова стало наливаясь кровью.

– Присоединяюсь к вопросу господина коллежского советника. Поясните также, почему я узнаю об этом не от вас?

– Ваше высокоблагородие, я же докладывал! Вы изволили забыть. Указанную статью я принес вам в тот же вечер. И вы присоединили ее к прочим... когда сжигали.

Теперь пришла очередь Лыкова краснеть от гнева.

– Что сжигали?

– Алексей Николаич, я как раз собирался пояснить, – всплеснул руками подполковник. – Взрывной аппарат Филиппова мы сломали, о чем вам уже известно...

– Помню про это самоуправство.

– Вот. И бумаги все окаянные мы тоже истребили. Сожгли их в печке, в моем кабинете. Оставили немного для виду, те, что я вам отдал, а остальные спалили. Вот акт, ознакомьтесь.

Жандарм вынул из портфеля документ и протянул его собеседнику.

Лыков читал и не верил своим глазам. Все чин по чину: акт о сожжении бумаг, конфискованных у покойного М. М. Филиппова. Общим счетом три стопки, вес один пуд два с половиной фунта. Подписали ОКЖ подполковник Сазонов и ОКЖ ротмистр Герарди. Дата – 16 июня 1903 года, кабинет начальника Санкт-Петербургского отделения по охранению общественной безопасности и порядка. В перечне – три лабораторных журнала, статьи с формулами и расчетами, научная переписка на разных языках.

– Но зачем вы это сделали, черт возьми?

– Я же объяснял. Революционер изобретает невиданное ранее оружие. Вдруг оно попадет во вражеские руки? Нет, вернее будет сжечь, сломать, истребить. Мы все по закону, вот бумага.

– По какому закону?! Документы, конфискованные на месте преступления, являются вещественными доказательствами. И сохраняются после завершения судебного процесса, если нет иного указания властей.

Жандарм махнул рукой:

– Не будьте таким крючкотвором. Жизнь шире законодательных актов. Наш государь-миротворец, безусловно, одобрил бы подобное решение.

– Яков Григорьевич! При чем здесь государь? Есть правила, их надо

соблюдать. Вот сейчас по факту смерти Филиппова ведется новое дознание. Назначил его министр внутренних дел. Оно, кстати, на контроле у государя, коего вы все поминаете. Как я буду вести дознание, если вы самые важные документы в печке сожгли? У меня нет слов. Едем к Вячеславу Константиновичу, ему объясните про то, что жизнь шире закона.

Финн-Енотаевский слушал перебранку начальников с нарастающим беспокойством. Он пытался что-то вставить, но Сазонов оборвал его:

– Выйдите из комнаты!

Агент безропотно удалился, а жандарм обратился к Лыкову:

– Алексей Николаич, выслушайте меня без сердца. В чем моя-то вина? Я маленький офицер... Подполковника вот еле-еле дали. Мне сказали – я исполнил. А вы: к министру...

– Кто сказал вам сделать это?

– Господин Зубатов.

– А вы про превышение власти никогда не слышали?

– Слышал, – с достоинством ответил жандарм. – Но тут другое. Сергей Васильич посоветовался наверху. И получил одобрение своим действиям. Там тоже сказали: спалить от греха подальше, и дело с концом.

– На каком верху? Назовите имя!

– Пожалуйста: Петр Николаич Дурново.

Лыков смешался:

– При чем тут Дурново? Он заведывает почтой и телеграфом.

– А вот и нет, – ротмистр торжествующе поднял палец. – Забыли про приказ от десятого июня?

– Ах да... Забыл. Ну вы и...

Жандарм наблюдал за сыщиком не без злорадства. Лыков не знал, как ему быть. Действительно, Плеве, придя на пост, упразднил подчинение Департамента полиции одному из товарищей министра. Обычно этот же человек был командиром ОКЖ. Но фон Валь стал товарищем Плеве без ведения дел департамента. Вячеслав Константинович хорошо знал полицейское дело и не нуждался в посреднике между собой и Лопухиным.

Так было до последнего времени. Но 10 июня вышел приказ по МВД: товарищу министра тайному советнику Дурново принять в свое заведывание Департамент полиции. Временно, до 15 августа. Это было вызвано предстоящими Саровскими торжествами. Готовилась канонизация Серафима Саровского, на нем настаивала царская чета. Синод и церковь вынуждены были уступить. Торжества должны пройти в местах жизни преподобного, они займут две недели. Все это время царь с царицей проведут там. И важнейшие министры тоже, включая Плеве. Вячеслав

Константинович много сил отдавал подготовке к событию, оценив, как его желает государыня. Ведь угодить ей – значит завоевать доверие государя. Он сам ездил предварительно в Саровскую пустынь, строил губернаторов Нижегородской и Тамбовской губерний, вникал во все детали будущей канонизации. Ему стало не до полицейской прозы, и Плеве временно передал департамент в ведение Дурново. Так что формально Петр Николаевич имел право отдавать команды Зубатову.

– Как поступим? – деловито спросил подполковник.

– Я переговорю с ним.

– С Дурново?

– Да. Хочу выяснить, почему так вышло.

– И не страшно вам, Алексей Николаич? – искренне удивился жандарм. – Там такой характер...

– Я восемь лет служил под его началом, характер знаю. У Плеве он не лучше. Спросит, почему не разобрался до конца – что я ему отвечу?

– Да, попали вы меж двух огней. А может, не надо дразнить начальство? Дурново власти не превысил, он товарищ министра. Злопамятный. Вы вроде как подвергаете сомнению его полномочия. Он потом припомнит.

– Когда потом?

– Когда Плеве взорвут и он займет его место, – не моргнув глазом, ответил подполковник.

– А его взорвут?

– Полноте, Алексей Николаич. В этом нет никаких сомнений. Боевая организация ПСР^[12] вынесла приговор, они не отступят. Плеве со всеми в драке, никого не щадит. Такие скипидаристые долго не живут. Сипягин вон какой был в сравнении с ним добряк. И шлепнули как муху. Не надо, а?

– Я подумаю, Яков Григорьевич.

– Вот! – обрадовался Сазонов. – Вот верная мысль. Авось и не станете дергать льва за усы. Всем нам от этого будет только лучше. А Филиппову уже все равно, он в аду горит.

– Давайте продолжим разговор с Химиком. Попросите его вернуться.

Финн вошел в комнату, сел напротив и принял подобострастный вид.

– Александр Юльевич, – обратился к нему сыщик, – вы помните, что было в тех трех стопках?

– Я сам науку давно, признаться, подзабыл. Мне судить трудно, но вроде бы оно походило на полное научное наследие покойного. Лабораторные журналы, черновики статей, таблицы с расчетами...

– Так что же в этом случае вывезли немцы?

– Какие немцы? – выпучил глаза Енотаевский. Ненатурально выпучил, подумал сыщик. Прямо как Сазонов в тот раз.

Начальник отделения дал разъяснения агенту. Тот задумался, потом сказал:

– Ну не знаю. Мы все конфисковали. Статейка, что я у вдовы забрал, случайно в спальне завалялась.

– А не мог часть бумаг унести Разуваев? – спросил коллежский советник.

– Разуваев? Петр Никодимович? Зачем ему?

– Да тем же немцам продать.

– А как он мог вынести бумаги незаметно?

– Вдова мне сказала, что Разуваев присутствовал на всех важных опытах своего учителя. Как ассистент и правая рука. Значит, он вполне мог быть в ту ночь в лаборатории. Что, если он и есть германский агент?

– Тогда Разуваев еще и убийца, – вставил Сазонов. – Ведь в письме резидента сказано: убили и вывезли документы. Одно лицо исполнило и то и другое. Вы делаете сильное предположение, Алексей Николаич. Вот только это не мог быть Разуваев.

– Почему вы так уверены?

– А наш дворник его бы непременно в ту ночь заметил. Там подъезд запирается, и выхода другого нет, кроме как через дворницкую.

– Но дворник говорит, что ассистент не приходил?

– Именно так. Мы же все проверили, когда вели свое дознание.

– Но он мог пройти через черный ход.

– Не мог, – возразил жандарм. – В десять часов вечера дворник его запирает на всю ночь.

– Да, загадка... А через окно? Там есть окно со двора в подъезд. Лето, тепло, рама могла быть открыта...

– Вы видели Петра Никодимовича? – хмыкнул Енотаевский. – Он в окне застрянет. Очень толст.

Вдруг лицо агента дрогнуло. Он замолчал, потом с силой стукнул себя кулаком по лбу, так, будто хотел его разбить:

– Знаю! Я знаю!

– Что случилось? Что вы знаете? – всполошились собеседники.

– Я все понял, господа! Явиться ночью к Филиппову, а потом незаметно исчезнуть мог другой человек. И только он, никто другой. Другого доктор бы не впустил.

– Кто он? – спросил Алексей Николаевич, схватив осведа за плечи.

– Яшка Грилюк, вот кто.

– Грилюк? Это студент-анархист?

– Именно. Посудите сами, господа. Знаете, какая у него кличка в ихней среде? Яшка Бешеный. Он неуравновешен, быстро теряет самообладание. Психический, ей-ей психический! Ему человека убить раз плюнуть, ежели того требуют высшие идеалы анархизма.

– Погодите, Химик, – осадил агента Алексей Николаевич. – Зачем Грилюку убивать Филиппова?

– Он дурацкий, путаный тип. Анархист-пацифист, представляете, что у него в голове творится? Как миролюбец, Яшка и прибил доктора.

– Так и не понял, с какой целью.

– Ну, партия дала ему задание завладеть подрывным аппаратом Филиппова. Тому до конца экспериментов оставалось всего ничего. Анархисты могли подумать, что они сами справятся, доделают из лабораторной установки действующий образец. И обрушат оружие на эксплуататоров.

– А ведь верно, – пробормотал Сазонов.

Подбодренный Финн продолжил:

– Грилюк был вхож к изобретателю, видел аппарат. Знал, что тот собирался обнародовать свое открытие. И нанес упреждающий удар.

– А как он вошел и вышел? – азартно спросил подполковник.

– Залез со двора через окно и так же удалился. Яшка ловкий, ему это ничего не стоит.

– И унес с собой бумаги? – подхватил Лыков.

– Точно так. Не все, а самые важные.

– Но как тут оказались немцы?

У Енотаевского был ответ и на этот вопрос:

– Они все и затеяли. Подговорили анархистов, направили руку Грилюка, а сами будто бы в стороне. А потом выкупили бумаги у анархистов. Или того хлеще – обменяли на динамит.

Коллежский советник подумав, произнес:

– Дико звучит, конечно. Но так хотя бы могло быть...

– Надо взять Яшку и допросить, – высказался Сазонов. – Где он сейчас?

– Не знаю, – ответил агент. – Я его не видел с десятого июня. Говорили... в революционной среде, что он собирался в Москву. Готовит там какой-то экс.

– В революционной среде? – хищно ухмыльнулся начальник охранного отделения. – Это что имеется в виду?

– Ну, я вам сообщал. Товарищ Пантелеймон и товарищ Сергей. Так-то они эсеры, но сочувствуют и анархистам. Не определились еще, от чьего имени сатрапов убивать.

– А, эти... Они у меня намечены на осень. Пусть пока погуляют.

– Яков Григорьевич, – вмешался сыщик, – полагаю, надо дать задание Химику поточнее выяснить, где искать Грилюка. Если его догадка верна, пора изымать психа из общества.

– Согласен, Алексей Николаич. А вдруг он и правда обменял бумаги Филиппова на динамит? Начальство мне голову снесет! Александр Юльевич, примите поручение разведать про Грилюка как самое важное.

После этого освед был отпущен. Лыков с Сазоновым попили чаю – на явке имелся самовар, поговорили о том о сем. В частности, сыщик спросил у жандарма, как обстоят дела с анархистами. Много ли их в столице? Есть ли внутреннее освещение? Подполковник ответил, что его отделение анархистами не занимается, их целиком забрало себе ГЖУ. Якобы оттого, что в самом городе их нет, наезжают какие-то люди из Нарвы и Ямбурга, вот и отдали губернским.

Уже прощаясь, Сазонов спросил:

– Ну, что надумали?

– Вы имеете в виду, пойду ли я к Дурново?

– Конечно.

– Еще не решил, Яков Григорьевич. Вы поступили необъяснимо легкомысленно, если хотите знать мое мнение.

– Это как поглядеть! – обиделся подполковник.

– Как ни гляди, а поступать так было нельзя.

– Чего уж теперь! Дело-то сделано, не поправишь. А начнете ворошить, только всем навредите. Мне Плеве по шапке даст, но я исполнитель, мелкая сошка. Достанется Зубатову и Дурново. А они фигуры! Хочется ли вам заводить таких врагов? Подумайте о том, что будет завтра.

– Советуете скрыть факт уничтожения аппарата и всех документов от министра? Прямое поручение которого я выполняю.

– Ну и что? Мало ли мы скрываем от начальства, – глубокомысленно изрек жандарм. – Если небожителям обо всем рассказывать, сам не уцелеешь. Наверху любят только хорошие новости.

Что же ты скрыл от меня, если так смотришь на осведомление собственных руководителей, подумал сыщик. Но спрашивать об этом у подполковника было глупо, и он откланялся.

Не теряя времени, Алексей Николаевич поехал в ГЖУ. Губернское

жандармское управление устроилось с комфортом: оно занимало старинный трехэтажный особняк на Тверской улице, с огромным садом вокруг. Начальником управления был генерал-майор Секеринский. Лыков хорошо его знал по прежней службе Петра Васильевича в охранном отделении. У Секеринского была кличка Пинхус. Он происходил из еврейских детей, которых при Николае Первом ловили в местечках и определяли в кантонисты. И выслужился в генералы! Получив лампасы и управление в придачу, Петр Васильевич перестал заниматься службой. С утра он уезжал в казенной карете и пропадал на весь день. Генерал считал своим долгом посидеть в трех-четырёх приемных: в МВД, Департаменте полиции и штабе округа, иногда по старой памяти и в охранке. Он пил чай, беседовал с руководством, собирал сплетни. Пинхус называл это «нюхать воздух». Вечером он возвращался в управление и давал разгон офицерам.

Всеми делами в ГЖУ при таком начальнике занимался его помощник полковник Кузубов. К нему и явился коллежский советник. Умный и трудолюбивый, полковник стоял в очереди на повышение, вот-вот ему должны были поручить одно из провинциальных управлений.

– Алексей Николаевич! Какая радость для всех нас! – вроде бы искренне приветствовал его Кузубов. – Чаю не желаете?

– Спасибо, Николай Матвеевич, только что попил у Сазонова.

– У Яшки? – нахмурился полковник. – И как он вам?

– А вам?

– Ну, согласитесь, что человек не на месте. Вялый, неразвитый, розыскным делом не владеет. Казак он и есть казак, ему бы лошадей пасти, а он столичным охранным отделением командует.

– Вы, Николай Матвеевич, с какой целью мне это говорите?

– С той целью, что вы, может быть, осведомите министра. Сазонов – ставленник Зубатова, лишь в этом его сила. Но ни ума, ни опыта нет, желания учиться тем более. А у нас в управлении имеется готовый кандидат на его должность. Хотите познакомлю? Подполковник Ульрих, специалист!

Алексей Николаевич скривился. Отдельный корпус жандармов славился своим интриганством. Там считалось в обычае подставить ногу конкуренту, очернить коллегу и писать начальству доносы. Разлад усугубляло деление жандармов на своих и департаментских, то есть служивших в охранных отделениях и подчинявшихся Департаменту полиции. Эти офицеры носили голубой мундир, числились в ОКЖ, и там велось их чинопроизводство. Но приказы они получали от Особого отдела департамента, а в ГЖУ ходили только за жалованьем. Сазонов как

департаментский уже одним этим вызывал неприязнь губернских. А тут еще любимчик Зубатова, восходящей звезды политического сыска. Офицеры ОКЖ считали поэтому своей обязанностью порочить его на каждом шагу.

– Николай Матвеевич, некогда мне участвовать в ваших дрызгах. У меня личное поручение от самого. А он не любит, когда его приказы исполняются слишком долго.

Кузубов посерьезнел:

– Слушаю вас.

– В середине июня умер некто Филиппов...

– Редактор журнала «Научное обозрение»?

– Он самый.

– Я читал о его смерти в газетах, – сказал полковник. – Не в разделе происшествий, а там, где пишут про умерших от естественных причин.

– Правильно. Смерть ученого признали естественной, у него имелся врожденный порок сердца. Но позже из других источников были получены сведения, что к этому могут иметь отношение германцы.

– Вот как? Зачем им это понадобилось?

– Филиппов был изобретатель-одиночка. И разрабатывал у себя в лаборатории новое оружие. Якобы он научился передавать на расстояние энергию взрывов. По радиоволне, без потерь. Хоть Берлин можно взорвать из Петербурга, хоть Константинополь. Представляете?

– Фантазер, – убежденно заявил Кузубов. – Такие открытия не делаются на кухне, тут нужна мощь государства. Всей науки, всей промышленности. Деньги огромные нужны. Фантазер!

– Может быть, – не стал спорить Лыков. – Но немцы, кажется, восприняли идеи Филиппова всерьез. Военные случайно перехватили письмо их резидента. Он сообщил начальству, что его люди убили ученого, а бумаги выкрали.

– Эх-ма!

– Содержание рапорта военный министр довел до государя.

Кузубов помрачнел.

– Во что вы меня втягиваете, Алексей Николаевич? И так дел невпроворот. А тут шпионы, дело на контроле у Его Величества...

– Если бы я хотел вас втянуть, сказал бы Вячеславу Константиновичу, – оборвал его Лыков. – И вы бы сейчас вместе с Пинхусом стояли во фрунт и слушали приказание министра.

Кузубов вспыхнул и хотел ответить что-то резкое. Но сдержался.

– Чем могу быть полезен вашему высокоблагородию? – перевел он

разговор в официальную тональность.

– Мне нужна справка по анархистам. Подполковник Сазонов сказал, что его отделение ими не занимается, все материалы у вас. Буду обязан вашему высокоблагородию за исчерпывающие сведения.

– Анархисты? – удивился полковник. – Но при чем тут германские агенты?

– По соображению лиц, ведших наблюдение за Филипповым, к его смерти может быть причастен некто Грилюк. Он анархист, наверняка проходит по картотеке. Кличка Яша Бешеный. Бывший студент. А немцы могли использовать его втемную, поскольку Грилюк по убеждениям пацифист. Изобретателя страшного оружия мог пристукнуть, борясь за мир...

– Анархист и при этом пацифист? Адская смесь. М-да. Яша Бешеный... Я сам о таком человеке не слышал, но это ни о чем не говорит. Анархистами у нас занимается офицер резерва^[13] штабс-ротмистр Похитонов. Пойдемте к нему, там картотека и архив, быстрее найдем.

Похитонов, спокойный и вежливый, на вопрос сыщика сразу же ответил:

– Есть такой. Точнее, был.

– Что значит был?

– Уехал в Москву недели две назад. Говорят, чего-то там эти ребята готовят.

– Расскажите, что знаете о Грилюке, – попросил коллежский советник.

Похитонов положил перед собой учетную карточку с фотопортретом и начал говорить по памяти, не заглядывая в бумагу:

– Грилюк Яков Самойлович, малоросс, родился в Тараще. Двадцать один год. Из семьи штабс-капитана, отчисленного из Четвертого кадрового обозного батальона за злоупотребления по службе...

Кузубов желчно вставил:

– Во дает! Что же надо было натворить, чтобы тебя отчислили из обозного батальона? Украсть все подковы?

– Он залез в денежный ящик, – бесстрастно пояснил штабс-ротмистр и продолжил: – Грилюк поступил на исторический факультет Петербургского университета, отчислен за участие в беспорядках. Сначала симпатизировал эсерам, впервые попал под наблюдение как кандидат в их террористы. Лично знаком с Гершуни, просился к нему в Боевую организацию! Потом передумал, какое-то время был вне политики. Или маскировался, сбивал нас с толку – допускаю и такое. Весной этого года мы получили сведения, что Грилюк поступил в анархисты. Клички Студент и Яша Бешеный. Что

еще? Болен чахоткой, лечиться отказывается.

– Болен и не хочет лечиться? – уточнил Кузубов. – Ай как плохо.

– Да уж ничего хорошего, – согласился сыщик. – Из них выходят самые опасные. Терять-то нечего.

– Так и есть, – подтвердил худшие опасения штабс-ротмистр Похитонов. – Грилюк харкает кровью, скоро так и так помрет. В ямбургской организации сказали: Яша решил на прощанье громко хлопнуть дверью.

– Вы сообщили обо всем в Москву?

– Конечно. Тамошнее ГЖУ пытается нащупать след. Анархистов в Первопрестольной ведет ротмистр Ионов, мы находимся с ним в переписке. На вчерашний день у него было пусто. Грилюк пропал: отсюда выбыл, туда не прибыл. Или прибыл так, что нашим о нем ничего не известно.

Лыков покосился на Кузубова. Тот и не думал скрывать своей радости по поводу того, что опасный элемент уехал в Москву и теперь за его поимку отвечают другие люди...

Тут штабс-ротмистр в первый раз заглянул в учетную карточку и воскликнул:

– Ой! Я кое-что забыл.

– Ну-ка? – схватился за карандаш сыщик.

– Грилюк сожительствовал с некоей Агриппиной Сотниковой, дочерью титулярного советника. Полгода уже – это для их среды много. Не иначе там любовь.

– А что есть на Агриппину?

– Бывшая бестужевка, отчислена за неуплату. Проживает по адресу: Лодейнопольская улица, дом два.

Лыков занес сведения в записную книжку и спросил:

– Это все?

– Это все.

– Благодарю.

Алексей Николаевич перевел взгляд на Кузубова и добавил:

– В рапорте министру непременно упомяну про полезное содействие вашего управления.

До конца дня он успел встретиться еще с несколькими людьми. В частности с Трачевским. Сыщик сначала поручил эту беседу Олтаржевскому, но потом передумал. Тот близкий друг покойного, лучше узнать все из первых рук.

Уже немолодой и почти лысый историк принял сыщика настороженно.

Но когда узнал, что разговор пойдет о Михаиле Филиппове, смягчился. Было видно, что профессор относится к покойному ученому с большим уважением.

Он так и начал:

– Как жаль! Если бы вы знали, какая это потеря для русской науки!

– А он не разбрасывался, Александр Семенович? Вроде бы время энциклопедистов прошло. Плиний Старший мог в одиночку описать все доступные античному миру знания. Но сейчас, в начале двадцатого века...

– Нет, – живо возразил Трачевский, – не разбрасывался. Просто Михаил Михайлович был слишком многогранен, слишком талантлив. Его хватало и на химию, и на философию, и на политическую экономику.

– И на создание нового страшного оружия...

– Вот вы о чем хотели поговорить, – погрустнел профессор. – А я гадаю, что понадобилось чиновнику особых поручений Департамента полиции? Ну давайте про оружие.

– Это было серьезно? – задал сыщик главный вопрос.

– В каком смысле?

– Ну, «взрыв по телеграмме». Кинуть энергию бомбы за тысячу верст! Никому еще не удавалось.

– Сам я, понятно, таких штук не видел, – ответил Трачевский. Он говорил медленно, обдумывая каждое слово. – Но верю Михаилу Михайловичу. Он не мальчишка, не фантазер, чтобы трепать языком. Если сказал, что получил результат в эксперименте, значит, так и было.

– От эксперимента до работающего образца дистанция огромного размера, – мягко возразил сыщик.

– Я историк, судить мне трудно. Но вот что сказал мне доктор Филиппов за неделю до смерти. Он заявил буквально следующее: я сделал открытие. Настоящее, которое перевернет общество. Это больше, чем открытие, это революция. И если бы вы знали, как все просто, как изумительно дешево. Удивительно, как до сих пор не догадались другие.

– Что именно заставило его так заявить? Он провел какой-то новый, особенно успешный опыт?

– Да, Михаил Михайлович только что вернулся из Риги. И весь сиял!

– Вы, случайно, не знаете, с каким из заводов он там работал? Где делались приборы?

Трачевский подумал, затем затряс головой:

– Эх, годы, годы... Раньше я помнил наизусть целые томы научных сочинений. А сейчас? Филиппов называл место. Где-то на окраине. На какой-то дамбе.

– Выгонная дамба?
– Кажется, да.
– А не помните, какая? В Риге их две – Первая и Вторая.
– На Второй вроде бы.
– Может, и завод вспомните? Хотя бы какой он был, механический или химический?

– Химический, – твердо ответил историк. – Именно химический, потому что Михаил Михайлович называл его директора коллегой.

– Очень хорошо. В Риге на Второй Выгонной дамбе находятся три химических предприятия. Самое большое из них – завод Рутенберга.

– Точно! – обрадовался собеседник. – Рутенберг, именно эту фамилию упоминал Филиппов. Но так зовут владельца, а Михаил Михайлович работал с директором-распорядителем. И говорил, что тот очень близко принимает его исследования. Весьма помогает с приборами, с оснасткой. На русских заводах таких ему никто бы не изготовил.

Очень близко принимает, убийственно близко, чуть не сказал сыщик. Но продолжил расспросы. Однако больше ничего важного Трачевский вспомнить не смог. И про Теслу не добавил. Мелькало имя, и не более того. Поблагодарив профессора за беседу, Алексей Николаевич отправился в здание МВД на Фонтанке. К этому времени он окончательно решил переговорить с Дурново, хотя ему настойчиво советовали не делать этого.

Коллежский советник позвонил из вестибюля товарищу министра на прямой телефон и попросил о встрече. Дурново не удивился, и это был плохой знак. Значит, тайного советника уже известили...

Сановник назначил прием на семь пополудни. Когда Лыков вошел в обширный кабинет, хозяин встал, вышел на середину и протянул руку. Потом указал на два кресла в углу. А когда они оба сели, первый начал разговор.

– Я осведомлен о теме беседы, Алексей Николаевич. Вы хотите знать, почему я приказал ликвидировать оборудование и бумаги Филиппова. Так?

– Да. И еще почему вы не известили об этом Вячеслава Константиновича.

– Вы пока не докладывали ему об этом?

– Нет. Хочу сначала услышать ваши объяснения. Вдруг в результате и докладывать не придется.

– Вот и промолчите, – со значением сказал Дурново, пристально глядя в лицо Лыкова своими ястребиными глазами.

– Промолчать?

– Да. Хотя бы до конца августа. Такая у меня к вам просьба.

– А что случится потом? – с вызовом спросил коллежский советник. – Подполковник Сазонов предложил мне дожидаться, пока Плеве взорвут и вопрос исчезнет сам собой. Вы не это ли имеете в виду, Петр Николаевич?

Он знал Дурново много лет, уважал его и никогда еще не позволял себе говорить с этим человеком в таком тоне. Но то, как начался разговор, сильно не понравилось сыщику.

Однако Дурново и не думал обижаться. Более того, он ответил совершенно равнодушно:

– Конечно, его убьют. И правильно сделают.

– Петр Николаевич, что вы такое говорите?!

– А что я говорю? Чистую правду. Нельзя же воевать с целой страной. Это глупо. И для дела не полезно. Такой политикой Плеве оказывает медвежью услугу своему государю.

– Но...

– Алексей Николаевич! – Дурново стукнул кулаком по подлокотнику. – Вы же умный человек. И в душе согласны со мной. Разве не так?

Пришла очередь задуматься Лыкову. Он действительно не одобрял душительскую политику министра. Время идет, общество меняется, людям требуется все больше свобод. Это и есть прогресс, эволюция, назови как хочешь. Управляй этим, если ты политик. Вода дырочку найдет, направь ее в нужное русло, иначе прорвет плотину. Но Вячеслав Константинович Плеве считал по-другому.

– Петр Николаевич, я не готов сейчас к дискуссиям, однако я помню о служебном долге. Скажите мне только одно: почему?

– Почему я взял на себя и не довел до министра? Потому что у того и без нас полно дел. А еще потому, что проговорил вопрос насчет Филиппова наверху и получил поддержку.

– Наверху? – удивился сыщик. – У государя?

Дурново невесело усмехнулся:

– В моем положении товарища министра трудно видеться с государем.

– Тогда с кем?

– Ну, есть важные люди, царедворцы, которые формируют мнение Его Величества.

– Но почему не поговорить со своим министром?

– Вячеслав Константинович не верит мне, а я не верю ему. Знаете, Алексей Николаевич, когда много лет служишь с кем-то бок о бок, порой возникает взаимное раздражение. Не замечали?

– Стойте. Вы оба нужны монархии, вы оба достойные люди! И...

Дурново нетерпеливо поднял ладонь:

– Остановитесь. Я вас прошу отложить беседу с Плеве насчет бумаг Филиппова до конца августа. Ищите убийц, там у вас ни коня, ни воза... А про аппарат и статейки забудьте. Пока.

– Что же изменится в августе?

– Тогда я отвечу на все ваши вопросы. Если они у вас еще останутся. – Дурново буквально прожег сыщика взглядом и добавил: – Если согласны подождать, я сочту это большим одолжением для себя лично с вашей стороны. И не оставляю без вознаграждения.

– А если не согласен? – спросил коллежский советник. – Сочтете враждебным актом?

– Само собой, – кивнул товарищ министра. – И тоже не оставляю без ответа. Выбирайте.

Лыков встал, одернул сюртук и сказал:

– Петр Николаевич, последний вопрос. Вы, как я вижу, в курсе моего дознания и вообще всего дела доктора Филиппова. Точно подполковник Сазонов ничего от меня не скрыл? Чего-то важного, что поможет найти убийц?

– Точно. Можете мне поверить.

– Честь имею!

Лыков вышел из начальственного кабинета и задумался. Плеве сидит на этом же этаже. Восьмой час вечера, скорее всего, он сейчас у себя. Можно попробовать зайти и объясниться. Но что-то удерживало сыщика. Он не боялся угроз Дурново и намеков Сазонова. Но Петр Николаевич обнаружил слабину у сыщика: так ли прав министр? Ну, кое-что подчиненные от него утаили. И теперь боятся, что Лыков доведет их промашку до Орла. Учитывая его нрав, можно предположить, что полетят головы... Поможет ли это в поиске убийц доктора Филиппова? Не факт. А вопрос серьезный, безопасность государства на кону. Все больше и больше Алексей Николаевич убеждался, что Филиппов не блефовал, а действительно что-то изобрел. И немцы напугались не зря. Лучше пока заняться самим дознанием, а не той пеной, что клубится вокруг него.

И еще. Кто те люди наверху, с которыми советовался Дурново? На государя влияют несколько человек. Скорее всего, товарищ министра имел в виду кого-то из великих князей. Московский генерал-губернатор Сергей Александрович – самый серьезный из них. Он и посоветовал Дурново сжечь бумаги и поломать аппарат? Вполне возможно. Почему? Да чтобы не обременять царя лишними заботами. Тот миролюбец, известный пацифист; скорее всего, Его Величество одобрил бы такое решение. Отчего в обход Плеве? Это загадка. Но есть вопросы более важные. Например, кто и как

убил Филиппова.

Лыков ничего не решил. Он прошел мимо приемной министра. В коридоре ему встретился подполковник Скандраков, начальник личной охраны Плеве.

– Здорово, Алексей Николаевич!

– Здорово, Александр Спиридонович. Как поживаешь?

Сыщик знал Скандракова много лет, и между собой два правоохранителя были на «ты». Когда-то давным-давно они вместе охраняли Александра Третьего на коронации. Потом ушлый жандарм служил в Киеве, был начальником Московского охранного отделения. Вышел в отставку и долго прозябал, пока Вячеслав Константинович не призвал его в личные телохранители. Еще Скандраков отвечал у министра за перлюстрацию. Он сам ездил на почтамт и забирал ежедневные меморандумы.

Лыков не раз слышал за последние дни, что Плеве вот-вот убьют, и ему хотелось это с кем-то обсудить. Но не с тем же человеком, который отвечает за безопасность министра! Как быть? Видя, что подполковник не прочь почесать языком, Алексей Николаевич спросил вполголоса:

– Трудно приходится?

– Трудно, Леш. Никогда так не было.

– Риск большой?

Жандарм оглянулся: не слышит ли его кто-нибудь? И ответил шепотом:

– Огромный. Не знаю, справлюсь ли я.

– А сам это понимает? – также шепотом спросил Лыков.

– Как никто другой.

– И что?

– Что «что»? Служит. Завещание мне свое вчера показывал. У него же именина кот наплакал: бездоходный хуторок в Костромской губернии. Отписал его дочке.

– Готовится?

Подполковник вздохнул:

– Понимаешь, как ему тяжело? Жить и постоянно ждать пули или бомбы...

– Тебе, что ли, легко? – ответил коллежский советник. – Ведь ты всегда рядом. Даже когда он едет к княгине Кочубей!

Многие знали, что по вторникам всемогущий министр внутренних дел навещает свою любовницу...

Скандраков молча перекрестился – и пошел прочь. А у Лыкова на

сердце стало еще тяжелее. Вдруг он решился и крикнул вслед:

– Александр Спиридонович!

– Ой?

– погоди. Скажи, на конец августа ничего такого не намечается?

Скандраков настороженно огляделся по сторонам, но в коридоре было пусто.

– А ты почему спрашиваешь?

– Да что-то вроде в воздухе витает... – уклончиво ответил сыщик.

– Поточнее не скажешь? Где витает? У кого?

– В столичном охранном отделении. Там как будто чего-то ждут.

– А, у этих галманов... Ну пусть ждут. Я скажу так: не дождутся!

– Объясни русским языком: о чем речь?

– По сведениям секретной агентуры, Боевая организация ПСР готовит на министра покушение, – ответил Скандраков. – Но кто предупрежден, тот вооружен. Шельмы! Мы еще поглядим, кто кого.

– Понял. Ну, держитесь там...

Алексей Николаевич вышел на крыльцо в задумчивости. Неужели Дурново имел в виду именно это? Министра скоро взорвут, и вопросы Лыкова отпадут сами собой. Нужно лишь подождать месяц с небольшим. Ну и дела творятся в государственном аппарате, если дошло уже до такого...

Поздно вечером на квартире Лаврова опять состоялось совещание. Таубе на этот раз пришел, но сначала молча слушал. Коллежский советник рассказал о своих открытиях по делу. О намеках Сазонова и Дурново он умолчал. Не хотелось выносить сор из избы. А еще сыщик до сих пор не решил, будет ли объясняться с министром, и не желал показывать это военным.

Зато Лыков подробно изложил версию Финна-Енотаевского насчет анархистов. И сказал:

– Надо ехать в Москву, искать Грилюка.

– Возьми с собой поручика Олтаржевского, – предложил генерал-майор.

– Мариан Ольгердович тоже приедет, но позже. Сначала ему надо конспиративно посетить Ригу.

– Ригу? – заинтересовались вояки. – Там нашелся след?

Лыков сообщил о беседе с профессором Трачевским и о его важной подсказке.

– Химический завод Рутенберга! – обрадовался Таубе. – Вот и кончик ниточки. Возможно, германские шпионы оттуда и выследили нашего

доктора натуральной философии.

– Наверняка, – согласился Лавров. – Тот заказал им приборы, провел испытания. И засветился. Но в Риге шпионами занимается Лифляндское ГЖУ. Станут ли они разговаривать с армейским поручиком? Может, мне выехать вместе с Марианом Ольгердовичем? Как-никак я жандармский штаб-офицер, имею там знакомых.

– Пожалуй, вы правы, – согласился с ротмистром Таубе. – Поезжайте вдвоем. Прямо завтра, как только получите прогоны.

– Завтра поручик мне понадобится, – возразил Лыков. – Я наметил встречи с учеными из окружения Филиппова. И Мариан Ольгердович поможет мне правильно сформулировать вопросы.

– С кем мы увидимся? – оживился поручик.

– Ну, например, с Менделеевым.

– Ого! А он найдет на нас время? Сам Менделеев!

– Найдет, я уже договорился о встрече на десять часов утра. В половине первого нас ждет профессор Хвольсон. Пусть эти уважаемые люди и разъяснят нам, что же такое изобрел Филиппов.

Однако осуществить замысел сыщика не удалось. Сначала Менделеев, старый и раздражительный, долго уходил от прямых вопросов Олтаржевского. Он стал говорить что-то про эфир, про его неизученные свойства, которые, видимо, смог открыть Михаил Михайлович. Поручик возразил:

– Позвольте, какой еще эфир? Нет никакого эфира. Это доказано в тысяча восемьсот девяносто втором году экспериментом Майкельсона – Морли.

Ученый воззрился на дерзкого поляка и ответил:

– Молодой человек, вы еще не доросли до понимания таких материй. Мировой эфир существует. Это газ, не способный к химическим соединениям. Он всюду вокруг нас. Я уже рассчитал гипотетический элемент, из которого состоит эфир. И поместил его в нулевой ряд нулевой группы своей таблицы. Светоносный эфир, с которым и экспериментировал Филиппов, имеет свойство передавать энергию в любую точку Земли фактически без потерь. Михаил Михайлович использовал в качестве носителя короткие электромагнитные волны.

– Но как он это делал?

Менделеев развел руками:

– Не знаю. Я не занимался этим вопросом. Но совершенно убежден в том, что такое возможно. Наука не отрицает. Волна взрыва доступна передаче, как волна света или звука.

Олтаржевский покосился на Лыкова и чуть поджал губы. Он был обескуражен и не знал, что возразить.

– Дмитрий Иванович, – вступил в разговор сыщик, – а почему Филиппов сначала называл свое изобретение волнами смерти, а потом – лучами?

– Так это одно и то же. Еще Герц в восемьдесят восьмом году доказал, что свет имеет волновую структуру. А вообще, поговорите с Поповым, он лучший в России специалист.

Тут снова встрял поляк, и снова неудачно:

– Господин Менделеев, простите, я опять о предмете нашего диспута. Вы назвали гипотетический элемент, из которого будто бы состоит эфир, ньютонием. Но согласитесь, что его реальное существование экспериментально не доказано!

Менделеев вспыхнул:

– Какой у меня с вами может быть диспут? Вы кто для этого?

Лыков понял, что пора уходить.

Профессор Хвольсон, крупный специалист по электромагнитному излучению, оказался более полезен. Он не стал спорить насчет эфира, ответив просто:

– А черт его знает, есть он или нет!

На вопрос о том, что на самом деле изобрел Филиппов, он ответил:

– Да, это было оружие. Несовершенное, еще на стадии прототипа, но оно уже стреляло.

– Чем, Орест Данилович? Филиппов действительно научился перебрасывать энергию взрыва на большие расстояния?

– Я не знаю, чем оно стреляло, – честно ответил профессор. – Миша в определенных вещах был скрытным. Он всего не рассказывал. Но я своими глазами видел валун, который он разбил на куски.

– Какой валун, где?

– На берегу речки Териоки. Три года назад ваша полиция выгнала Филиппова из Петербурга, и он поселился в Финляндии. И вот однажды Миша сообщил мне: «Все! Аппарат работает!» Я, признаться, не поверил. Он пояснил, что испытал его в Риге, на каком-то заводе, и убедился. Я, естественно, попросил показать. Мы дошли до реки, там лежал довольно большой камень, гранитный. Красный с черным, какие часто попадаются в тех местах. Михаил сказал: «Проверь, крепкий ли он». Нелепая просьба: камень был самый обычный и, разумеется, очень крепкий. «Приходи, – говорит, – сюда завтра утром. И увидишь, что я с ним сделал».

– И что? – собеседники профессора были заинтригованы.

– А то, – ответил Хвольсон. – Когда я утром явился, вместо валуна в речке лежали его осколки. Словно кто-то кувалдой разбил! Но такой камень не возьмешь кувалдой... Я не знаю, как Миша это смог, но он смог.

– Скажите, пожалуйста, где именно находится это место?

– Точно не помню, три года прошло. Но от дачи Беляева, где жил тогда Филиппов, вниз по течению Териоки саженой сто – сто пятьдесят. На правом берегу, там еще река делает изгиб.

– Но вы не наблюдали взрывной аппарат в действии?

– Нет.

– И принцип его работы для вас загадка?

Хвольсон разгорячился:

– Господа! Для всего ученого мира это загадка, не только для меня. Скажите, что с его бумагами? Михаил Михайлович вел лабораторные записи, там все должно быть написано. Дайте мне их, и я отвечу на ваш вопрос.

– Записи пропали, – лаконично ответил коллежский советник.

– Как пропали? А сам аппарат? Можно изучить его и разгадать принцип действия.

– Аппарат разрушен.

– Кто это сделал, какой идиот?!

– Петербургское охранное отделение вело дознание смерти Филиппова и перевезло оборудование к себе на Мойку. Разобрать сумели, а собрать обратно уже не получилось.

Хвольсон хотел сказать что-то резкое, но передумал. Вместо этого он уточнил:

– Но куда делись записи?

– Никто не знает. Часть бумаг на Мойке, но они не представляют особой ценности. Самые главные работы исчезли.

– Кто же их забрал?

– Это, Орест Данилович, мы и пытаемся выяснить. Какого вы мнения о ближайших помощниках Филиппова? Я имею в виду Разуваева и Большакова.

– Разуваев – человек серьезный. Если у кого и спрашивать о принципах действия аппарата Филиппова, то у него. А Большаков просто милый юноша. Он чем-то нравился Михаилу Михайловичу. Знаете, к пятидесяти годам тянет завести ученика, оруженосца. Который смотрит тебе в рот и говорит всем, что ты гений.

– А Финн-Енотаевский?

– Я не люблю его, он какой-то... мутный.

– Яков Грилюк?

– Видел один раз, и мне хватило.

– Что он за человек?

– Опасный тип. Не знаю, зачем Миша приблизил его. Даже внешне отвратителен. Супруга очень пугалась, когда Грилюк приходил в дом. Он же харкает кровью! Лечиться не хочет. А в доме дети, долго ли подцепить заразу? Странно все это...

– Орест Данилович, последний вопрос, и мы уйдем. Скажите, Филиппов действительно был гений?

Хвольсон задумался. Думал он долго, по лицу ходили тени. Потом сказал:

– Да. В том смысле, который вы, господин Лыков, вложили в это слово.

– А какой, по-вашему, я вложил смысл?

– Вас как полицейского интересует, мог ли Филиппов открыть новый, крайне опасный и разрушительный вид оружия. Так ведь?

– Так.

– Вот я и говорю в этом смысле: мог. Он был серьезный ученый, а не популяризатор, как некоторые думают о нем из-за журнала. И он верил в свое изобретение, а опыты подтверждали его правоту. Закончив последние эксперименты, Михаил Михайлович собирался ехать во Францию к самому Бертло. А тот – выдающийся специалист по взрывчатым веществам. Они состояли в переписке, и Бертло очень ждал результатов петербургского эксперимента. И потом, я же видел осколки камня своими глазами! Так что, господа, дело плохо. Михаил Михайлович Филиппов изобрел что-то вполне страшное. А если бумаги его пропали, то все еще хуже.

– Что же вы молчали, профессор?

Хвольсон вспыхнул:

– О чем?

– О том, что человек, враждебный правящему строю, изобретает такое!

– Укоряете, что я не стал доносить на товарища? – вне себя от гнева крикнул профессор и вскочил: – Да пошел вон, полицейская шкура!

– Пусть я шкура, – согласился коллежский советник, – но сейчас что-то вполне страшное в руках либо германцев, либо революционеров. Вы кого выбираете?

– Никого я не выбираю. А вам лучше надо было делать свою работу. Филиппов ничего не скрывал. Он сам мне говорил, что охранка следит за каждым его шагом. И что, прошляпили?

Лыков почти выбежал из комнаты, Олтаржевский едва поспевал за

ним. На улице сыщик еще долго не мог успокоиться. Обозвали шкурой, а он даже в морду за это не дал. И ведь ученый прав: почему охранное отделение допустило? Почему доктора не арестовали своевременно, если держали под наблюдением?

– Мариан Ольгердович, – обратился он к поручику, когда немного успокоился. – В Ригу вы поедете во вторую очередь. Сначала ступайте в Териоки и найдите то место, которое описывал Хвольсон. Помните?

– Сто – сто пятьдесят сажений от дачи, где жил Филиппов, вниз по течению, на правом берегу, у изгиба реки.

– Правильно. Дача Беляева. Наденьте партикулярное платье. И вообще, пока ведется дознание, ходите в нем. Если тут шпионаж, нечего сверкать золотыми погонами.

– У меня нет здесь статского костюма, – растерялся поляк. – Он остался в Варшаве.

– Заведите.

– Слушаюсь, Алексей Николаевич. Я в Териоки, а вы?

– Я сегодня же выезжаю в Москву. Из Териок и из Риги шлите мне телеграммы туда, на полицейский телеграф, шифром номер три.

– У меня нет такого шифра...

– У генерала Таубе есть, он даст. Ну, прощайте!

Лыков удалился, думая, какой у поручика приятный акцент. Он всегда любил польский говор. Олтаржевский произносил русские слова как-то по-особенному и радовал слух сыщика. Вот только если ехать с ним за границу, придется делать Мариану Ольгердовичу паспорт на польское имя. Иначе вмиг разоблачат.

Глава 5

В Москве

Всякий раз, приезжая в Первопрестольную, Лыков удивлялся. Какие разительные отличия от Петербурга! Здесь, наверное, хорошо жить вольнодумцам, отставникам, людям искусства. Государь и его двор далеко. А значит, далеко интриги, искания благ, холод дворцов и светских салонов... Взамен Москва требует распущенности. Раз нет поблизости царя, так делай что хошь! Отсюда грязь на улицах, неопрятные мундиры городских и вонь выгребных ям.

Коллежский советник заселился в номера Фальц-Фейна на углу Тверской и Газетного переулка. Позавтракал, побрился и пошел в Большой Гнездниковский. Там в обширном внутреннем дворе находились службы, которые питерский гость намеревался посетить. Хозяйство московского обер-полицмейстера расположилось широко. Типография и адресный стол, сыскная полиция и охранное отделение, казармы городских и конюшни конно-полицейской стражи заняли все окрестные здания. Сам дом обер-полицмейстера с роскошной служебной квартирой выходил на двор задом, а фасадом смотрел на Тверской бульвар. На обширном плацу чужие люди сразу бросались в глаза; все вокруг дышало правоохранительным духом.

Лыкову следовало начать с охраны. Но он хотел сперва заглянуть в сыскное, поздороваться с новым старым начальником. Василий Иванович Лебедев называл Лыкова своим крестным. Именно тот много лет назад разглядел в помощнике пристава, вчерашнем офицере задатки к сыскной службе. И посоветовал перейти из общей полиции туда. За минувшие годы перспективный чиновник сделал хорошую карьеру. В 1900-м его назначили исправляющим должность начальника МСП^[14]. Больше двух лет держали с унижительной приставкой «и. д.» и лишь 23 февраля этого года утвердили. Теперь Лебедев в чине коллежского асессора командовал всеми сыскарями. На взгляд Алексея Николаевича, он вполне справлялся. За эти годы москвич и петербуржец неоднократно встречались, провели вместе несколько дознаний и подружились. И Лыков решил сначала поговорить с приятелем, узнать, что творится во второй столице.

Лебедев уже ждал его, извещенный телеграммой.

— Заходи, самовар стынет! — сказал он, крепко пожимая гостю руку. Высокий, статный, с приятным лицом, коллежский асессор выглядел

красавцем. Алексей Николаевич осмотрел его придирчиво, как врач пациента, и отметил:

- Борода-то еще седее сделалась.
- У тебя будто нет.
- Я поэтому бороду и не ношу, только усы.

– Врешь, – рассмеялся москвич. – Забыл, Алексей Николаевич, что сам мне в прошлом году говорил? Когда в «Билло» мы с тобой

намулындились...

– Забыл, – признался питерец. – Хорошо приняли, вот и запомнил.

– Ты сказал, что борода у тебя нелепая, ты в ней какой-то шатаный стрюк, а не почтенный человек.

– Ну это я спьяну, – попробовал защититься Лыков. – Когда требовалось изменить внешность, борода всегда меня выручала. Хорошая она у меня, не смейся.

Друзья выпили по стакану чая, и Алексей Николаевич вздохнул:

– Да, вот оно как...

– Это ты к чему? – не понял Лебедев.

– К тому, Василий Иванович. Ты еще молодой, не поймешь, боюсь. Давно прошло то время, когда я бороду отпускал и личность менял. И, между прочим, лазил по самым страшным вашим притонам. Эфенбах только диву давался, как меня там в ножи не взяли. А потом вызывал писаря, и я диктовал все, что выяснил о потайной Москве, чего его агенты никогда бы не узнали. Да, были дела...

– Какие проблемы? Наклеил фальшивую и ступай в «Каторгу». Ты еще мужчина крепкий, себя в обиду не дашь!

– Силенка пока есть, – согласился питерец. – Но в полковничьем чине ходить по притонам не полагается. Потихоньку кисну. Ладно хоть Плеве расслабиться не дает, подбрасывает задачки.

Коллежский асессор посерьезнел:

– Что Орел тебе на этот раз поручил?

Лыков коротко рассказал о загадочной смерти в Петербурге доктора Филиппова. О германском следе в этом темном деле и о чахоточном анархисте, который собирается громко хлопнуть дверью.

– У нас собирается хлопнуть? – насторожился главный московский сыщик.

– Может, и у вас. Но допускаю, что здесь он только пересидеть хочет, а сам акт задуман в Петербурге. Хорошо бы найти парня, пока не поздно.

– Анархистами занимается охранный отдел, – словно оправдываясь, сказал Лебедев. – Тут я тебе мало чем помогу. Но одна ниточка, возможно, есть.

– Рассказывай.

– Анархисты ребята теплые, из политических они блатным больше всех нравятся...

– Это так, – согласился коллежский советник. – Родственные души, мы замечаем их иногда заодно в общих делах.

– И мы замечаем. Вот и теперь... Есть сведения, что анархисты-

безмотивники договорились с самим Андосовым. Деньги им нужны, вот и трутся около. А у Андосова, сам понимаешь, их куры не клюют.

Новость была важная и неприятная. Если Грилюк и его товарищи вступили в сделку с этим человеком, жди беды.

Данила Андосов по кличке Даня Томский был необычным бандитом. У него имелась узкая специализация: он грабил чайные караваны. Зато в больших масштабах, и людей при этом не жалел. Андосовцы просто убивали и возчиков, и охрану. А также щедро платили из барышей укрывателям. Лапы гайменников тянулись из Москвы в Сибирь. На всем пути у них имелись сообщники и потатчики. Главное же достижение Томского состояло в том, что он наладил сбыт похищенного.

Как известно, чай в России больше чем просто напиток. Он любимое, после водки, баловство и отрада десятков миллионов людей. Китайцы это хорошо знают и поставляют товар на громадные суммы. Кяхтинский чай выращивается в главном центре производства Поднебесной – в Ханькоу. Затем по реке Ян-Тсе-Кианг специальными пароходами он доставляется в Шанхай. Там его перегружают уже на морские суда и перевозят в Тяндзин. В Тяндзине третья перевалка: чай на джонках по реке Байхэ перевозят в Чунджоу. И уже оттуда караванами везут в Кяхту. Из Кяхты чай сначала попадает на иркутскую таможню, а оттуда сухопутным путем следует до Томска. В Томске с давних пор сооружены огромные чайные склады, где товар зимует. Начиная с марта цибки с чаем перевозят в Нижний Новгород, на ярмарку. Там устанавливается цена на этот важнейший для населения продукт. И уже осенью раскупленный у оптовиков чай расходится по европейской части России.

Андосов в свое время был рядовым налетчиком. Попался, получил каторгу, но до места не доехал. Он бежал из Томской пересылки, самой большой тюрьмы в империи. И укрылся как раз у сторожей чайных складов. Хитрый головорез вез с собой некоторую сумму. Ее хватило до марта. С первыми караванами Андосов вернулся в Москву, а по пути изучил весь цикл поставок чая в столицы. Он завел полезные знакомства, а главное, придал делу масштаб. На складах всегда воровали, но знали меру. Все-таки товар дорогой, хозяин шкуру спустит. А вот ежели в пути украдут, то другое дело. Сторожа стали наводчиками Даньки Томского, а лихие ребята грабили караваны. Атаман набирал их из беглых, которых всегда много в Сибири. Когда он договорился с нечестными трактирщиками, цепочка приняла законченный вид.

Стоимость награбленного резко полезла вверх, счет шел уже на сотни тысяч рублей. Счет убитым – на десятки жизней. Полиция ничего не могла

поделать: доносителей андосовцы резали, а помощникам платили, благо обороты позволяли. И люди выбирали деньги, а не смерть на ноже. Штаб-квартира атамана находилась где-то в Москве, здесь же пудами распродавали его товар. Тот, на котором кровь. Ни один освед сыскной полиции не хотел говорить об этом! И вот теперь к лихому человеку прибились анархисты.

– Других данных нет? – спросил Лыков.

– Нет, – вздохнул его приятель. – Знаешь же, как его берегут. Столько людей кормится вокруг Томского! Это с трудом узнали, скажи спасибо.

– А как вообще сейчас в Москве? Хитровка жива?

– Что ей сделается, – опять вздохнул Лебедев. – Там такая язва, лечи не лечи...

– Я ведь еще Марка Афанасьева помню, – ухмыльнулся Алексей Николаевич. – Ты тогда в юнкерах числился.

– Афанасьев давно отошел от дел, – пояснил Василий Иванович. – Продал «Каторгу» своему буфетчику Кулакову и уехал в деревню.

– И Ваньку Кулакова помню. Я ему раз чуть рыло не начистил, прямо возле стойки... двадцать лет назад^[15]. Вот какой был в молодости: вся шпанка меня боялась. Веришь?

– А то, – миролюбиво согласился Лебедев. – Но, видать, давно это происходило. Сейчас Кулаков не Ванька, а Иван Петрович, мануфактур-советник. На хромой козе не подъедешь. И вообще многое стало по-другому. Как мы их удержим? Иной раз страшно делается. Не сладим ведь однажды, а? Сам ты неужели об этом не думаешь? Не боишься?

– Их – это уголовных? Боюсь, Василий Иванович. Зла все больше, служебного рвения у наших все меньше. Дожить бы до отставки – о большем не мечтаю.

– Вчера в гренадерском корпусе пулемет украли, – вдруг горячо заговорил коллежский асессор. – Представляешь: пулемет! Зачем он им? Его же в карман не положишь, на грант^[16] с собой не возьмешь. Они что, в нас из пулемета стрелять собираются?

– Ну, оружие в армии всегда воровали, – попытался успокоить приятеля Лыков. – Ничего нового в этом нет.

– Воровали, – согласился Лебедев. – В девятисотом году похитили даже две пушки, вывезли их на Кавказ, а оттуда намеревались в Персию. Хорошо успели перехватить. Но пулеметы воруют на моей памяти впервые. И ладно, если тоже для персиян, а если на нас запасают?

– В Петербурге тоже плохие ожидания. Век неудачно начался: снова

стали людей убивать. Но это пока цветочки. – Лыков отодвинул пустой стакан и встал: – Не кисни. Как-нибудь вывернемся, в первый раз, что ли? Пойду к охранникам.

– До встречи, – тоже поднялся Лебедев. – Жандармы на себя не возьмут, нас притянут. Значит, увидимся на совещании у обер-полицмейстера.

Коллежский асессор оказался прав.

Алексей Николаевич вышел из дома номер три по Большому Гнездниковскому переулку, а ему требовалось в дом номер пять. Здесь, в шаге от сысской полиции, помещалось охранное отделение. Обшарпанное двухэтажное здание было выкрашено в унылый зеленый цвет. Лыков вошел и оказался в большой прихожей с низким потолком. Из нее веером расходилось пять плотно закрытых дверей. В углу тянулась наверх диковинная винтовая лестница, из-под которой вел в глубь здания темный узкий коридор. Электричество в отделении явно экономили...

К посетителю подошел служитель в статском и спросил о цели визита.

– Передайте наверх: Лыков из Департамента полиции, к Василию Васильевичу.

Тот сразу вытянулся:

– Так точно-с, вас ждут-с! Позвольте проводить?

– Не надо, дорогу знаю.

Подполковник Василий Васильевич Ратко был начальником Московского отделения по охране общественной безопасности и порядка. Лыков встречался с ним по службе, и он произвел на сыщика благоприятное впечатление.

Гость поднялся на второй этаж. Он разительно отличался от первого: чистые просторные комнаты, много света, добротная мебель. В комнатах сидели над бумагами чиновники, стучали пишущие машины, курьеры юрко сновали от стола к столу. Пройдя насквозь общий зал, картотеку и приемную, Лыков назвал секретарю и вошел в огромный кабинет. Когда-то здесь сидел сам Зубатов, и от него остались уютная обстановка и портреты на стенах.

– Приветствую, Василий Васильевич. Говорят, у вас тут пулемет украли?

– А вы откуда знаете, Алексей Николаевич? – удивился хозяин, пожимая гостю руку.

– Зашел к соседям, они и сообщили.

– Ай-ай, нехорошо, – скривился подполковник. – Надо было начинать с обер-полицмейстера. Он вас уже обыскался. Мне только что

телефонировал: где чиновник особых поручений из столицы? Нервничает.

– Виноват. Решил попозже, когда народ схлынет. У большого начальства всегда утром давка.

Ратко тотчас повел Лыкова в приемную, но они опоздали: Трепов уже уходил. Коллежский советник представился начальству прямо на лестнице. Обер-полицмейстер сказал:

– Встречаемся у меня через три четверти часа. Известите Лебедева, пусть тоже будет.

Жандарм и сыщик вернулись обратно в кабинет. Ратко продолжил начатый разговор:

– Да, происшествие чрезвычайное. Из арсенала Шестого Таврического полка утащили пулемет! Прямо из Александровских казарм.

– Не такое уж и чрезвычайное, – утешил подполковника сыщик. – В Ораниенбаумской офицерской стрелковой школе то же самое случилось. Унесли пулемет Максима и десять коробок с патронами.

Ратко обрадовался:

– Значит, мы такие не одни?

– Не одни. В Тифлисе два сперли, правда, быстро нашли. Это теперь модное поветрие. Но я к вам по другому делу, Василий Васильевич. Меня интересуют анархисты. У вас ими занимается ротмистр Ионов, я правильно помню?

Жандарм усмехнулся:

– Занимается – это сильно сказано. Нельзя заниматься теми, кого не существует.

– Анархизм в России не существует?

– За Россию не скажу, а у нас в Москве такой дряни нет.

– А подробнее, Василий Васильевич?

– Подробнее пояснит Ионов, но суть будет та же.

– Тогда возьмите его с собой на совещание к обер-полицмейстеру, сэкономим время.

В итоге в кабинете у Трепова собралось вместе с хозяином пять человек. Лыков сделал доклад о происшествии в столице. Следы его ведут в Москву, надо найти анархиста Грилюка. Который, возможно, снюхался с бандитами. Что об этом имеет сказать охранное отделение?

Слово, минуя начальника, сразу взял ротмистр:

– Мы получили сведения о Грилюке от наших коллег из Петербурга. Они почему-то пребывают в уверенности, что тот вошел в сношения с местными анархистами. Но таковых в городе просто нет. Поэтому найти вашего беглеца будет нелегко.

– У нас нет этих страшных бомбистов? – заинтересовался Трепов. – Очень хорошо! Хоть чего-то у нас нет дурного. Но вы уверены, ротмистр?

– Совершенно, ваше превосходительство.

– А почему так?

Ионов многозначительно хмыкнул и начал длинный монолог:

– Анархисты – настоящий бич Запада. Вдумайтесь в список их преступлений. В Америке они убили двух президентов: Гарфилда и Маккинли. Во Франции президента Карно. В Испании премьер-министра Кановаса. А еще короля Италии Умберто, австрийскую императрицу Елизавету, устроили взрыв во французском парламенте... Зловещий Франсуа Равашоль швырял бомбы в парижские кафе, перебив множество невинных людей. Вот анархисты и стали на слуху. Но в России, слава богу, эта язва пока слаба. Если и есть где шевеление, то по окраинам: Белосток, Одесса, Нежин. Отчаянные люди собираются в группы. В основном это эсеры, которые разочаровались в политике своего ЦК и хотят больше крови. Почти все известные на сегодня анархисты – евреи, еще кавказцы как горячая народность; русских мало.

– Позвольте, а как же Кропоткин с Бакуниным? – удивился обер-полицмейстер. – Знатные фамилии, Кропоткин даже князь. И у них нет последователей из великороссов?

– Пока что нет, – продолжил объяснение жандарм. – Доберутся до центральных губерний, тогда и появятся; это вопрос времени. Сейчас же там в основном евреи. Есть, так сказать, классические последователи. Эти сидят в Женеве и издают газету «Хлеб и воля». Их так и называют – хлебовольцы. Два года назад они напали на наше посольство в Швейцарии и оторвали с ворот двуглавого орла...

– Зачем? – опешил Трепов.

– Из протеста, – лаконично пояснил Ионов. – Содрали и утащили с собой, дураки... Но хлебовольцы за избирательный террор и горячим головам не нравятся. Любители крови соорганизовались в партию «Черное знамя», но только-только, буквально весной. Пока никак себя не проявили. Есть еще группа «Борьба» в Белостоке и «махаевцы» в Одессе. Будто бы в Петербурге готовится учреждение группы «Смерть за смерть». Но пока разговоры, дела нет.

– А безмотивники? – спросил коллежский советник.

Ионов состроил гримасу:

– Самые опасные. Согласно их морали, дозволено бросить бомбу в ресторан или театр, поскольку-де они созданы для увеселения эксплуататоров и простые рабочие там не бывают. А прохожего любого

можно застрелить, если на нем белые перчатки.

Обер-полицмейстер выругался.

– Есть безмотивники у вас в разработке? – продолжил расспросы Лыков.

– Нет в силу их отсутствия. В Белостоке был случай: швырнули заряд в вагон первого класса, на том основании, что я сейчас упомянул. По счастью, промахнулись, но вагон сошел с рельсов, были раненые. А в Москве и во всем Центральном районе безмотивников пока нет.

Ратко счел нужным пояснить столичному гостю:

– Московское охранное отделение занимается не только Москвой. На нас вся округа: Московская, Владимирская, Калужская, Костромская, Нижегородская, Ярославская, Тульская, Смоленская, Рязанская и Орловская губернии. Никого не упустил?

– Тверская еще, – дополнил начальника Ионов.

– Черт, всегда их забываю...

Все помолчали, обдумывая услышанное.

– Что же, у нас нет ни одного анархиста? – недоверчиво переспросил Трепов.

– Пять-шесть человек так себя называют, – ответил Ионов. – Читают «Хлеб и волю», переписываются с ее редактором Гогелия. Есть один господин, стоящий особняком, – некто Новомирский. Приехал из Одессы. Это тот самый, который призывал анархистов идти с агитацией в уголовную среду...

– Уже теплее, – вставил Лыков.

– «Разбойники – единственные подлинные революционеры в России», – подхватил начальник сыскной полиции. Поймал удивленный взгляд генерала и пояснил: – Это цитата из Нечаева, того душегуба, который написал «Катехизис революционера».

Тут блеснул цитатой и ротмистр Ионов:

– «Невозможно угадать, где кончается товарищ анархист и где начинается бандит». Это, ваше превосходительство, уже социал-демократ Плеханов.

– А что Новомирский делает у нас в Москве? – насторожился Трепов, пропустив цитаты мимо ушей. – Вы приглядываете за ним?

– Глаз не сводим, – успокоили шефа жандармы. – Пока одессит ведет рассеянный образ жизни. Похоже, он там, на берегу моря, нашкодил, а у нас прячется.

– Откуда информация, что Грилюк примкнул к банде Андосова? – обратился генерал к Лебедеву. Тот покосился на Лыкова. Питерец

прошептал: «Информация значит сведения».

– Виноват, ваше превосходительство, – поправился коллежский асессор. – Осведомитель по кличке Пан сообщил. Он старший официант в одном из трактиров, что покупают у Андосова ворованный чай. Близкий к хозяину человек.

– И что именно сказал ваш Пан?

– Всего несколько фраз, ваше превосходительство. Приехал-де из Петербурга анархист договариваться с атаманом о займе. Деньги им нужны. Как совершат экспроприацию, вернут с процентами.

– Почему вы думаете, что это именно Грилюк? – раздраженно спросил обер-полицмейстер.

– Анархист кашляет кровью.

Трепов повернулся к питерцу:

– Коллежский советник! Зачем, по-вашему, чахоточному анархисту понадобились деньги?

Тот предположил:

– Готовит тот самый экс. Дело затратное: оружие, явки, людей собрать, то да се...

– Экс у меня в Москве... – задумчиво пробурчал Трепов. Потом вдруг взъярился: – Экс! У меня! В Москве! Да я им!!!

Подчиненные генерала притихли. Лыков сидел и наблюдал. Он не любил род Треповых. Четыре брата делали карьеру. Сыновья знаменитого Федора Федоровича Трепова, первого градоначальника Петербурга, известного своими нечестными приемами и загадочным состоянием, упрямо лезли вверх. Возглавлял их Федор Федорович-младший, генерал-лейтенант, которого только что с должности Киевского губернатора передвинули в Сенат. Сыщик встречался с ним в Киеве, и у них вышла ссора. Второй по возрасту был Дмитрий, генерал-майор и московский обер-полицмейстер. Красивый, осанистый и на вид весьма решительный, он тоже имел репутацию интригана. Третий брат Александр, по слухам, был самым приличным из семейки. Зато и карьера его не задалась: застрял в Канцелярии Государственного совета, который год камергер и не более того. И наконец, самый младший, Владимир, занимал должность Таврического губернатора. Ишь, расплодились...

– Лебедев!

– Слушаю, ваше превосходительство, – коллежский асессор вскочил и замер.

– В два дня арестовать трактирщика и всех, кто еще у вас на подозрении в связях с Андосовым.

- Но...
 - Не перебивать!
 - Виноват.
 - Взять также и этого... из Одессы который приехал.
 - Новомирского?
 - Да.
 - Его-то за что, ваше превосходительство? – поразился Лебедев.
- Обер-полицмейстер отчеканил:

– Вот когда государь доверит вам целый город – если, конечно, вы удостоитесь такого доверия, – тогда и поймете. На моей ответственности Москва! Понимаете? Вторая столица. Как же я могу допустить, чтобы террористы и прочая шваль гуляли на воле? А вдруг они мне город взорвут?

Лебедев не решился более возражать.

– Ратко!

Подполковник тоже вскочил.

– Вы ловите этого чахоточного анархиста. Дело Филиппова на контроле у государя. Понимаете, что это значит?

– Понимаю, ваше превосходительство.

– Всех поставить на дыбы. Кто отыщет, тому награда.

– Слушаюсь!

– Лыков!

Коллежский советник вежливо склонил голову, но подниматься не стал: много чести.

– Какая еще помощь нужна вам в дознании?

– Данных вами приказаний вполне достаточно. Московские розыскники – люди опытные, справятся. Но не слишком ли вы торопитесь с арестом? Возьмем мелочь, а крупную рыбу спугнем.

Трепов хотел и питерцу пояснить насчет доверия государя, но передумал. А просто скомандовал подчиненным:

– Выполняйте.

Офицеры и чиновники гурьбой высыпали во двор и остановились в нерешительности. Лебедев первый пришел в себя:

– Да... Пойдемте ко мне, согласуем наши действия.

Дальнейший разговор проходил в кабинете начальника сыскной полиции. Начал его Лыков заливчатским тоном:

– А ну сыпь на стол у кого что есть.

– В каком смысле? – удивились москвичи.

– Я не вчера родился, понимаю. Никогда начальству всего не доносят.

Тем более такому, как ваш... генерал. Что вы утаили?

Ратко бросил быстрый взгляд на Лебедева. Тот ответил:

– Говори. Ему можно.

Начальник охранного отделения скомандовал своему подчиненному:

– Валяйте!

Ионов зачем-то оглянулся на закрытую дверь, потом сказал:

– По данным наружного наблюдения, к одесситу в номер дважды заходил молодой человек. Роста среднего, в руках держит носовой платок. Кашляет в него.

– Грилюк? – обрадовался питерец.

– Он самый.

– Проследили?

– В первый раз да, ваш студент привел филера в гостиницу Носовича.

А вот во второй вышла осечка. То ли заметил слежку, то ли привычка у него менять адреса...

– Потеряли? Где?

Ионов брезгливо сморщился:

– После встречи с Новомирским студент пошел на Хитровку. И не абы куда, а в Вагончик.

Лыкова тоже передернуло. Вагончиком назывался одноэтажный флигель во дворе дома Румянцева, того самого, в котором квартируют кабаки-притоны «Сибирь» и «Пересыльный». Они, конечно, лучше «Каторги», в которой столуются лишь громилы первого разряда. «Сибирь» – место сбора воров и скупщиков, а «Пересыльный» любят бездомные и бродяги. Вагончик представлял собой публичный дом, но особенный. Там взыскательной публике предлагали десятилетних проституток, еще детей. А за особую плату и вовсе малолетних. Даже циничная Хитровка, знакомая со всеми кругами ада, относилась к этому неодобительно. Но раз люди платят деньги, имеют право...

– Там вы и упустили Грилюка? – догадался коллежский советник.

– Да, – подтвердил жандарм. – Он задержался надолго. Сами понимаете, в таком месте наблюдение установить невозможно. Придут и в шею выгонят, а могут и зарезать сгоряча.

– Понятно. В номера Носовича он не вернулся, правильно?

– Увы.

– Других интересных новостей нет? Ваши анархисты, что под наблюдением, действительно только газеты женевские читают? Они не могут нас подвести к Яше Бешеному?

– Нет, с ними питерский гость не общается.

Лыков обратился к главному московскому сыщику:

– Ну а ты, Василий Иванович, чем порадуешь?

Тот ответил без запинки:

– Есть извозчик, очень для нас интересный.

– Извозчик? – удивился Лыков.

– Да. Не простой, а из заведения Ивана Лапина.

Коллежский советник крикнул. Извозопромышленник Лапин двадцать лет катал по Москве убийц и налетчиков. Если фартовым требовались блатноги^[17], чтобы вывезти награбленную добычу или спрятать труп, они обращались к нему. Все служившие у Лапина возницы были не в ладах с законом.

– А почему именно он? Там в Пятом проезде их полтора десятка, и все сволочь на сволочи.

В Пятом проезде Марьиной Рощи и располагалось заведение Лапина.

– Парень проболтался, – пояснил Василий Иванович. – Гордость его распирала, вот и ляпнул по пьяни, что возит самого Андосова.

Все сразу зашумели, прося подробностей. Сыщик рассказал, что знал. Есть некий Пашка Ремешок, ловкий малый. Управляется с лошадьми лучше всех, по крайней мере из «черных» извозчиков. Его заказывают только наиболее удачливые гайменники, поскольку Пашка стоит дорого. И вот в последнее время парня выбрал Томский.

– Взять его и расколоть! – предложил Ратко.

Начальник сыскного отделения лишь покачал головой:

– Пробовали уже. Ничего, гаденыш, не боится. Знает, что улик против него нет, а фартовые не выдадут.

– Надо поймать его на гранте, – подкинул идею Лыков.

– А как? – вздернул бородку Лебедев. – Следить за ним каждую ночь? Глупо, он заметит.

– Пашка ведь не одного только Андосова возит, – начал размышлять питерец. – Тот хоть и важный клиент, но не единственный.

– Так, и что дальше?

– Ты говорил, что Пашку уже пытались прижать. На чем?

– На грабежах. Он доставлял пьяненьких гостей в «Чепуху», а там их раздевали.

«Чепухой» назывался хитрый ресторан за Крестовской заставой. Место глухое и небезопасное, населенное полууголовным элементом. Заведение работало до утра. Когда городские злачные места закрывались, те, кто не догулял, ехали в «Чепуху». И попадали в ловушку. Официанты доводили гостей почти до потери сознания и выпроваживали на улицу. А

там уже поджидали громилы. Человека обирали догола, а могли и убить. Нет-нет, да и находили посетителей «Чепухи» в лесу без признаков жизни.

Власти не раз хотели прикрыть трактир, но доказать участие прислуги не могли. Ну напился человек. За всеми пьяницами не уследишь, это его голова в конце концов, он сам выбирает, куда идти. Закон нигде не нарушен. «Черные» извозчики состояли в доле и охотно подыскивали клиентов.

– Не сумели доказать, что Пашка – соучастник? – уточнил Лыков.

– Свидетели заявляли неуверенно. А Пашка отвечал: что я? Он сам, мол, велел отвезти его в это место и ногами топал! Я и отвез. Зачем нажрался как свинья?

– Понятно. Господа! Предлагаю сделать так. Мы подведем к Ремешку своего человека. Купец, при деньгах, невеликого ума. Впал в кураж, загулял и потерял осторожность. Рядовой случай, никто и не удивится. А купчика этого безмозглого сыграю я.

Так Лыков вступил в противоречие сам с собой. Только сказал, что в полковничьем чине по притонам не ходят, и тут же напросился на роль приманки. Причем задачка была опасная.

Жандармы стали возражать. Чиновник из Петербурга, выполняет личное поручение министра. Вдруг ему за Крестовской заставой дыру в боку провертят? Отвечай потом. Но Василий Иванович сразу же идею приятеля одобрил. И заявил охранникам:

– Я Лыкова знаю не один год. Он человек для такой засады самый подходящий. Нездешний, лицо не примелькалось. Опытный, в переделках бывал, какие нам с вами и не снились. Начинаем готовить операцию.

Но тут офицеры выдвинули новые возражения. Предположим, возьмет Лыков при помощи сыскных пару налетчиков в тот момент, когда они соберутся пошарить в его карманах. И что дальше? Пашка Ремешок опять отвертится. Он лишь извозчик, доставил гуляку в заведение – за что его арестовывать? А если даже и докажут причастность к грабежу, парень получит год тюрьмы. Отсидит и опять наймется к Лапину. Тот проверенного, заслуженного человека возьмет... Чем же тогда пугать Пашку, чтобы он сдал самого Андосова? Годом тюрьмы?

Лебедев выразительно посмотрел на питерского гостя: ну, что скажешь? Тот обстоятельно ответил:

– Такое было, и не раз. Все отлажено. Главное – подвести под каторгу непосредственных исполнителей налета, гайменников. И тут, конечно, для меня возникают риски. Чем больше ребята накрутят, тем больше им срок. Покушение на убийство лучше всего...

Его собеседники поежились, но сыщик продолжил как ни в чем не бывало:

– Когда деяния бандитов потянут на каторжные работы, начнем с ними торговаться. Пусть выдадут Пашку, и мы смягчим обвинение. А ему, как пособнику, вдвоем по сто двадцать первой статье Уложения каторгу на тот же срок. Вот тогда он по-другому запоет.

– Получается, чтобы прижать Пашку, нам надо, чтобы гайменники тебя почти что убили, – констатировал коллежский асессор.

Лыков ответил:

– В первый раз, что ли? И потом, сколько их подойдет? Двое-трое, не больше. Я буду наготове, а они нет. Шансов у ребят немного. Ну а ты подумай, кто и как будет мне помогать.

– В полицейском резерве есть поручик Белоконь. Он чемпион по французскому боксу савату и японской борьбе джиу-джицу. Белоконь может сидеть около тебя в зале, наготове. Извозчик, что его привезет, тоже будет из наших, – стал рассуждать Лебедев. – Вот вас уже трое.

– Может, им вдвоем приехать? – предложил ротмистр Ионов. – Так безопаснее.

– Нет, к двоим бандиты не подойдут, – возразил Лыков. – Я буду один, чтобы соблазнительней. Василий Иванович, зови поручика.

Пришел молодой крепкий офицер, подвижный, как ртуть. Лебедев объяснил ему задумку. Белоконь оглядел питерца и спросил с легкой иронией:

– Господин коллежский советник, а вам сколько лет?

– Сорок шесть, а что?

– Да так. Вы, главное, секунд тридцать продержитесь. Просите пощады, ползайте в ногах. Словом, тяните время, пока я не подбегу.

Лыков хмыкнул, взял поручика левой рукой за ремень и посадил на правую ладонь. Потом вытянул ее перед собой на уровне груди. Белоконь качнулся, но удержался. Жандармы опешили, а Василий Иванович загоготал. Через полминуты Алексей Николаевич наклонил ладонь. Поручик ловко прыгнул, одернул мундир и сказал:

– Впечатлен, примите мои извинения!

Потом повернулся к Лебедеву и заявил:

– Годится!

Началась подготовка к рискованной операции. Никто не мог дать гарантии, что громилы станут слушать мольбы своей жертвы, а не приткнут ее сразу же, без разговоров. Охранники предложили Лыкову поддеть под сюртук панцирь. Но он отказался:

– Его видать, мы только все испортим. Или Пашка ощупает незаметно, или официанты заподозрят. Нет, пойду так.

Вечером следующего дня, загримированный купцом, Алексей Николаевич плотно засел в «Билло» на Большой Лубянке. Потом перешел в «Золотой якорь» на Ивановской, где изрядно «нализался». Стрюк махал толстым бумажником и привлек внимание Пашки. Они быстро сговорились, и Ремешок прилип к пьянице как банный лист. А тот продолжал куролесить и надираться. Уже в полувменяемом состоянии велел отвезти себя в «Чепуху», из которой благополучно вышел поутру. Никто на Лыкова не напал, только половые обсчитали на семь целковых.

На следующий день «купец» опять пошел в загул, только начал со «Славянского базара». Закончил он там же, за Крестовской заставой, и также без дурных последствий. Громилы были осторожны и на новое лицо нападать не спешили.

Тем временем одна за другой пришли две телеграммы от поручика Олтаржевского. Сначала из Териоки, короткая: «ВАЛУН НАШЕЛ ЧУДЕСА ПОДРОБНОСТИ ПРИ ВСТРЕЧЕ». Вторая из Риги: «ДИРЕКТОР ЗАВОДА ВЫЕХАЛ ГЕРМАНИЮ НАСОВСЕМ ДЕНЬ СМЕРТИ ФИЛИППОВА ОСНАСТКА ОПЫТНОГО ЦЕХА РАСПРОДАНА РАБОЧИЕ УВОЛЕНЫ СВЕДЕНИЯ ОПЫТАХ УЧЕНОГО ПОЛУЧИТЬ НЕВОЗМОЖНО». Лыков ответил: «ВЫЕЗЖАЙТЕ МОСКВУ». Он хотел испытать поляка в горячем деле.

Еще два дня ушли у сыщика на то, чтобы примелькаться в «Чепухе». За это время он извел полторы сотни своих денег и чуть не погубил печень. Но ощущение, что скоро его возьмут на грант, крепло. Алексей Николаевич подружился с услужливым Пашкой Ремешком и давал ему щедро на чай. Велел как-нибудь покатать «по всяким разным местам, ну ты понимаешь...». Время шло, но ничего не происходило. Обер-полицмейстер бесился и требовал заковать в железо хоть кого-нибудь. Лыков с Лебедевым успокаивали нервного генерала, что так и должно быть: скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Заодно Василий Иванович убедил начальство оставить пока Новомирского на свободе. Предъявить ему нечего, лучше последить.

Наконец, на пятую ночь на Лыкова напали. Пашка в этот раз был особенно предупредителен. Он привез седока в притон уже в третьем часу. «Купец» спал на ходу, но капризно требовал мадеры.

«Чепуха» представляла собой одноэтажный деревянный дом со службами, одиноко стоящий на краю леса. До ближайших выселков было полверсты: очень удобно для налета. В зале посетителей почти не осталось.

За соседним столиком молодой щеголеватый офицерик обольщал какую-то паву. Видать, дело у него не клеилось: которую ночь поит-кормит, а она все нос воротит... И еще три мрачных типа пристроились у выхода. Эти пили чай с ромом и закусывали холодцом. Несколько залетных гуляк пришли и ушли, а Лыков все налегал на мадеру. Наконец он икнул и потребовал счет. Долго проверял его, бранился, а в итоге заплатил больше, чем было написано. И нетвердой походкой направился к выходу.

Глядя на него, мрачные типы тоже заторопились. Новость была из плохих: Лыков надеялся, что потрошить его будут вдвоем. Три много, один успеет ударить финкой. Главное – не пустить никого за спину.

Сыщику в очередной раз повезло. Пошатываясь, он вышел на воздух, сел к Пашке Ремешку и скомандовал:

– Трогай, Павлуша!

Рядом стоял второй экипаж, на котором приехал офицер. Возница – старший филер Рукосуев – проводил «купца» взглядом и подобрал поводья. Это означало: за тобой идут!

Три головореза выскочили из-за бани, и хотя Лыков ждал их, все равно стало страшно. Один схватил лошадь под уздцы, а двое сразу полезли в коляску.

– Эй, вы чего? – воскликнул извозчик ненатуральным голосом. Его обматерили и отодвинули в сторону. В грудь пассажиру уткнулись ножи.

– Бумажник где, сука? – хрипло спросил старший, весь в прыщах.

Такая диспозиция не устраивала сыщика. Двух-то он прибьет, но останутся еще двое, считая Пашку. Надо одним махом, пока это неожиданно. И он забубнил, будто не разобрал спяну:

– Закурить? Щас, чай не жалко...

Не обращая внимания на клинки, он неловко выбрался из пролетки и начал неспешно шарить по карманам.

– Щас, щас... Где-то тута...

Бандиты смотрели на него с недоумением: глупый штымп^[18] ничего не соображал и потому не пугался. Наконец двое тоже спустились к нему, и третий подтянулся. Они встали напротив, а кучер притих сзади, держа вожжи. Пора!

Алексей Николаевич ударил с обеих рук без замаха, снизу вверх, словно отвесил обычные оплеухи. Но сила их была такова, что правый и левый бандиты полетели с ног долой. Они врезались в третьего, и все оказались на земле. Закричали от боли и неожиданности, завозились друг под другом – куча мала. Тут Пашка со спины ударил Лыкова кистенем. Но сыщик уже почувствовал опасность и начал поворачиваться. Кистень

скользнул по голове и лишь набил хорошую шишку. Коллежский советник перехватил руку негодяя, сгреб его в охапку и с силой бросил на гайменников сверху. Тут из-за бани выскочили Белоконь с Рукосуевым и закричали:

– Руки вверх, стреляем!

Но бандиты никак не могли подняться. Ремешок всей массой упал на них и, как потом оказалось, своей тушей сломал прыщавому ключицу. Пока сыщики их подняли и заковали, те едва сумели опомниться.

Поручик повернулся к начальству и спросил:

– Как вы, Алексей Николаевич? Целы?

Лыков был жив и здоров, не считая шишки на голове. Но кто считает такие мелочи? И он ответил:

– Порядок. Рукосуев, давай сигнал.

Старший филер вынул из кармана свисток и начал наяривать. От опушки леса отозвалась засада: прибежали пять сыскных агентов. Вскоре гайменников загрузили в пролетки. Поручик Белоконь стоял и расстраивался: ни французский бокс, ни джиу-джицу не понадобились, командированный полковник справился один.

Успех был полный. Особенно радовало то, что «черный» извозчик лично участвовал в ограблении. Его кистень отложили отдельно, на предмет изучения. В последний год двое или трое посетителей «Чепухи» получили такой штукой по голове. Если их разыскать и сделать очную ставку, список Пашкиных подвигов можно расширить. Но у сыщиков появилась другая идея.

Лыков с Лебедевым устроили извозчику первый допрос. Прибывший вечером Олтаржевский сидел рядом и молчал, учился. Коллежский советник время от времени пробовал свой затылок, и тон его поэтому был весьма жестким.

– Вот что, назём^[19]. Долго ты ходил по краю и теперь свалился. Каторга считай что в кармане. Но...

Сыщик замолчал. Пашка начал нервно елозить по скамье, потом не выдержал:

– Ваше высокоблагородие! Позвольте, я вам сапоги оближу, токмо обиды на меня не держите! Если б я знал, на кого руку подымаю...

Василий Иванович тут же подыграл питерцу:

– А что, теперь знаешь?

– Ну, большой человек, из сыскной...

– Это полковник Лыков, чиновник особых поручений Департамента полиции. А ты его кистенем по затылку. Все, Пашка, теперь тебе амба.

У бандита глаза вылезли на лоб:

– Из полицейского департамента? Который в Петербурге?

– Ага. Прощайся теперь со свободой навек.

– Как навек?! Статьи такой нету, чтобы меня навек. Подумаешь, махнул слегка. Виноват. Но шишка та заживет. А я, чем могу, услужу их высокоблагородию. Что сказать надо? Все скажу. Как на исповеди, пра. Этих охломонов я в первый раз вижу, но много знаю про другое...

Скользкий парень, бывалый и неглупый, надеялся отвертеться. Но сыщики давили на него с двух сторон.

– Каторга тебе будет особая, – недобро ощерился Лыков. – Она ведь разная бывает, даже на Сахалине. Можно на теплом юге, в Корсаковском посту притыриться. А можно на Оноре лес валить, дорогу строить.

Газеты не раз писали об ужасах строительства сквозной дороги через Сахалин, где каторжники мерли как мухи.

– Но Онор ерунда, Онор еще не край. Край в Дуйской тюрьме. Туда собирают отребья со всей России, с бессрочными сроками. Этим терять нечего. Людоеды еще там сидят, которые в бегах товарища съели...

Извозчик начал сдавать. А Лебедев добавил ему страху:

– В ту тюрьму полагается дать некоторое количество простых бедолаг с небольшими сроками. Ну, как у тебя будет – восемь лет.

Ремешок всхлипнул и сжал зубы.

– ...Обслуга. Парашу вынести, дров наколоть. Звери, которые по тридцать человек зарезали, они ведь сами за собой парашу выносить не станут. Тебе поручат. А еще у них там наклоности сам понимаешь какие. Женщин нет. Ну и... Кто с малым сроком придет, вот как ты, у них там вместо баб.

– Ваше высокоблагородие!

– Молчать!!! – рявкнул Лыков. – Молчать и слушать! Твой номер последний. Или сделаешь, как мы скажем, или мы тебе жизнь сломаем. Понял? От нас зависит, где тебе каторгу отбывать и с кем. Можно двадцать лет получить и выйти через шесть на поселение, а через десять уехать домой. По амнистиям, если начальство будет довольным. А можно за полгода издохнуть, и все по закону. Оттуда не докричишься. Мертвый остров. Я знаю, что говорю: был там начальником округа. Отправили туда на полгода за то, что такого, как ты, в окошко выкинул.

– Итак, – веско, с ледяной интонацией подхватил Лебедев. – Жизнь каторжника зависит от того, что ему укажут в статейном списке. Пишет судья, но под нашу диктовку. Нарисует там, что особо беспокойный и не подлежит исправлению, и очутишься в Дуйской тюрьме. Оттуда живыми не

выходят.

Опытный преступник, тем более обратник^[20], рассмеялся бы сыщикам в лицо. Но Ремешок принял все за чистую монету. Он упал на колени и закричал:

– Ваши высокоблагородия! Не губите! Что я должен сделать, чтобы вину свою искупить? И за шишку, и за все-все.

– Расскажи, где нам найти Андосова, – будничным тоном приказал начальник сыскной полиции.

Пашка побелел:

– Нет... Нет, только не про это. Спросите про другое. Данила Лукич меня казнит!

– Смотря как сделать, – подсел сбоку Лыков.

– А как можно? – шепотом спросил бандит.

– По-умному, как же еще. Ты получишь за налет год тюрьмы...

– Ух ты, год всего?

– Говорю: все в наших руках. Скажем, что никого ты кистенем не бил, а только попуститель.

– И так можно? – не поверил Ремешок.

– Можно, – отрезал коллежский советник. – Но не за спасибо.

– Понятно...

– Не до конца, видать. Слушай в оба уха, твоя судьба на кону.

– Я всей душой, ваше высокоблагородие! Молодой еще, неохота на Сахалине помирать.

– Будешь умным – не помрешь, – Лебедев фамильярно ткнул парня кулаком в бок. – Только делай, как мы скажем, и останешься в прибыли. А на каторгу пусть дураки идут. Значит, так. Сдашь нам Томского, а мы к нему подведем Ваню Лощенова. Ваня будто бы его и опознает, а ты в стороне.

Налетчик Лощенов был недруг удачливого грабителя караванов. Андосов отобрал у маза все грачевские трактиры, заставив хозяев иметь дело с ним. Раньше этот промысел держал Ваня, поставляя в Грачевку «чай с рогожских плантаций», фальсификат, который фабриковали в Рогожской слободе. Дешевый настоящий продукт от Томского вытеснил подделку и оставил налетчика без дохода. Лощенов поклялся отомстить.

– А точно не обманете, ваше высокоблагородие? – усомнился извозчик. – Вдруг Данила Лукич смекнет?

– Смекнет – зарежет. А ты мне живой нужен, – возразил Лебедев.

– Пошто?

– А сам не понял? Будешь мне рассказывать по секрету, что у вас

делается.

– У кого у нас?

– В извозопромышленном заведении Лапина. Кого возите из блатных, что народ поговаривает. Когда и где грант готовится.

– Э-э...

– А я тебе за это деньги стану платить. Или лучше на Сахалин, в Дуйскую тюрьму?

Пашка вздохнул:

– Ох, пропала моя голова...

– Я знаю людей, пожилых и солидных, которые так много лет поступают. И в ус не дуют. Кто с полицией дружит, дольше живет. Ну, говори, где нам Томского искать?

– Завтра в полночь он явится в трактир «Волна», – сказал Ремешок.

– Который на Угольной площади? – уточнил Василий Иванович.

– Он.

Лебедев пояснил питерцу:

– Знатный притон.

Повернулся к только что завербованному осведому:

– Продолжай, Павел. Что там у атамана за дела?

– Будет белужий камень торговать.

– Белужий камень? – удивились сыщики. – Зачем он ему?

– Данила Лукич верит в его лечебную силу.

– А кто продает?

– Барыга приезжий. С куриное яйцо камень! Вот Томский и соблазнился. Он мне сказал: давно-де такой ищу, наконец отыскался. За ценой не постою!

Белужьим камнем называли продукт болезни осетровых рыб, состоявший из известковых отложений. Такие камни изредка находили в почках белуг. В народе их считали амулетами, предохраняющими от сглаза и хворей. Цена одного камня могла достигать до нескольких сотен рублей.

– Вот и хорошо, – хлопнул извозчика по плечу Лыков. – Ты с нами по-честному, и мы с тобой по-честному. Вот, смотри. Видишь протокол? Тут сказано, что ты участвовал в вооруженном нападении и ударил полицейского чиновника – меня то есть – кистенем по голове.

– Ваше...

– Гляди, рву у тебя на глазах.

Коллежский советник демонстративно порвал бумагу и выбросил в корзину.

– Считай, что каторги на тебе уже нет. Понял?

– Ага. Вот ведь какие хорошие сыщики бывают, а про вас столько дурного рассказывают...

– Тюрьмы не избежать – это тебе за мою шишку, понял?

– Так точно. Ну, тюрьма, значит, тюрьма.

– И там есть возможность денег подзаработать. Господин Лебедев тебя научит. Выйдешь на свободу через год и при капиталах, поступишь обратно в извозчики. А потом и свое заведение откроешь. Полиция поможет тебе патент получить.

– Чудеса вы какие рассказываете, – растрогался Ремешок.

– Вот еще что скажи, Павел, – Алексей Николаевич говорил теперь совсем доверительно, как со своим. – Ты возле Андосова не видел одного студента? Он кашляет, харкает кровью.

– Анархист который? – как о чем-то само собой разумеющемся спросил извозчик.

– Да. Яков Грилюк его кличут.

– Видал. Он у Данилы Лукича две тыщи занял.

– Зачем? На анархию?

– Ага. Пулемет купить.

– Пулемет? – ахнули сыщики. – Тот, что из Таврического полка украли?

– Какой же еще? Не каждый день такие штуки воруют.

– Но зачем Грилюку пулемет? – спросил коллежский советник у коллежского асессора. Но тот лишь пожал плечами: черт поймет этих анархистов. Новость была неприятная – у злодеев в руках оказалось опасное оружие. Впрочем, теперь полиции известно, где его искать...

– По какому адресу живет анархист? – спросил Лыков.

– Не знаю, – открестился Пашка. – Я его всего два раза возил, вместе с атаманом.

– Куда?

– В Ходынский лагерь, к Малой Всехсвятской роще, где стрелковый вал.

– Что за новость? Для чего они туда ездили?

– Анархист учился там из пулемета стрелять. Сам фельдфебель обучал!

Василий Иванович схватился за голову:

– Бог ты мой, это же позор! Там стрельбище Екатеринославского полка. Лучший полк во всем корпусе, и вот до чего докатился...

В Москве не было войск гвардии, зато стоял отборный гренадерский корпус. Лейб-гренадерский Екатеринославский Императора Александра

Третьего полк был настолько хорош, что ничем гвардии не уступал. Лучшие фамилии направляли туда своих сыновей. Два батальона екатеринославцев даже квартировали в Кремле, и лишь третий – в казармах на Тверском бульваре. Летом дивизия уходила в лагерь, на бескрайнее Ходынское поле.

– Великий князь мне голову оторвет, когда узнает, – пробормотал коллежский ассессор.

– Ты-то тут при чем? – удивился Лыков. – Пусть полковому командиру отрывает.

– А достанется мне – за то, что сообщил дурную весть.

Алексей Николаевич осерчал. Ведь не просто так на полковом стрельбище учили постороннего армии человека. И чему учили! Пока владеть новым многозарядным оружием умели немногие. Это избранные унтер-офицеры образцовых полков, а также пулеметные команды частей, что стояли на западной границе. Но в лучшем из московских полков решили заработать на стороне. Надо срочно известить об этом обер-полицмейстера.

Извозчика посадили покамест во Втором участке Тверской части. Сыщики подредактируют его показания, и парня переведут в Бутырку. Выйдет он оттуда через год законченным агентом внутреннего осведомления. Поступит обратно в извозопромышленное заведение Лапина как заслуженный человек, который отбыл срок, но никого не выдал... А Лыков с Лебедевым отправились к генерал-майору Трепову.

Узнав, что анархист завладел пулеметом и даже обучился стрелять из него, тот впал в ярость. Покрылся красными пятнами, топал ногами, но кое-как отошел. По счастью, генерал-губернатор Москвы великий князь Сергей Александрович уехал в Петербург. Ожидался он через неделю. Время ликвидировать опасность у полиции было.

– Что намерены делать? – спросил генерал у начальника сыскной.

– Взять Андосова и через него выйти на Грилюка, – ответил тот.

– Привлеките сил, сколько потребуется. Хоть весь гарнизон!

– Не надо, мы с Алексеем Николаевичем обойдемся без лишнего шума. Завтра в полночь атаман явится в известный нам трактир. Повяжем его чисто.

– Выполняйте!

Началась подготовка к аресту опасного бандита. Подручные «ивана» славились своей свирепостью. В Сибири они перебили немало людей. Обычно шайка человек в двадцать пряталась вдоль лесной дороги. Когда чайный караван равнялся с засадой, бандиты открывали огонь из винтовок.

Били по охране и по тем возницам, у кого за спиной висело ружье. Безоружных могли и пощадить – по настроению. Однажды мужики огрызнулись. Четыре десятка обозных договорились и спрятали винтовки под цибуками. И когда на них напали, ответили свинцом. Завязался настоящий бой, в котором люди Томского почти все были перебиты. Их разогнали по тайге и преследовали несколько дней, настигали и убивали без пощады... Спасся лишь один и рассказал потом атаману, как все было.

Андосов разозлился и отомстил. Через подкупленную полицию он вычислил поименно всех отважных мужиков. Два года их резали поодиночке, только самым везучим удалось сбежать в Якутию и там отсидеться. А охрана чайных караванов после этого выросла втрое, что, кстати, привело к сильному вздорожанию товара. Крупные чаоторговцы завалили власть жалобами. Данька Томский зарвался и стал мешать слишком многим. Пора было его раскассировать.

Стык Садовой и Малой Дмитровки образовал крохотную площадь, прозванную из-за своей формы Угольной. На ней примостился трактир «Волна». Это был притон для воров и налетчиков, куда полиция без нужды не заглядывала. Теперь сыщикам предстояло пробраться туда скрытно и не спугнуть «ивана». Сколько человек будут его охранять? Есть ли у них револьверы? Ничего этого сыщики не знали. Но в обычае русских уголовников не сопротивляться при аресте, в отличие от поляков или кавказцев. И Лыков с Лебедевым решили рискнуть.

Переодетые агенты расселись в близлежащих заведениях, но в самую «Волну» никто не совался. Ее поручили всего двоим полицейским. Один был Лыков, а второй – поручик Белоконь. Он сразу заявил:

– Господин коллежский советник, оставьте мне на этот раз хоть что-нибудь!

– Будет вам десерт, – обещал тот.

Так и получилось. Первым в заведение вошел налетчик Лощенов. Покрутил головой и тихо сел у окна. При этом зло щурился на Томского... Через минуту с шумом ввалился коллежский советник. Он сразу увидел атамана. Тот мало изменился с момента первого ареста, и фотографическая карточка выдавала его. Данила Лукич пил водку с каким-то стариком, рядом сидели трое. Перехватив профессиональный взгляд сыщика, «иван» мгновенно все понял. Не теряя ни секунды, он бросился к черному ходу. А там уже стоял Белоконь... Рослый малый подлетел чуть не к потолку и впечатался в пол.

Охрана растерялась. Двое прыгнули в окна, третий сдуру полез под стол. Через минуту набежавшие агенты повязали всех, включая торговца амулетами. Сам белужий камень сыщики сначала приобщили к делу, но потом вернули Андосову.

Как водится, допрос атамана провели по горячим следам. Материала на него было столько, что хватило бы на троих. Тот и не запирался: какой смысл? Проще отбыть суд, поехать на каторгу и оттуда снова сбежать. Наверняка у него где-то припрятан мешок денег. Поэтому Андосов легко

назвал главных скупщиков краденого чая в Москве и губернии. А про банду и ее отделения в Сибири говорил неохотно. Все это сильно интересовало МСП, но мало – Лыкова. Свои вопросы он задал лишь ночью, когда все – и сыщики, и бандит – уже устали.

Ответы атамана разочаровали питерца. Тот подтвердил, что дал заем Яше Бешеному. Две тысячи рублей на три месяца под десять процентов. Зачем? На покупку пулемета. Для чего анархисту пулемет? Для экспроприации, для чего же еще. Детали экса? Они бандита не интересовали. Где прячется его должник? А черт его знает. Жил одно время у Носовича, потом в номерах Артамонова в Проточном переулке. Снимал комнату в Грузинах, но почему-то переехал на постоянный двор в Нижних Котлах. Видать, заметал следы. Когда должна состояться их следующая встреча? А через три месяца, когда Яшка принесет соргу^[21] долг отдать.

Поиски Грилюка зашли в тупик. Он при деньгах и при оружии. Готовит какой-то экс. Неизвестно даже, где – в Москве или Петербурге. Может, вообще в третьем месте. Неясен и характер готовящегося преступления. Известно лишь, что вместе с оружием анархист купил коробку с огнеприпасами, так называемую цинку. В ленте двести пятьдесят патронов, в цинке десять лент. Две с половиной тысячи зарядов. Зачем Яшке так много?

Более всего Алексея Николаевича смущало, что Грилюк – безмотивник. Такие анархисты – настоящие звери. Безмотивники считают всех людей нерабочих профессий паразитами, достойными смерти. В Париже они бросали бомбы в уличные кафе, ведь там же не бывают пролетарии. Их русские последователи декларировали еще проще: любого, кто прилично одет, можно казнить как эксплуататора. С такими идеями да при пулемете Яша Бешеный мог наделать много бед. Если он действительно болен чахоткой в последней стадии, то терять анархисту нечего. Умиравший часто озлоблен на весь белый свет, ему никого не жалко. Требовалось срочно его найти.

Лыков запросил из Петербургского охранного отделения фотокарточку Грилюка. Ее прислали курьерским поездом: до столицы тоже дошло ощущение опасности. С карточки смотрел парень в студенческой тужурке, с ясным взглядом... И это грозный террорист? Что случилось с человеком, если он перестал так глядеть на мир? Но думать об этом было некогда.

Еще коллежский советник потребовал взять под наблюдение подругу анархиста Агриппину Сотникову. Но этого сделать не удалось. Женщина исчезла: выписалась из квартиры и нигде не прописалась. Приметы ее были самыми общими и мало помогали сыщикам. Баба как баба. Не исключено,

что она приехала в Москву к любовнику. И они вместе готовятся громко хлопнуть дверь.

Пулемет, пулемет... Какой экс можно организовать с его помощью? Да никакой, понял Лыков. А вот массовую бойню – запросто. Надо лишь занять огневую позицию где-нибудь наверху, в окне дома на людной улице. А еще лучше, если директриса стрельбы выходит на людную площадь. Эта догадка стала отправной точкой в поисках преступника. Она и привела в конце концов к успеху.

Лыков с Лебедевым составили список всех оживленных мест Москвы. Их оказалось несколько десятков. Начали они с главных площадей – Красной и Васильевской. Далее шли Театральная, соседняя с ней Воскресенская, Новая, Старая, Варварская площади и гульбище вокруг храма Христа Спасителя. В список занесли все рынки – там тоже многолюдно. Вычеркнули только Хитровский: вряд ли акт будет направлен против тамошних босяков. Добавили присутственные места, Тверскую и бульвары. Агенты сыскной полиции обошли опасные точки и искали самые удобные углы обстрела. В этом им помогали военные. В огромном городе незаметно шла полным ходом трудоемкая секретная операция. На окраинах проводили ночные облавы, постоянные дворы с дурной славой замучили проверками. Все гостиницы и доходные дома, стоявшие на опасных точках, были под особым надзором. Списки их обитателей изучали в охранном отделении. При этом, кстати, выявили двух опасных эсдеков, скрывавшихся под чужими именами. И наконец отыскали Якова Грилюка.

Выяснилось, что он со своей подругой снял номер в «Метрополе». Причем угловой на верхнем этаже, так что большое тройное окно выходило на Театральную площадь, а два узких – на Воскресенскую. Идеальное место для внезапного огневого нападения. На прицеле окажутся сотни, если не тысячи ни в чем не повинных людей. Когда Алексей Николаевич узнал, где поселился Яшка Бешеный, его передернуло.

Яшку опознали по карточке. Он жил в шикарном номере – видать, решил перед смертью побаловать себя. Сам никуда не выходил. Подруга сновала по городу, но всегда в первой половине дня. Еду им носили в номер. И часто заглядывал некий Ильин. Он проходил по картотеке охраны как бывший эсер, а теперь анархист. Выяснилась страшная подробность. Ильин недавно отслужил срочную службу, и где? В пулеметной команде в Ковно. Стало понятно, что у анархистов есть два человека, умеющих обращаться со смертоносным оружием. Первый и второй номера. А в углу комнаты, по словам официанта, приносящего еду,

стоит большой сундук. В нем, скорее всего, и спрятан «максим».

Трепов вызвал на совещание инструктора гренадерского корпуса по пулеметной стрельбе. Явился чернявый капитан. Обер-полицмейстер спросил его:

– Насколько опасным может быть пулемет Максима? Какая у него скорострельность?

– Теоретическая – шестьсот выстрелов в минуту, ваше превосходительство.

У генерала вытянулось лицо:

– Сколько-сколько? Это же как пехотная рота!

– Точно так. Рота, если будет стрелять пачками, даст ненамного больше. Но это в теории, а реальный темп стрельбы – двести, может, двести пятьдесят выстрелов в минуту.

– Хватит, чтобы перебить кучу людей. А меткость?

– И меткость, и кучность за счет станка очень высокие.

Трепов заглянул в лежавшую перед ним бумажку:

– Скажите, капитан, а как два террориста смогут управиться с пулеметом? В справке указано, что он весит пятнадцать пудов!^[22]

Лебедев иронично хмыкнул:

– Всего-то? Алексей Николаевич взвалит на плечо и один утащит.

Все покосились на Лыкова: шутка или нет? Гренадер пояснил:

– Это если на тяжелом колесном лафете и с большим бронецитом. Собственно тело пулемета весит всего один пуд двадцать девять фунтов^[23]. А тот, что украли из Таврического полка, был установлен на треногу выючного типа. Двое мужчин вполне с ним управятся.

– Вы хотите сказать, что они сумеют установить его на подоконник, – уточнил Лыков. – А стрелять? Хватит ли двоих? Ведь полный расчет «максима» – четыре человека.

– Могут возникнуть трудности, – согласился капитан. – Особенно если люди неопытные. Самое уязвимое место – лента. Она сделана из бумажной ткани, потому ее часто перекашивает.

– На это надеяться не будем, – отрезал генерал-майор. – Готовьте захват. Брать стрелков надо по одному.

Совещание состоялось в пятницу. Через день воскресенье, народ выйдет гулять. Самое удобное время злодеям хлопнуть дверью. Тянуть действительно было нельзя, требовалось срочно арестовать подозреваемых.

Лыков убедился в скором теракте, когда узнал новость: Грилюк заказал в модном магазине фрак, белый галстук и для чего-то замшевые митени^[24].

Все это ему доставили в номер. Сыщики выяснили подробности, перехватив на выходе курьера. В кабинете начальника МСП собрались лица, ответственные за порядок в городе.

– Зачем Яшке фрак? – недоуменно спросил Лебедев.

– В театр собрался, – предположил Ратко.

– Там его и возьмем! – обрадовался поручик Белоконь.

Но коллежский советник возразил:

– Для театра Грилюку понадобится бы и цилиндр. А его нет в заказе. Значит, что?

– Что? – не поняли москвичи.

– Значит, из номера он выходить не будет. И вообще, черт с ним, с фраком. Меня больше занимают митени.

– Я в таких на охоту хожу, – сообщил чемпион по джиу-джицу. – Удобно: руки не мерзнут. Но сейчас лето...

– Вот скотина! – выругался Алексей Николаевич. – Он собирается умереть красиво.

– Поясните, – потребовал Ратко. – Я не понимаю, при чем тут фрак, митени, белый галстук?

– Яшка Бешеный, видимо, и впрямь не в своем уме, – начал излагать свои соображения питерец. – Он хочет расстреливать людей, одетый как на бал. Книжек, что ли, начитался? Есть такие, кто вырос в бедности, в простой среде. И завидует богатым: их изящной обстановке, одежде, дорогим сигарам... Грилюк надеется, что его застрелят. Анархист перебьет кучу народа, потом власть подтянет силы, и его прикончат. Он будет лежать во фраке и замшевых митенях – красиво, в его плебейском понимании. И про это напишут в газетах.

Все ошалели: неужели такие люди бывают? Но вдруг? Поручик Белоконь вскочил, злой и взъерошенный:

– Надо прямо сейчас пойти и сцапать негодяя!

– Да, – согласились остальные, – дальше тянуть опасно.

– Чур десерт мой! Господа, отдайте его мне!

Лыков подумал-подумал и кивнул:

– Хорошо, поручик, он ваш.

Олтаржевский попросился в пару к чемпиону, но Алексей Николаевич отказал. Мотивировал тем, что риск большой, а ученая голова – это редкость и надо ее беречь.

В воскресенье операция по захвату анархистов перешла в заключительную фазу. Первой на выходе из «Метрополя» арестовали Сотникову. И нашли в ее сумочке бомбу! С большими предосторожностями

снаряд разрядили, а саму анархистку вывели через черный выход.

Вторым попался Ильин. Всякий раз, приходя к Грилюку, он махал ему с площади рукой. Помахал и в этот раз – но на входе был мгновенно обезврежен. В карманах бывшего пулеметчика нашли два револьвера. Ильина усадили на пол и пошли брать самого опасного человека в группе. Хорошо, что второй номер уже схвачен; авось Яшка не управится с пулеметом в одиночку. Однако тянуть нельзя: он видел приятеля в окно, ждет его и откроет дверь сам.

И все же сыскные прокололись. То ли слишком долго возились с Ильиным, то ли у Грилюка оказался звериный нюх. Но, когда Белоконь с Рукосуевым подошли к двери его номера, оттуда раздались выстрелы. Анархист стрелял на звук, прямо сквозь полотно, и удивительно метко. Рукосуев пошатнулся и, опираясь рукой о стену, медленно побрел обратно. А Белоконь упал как подкошенный.

Лыков стоял в конце коридора и наблюдал. Как только он сообразил, что произошло, сразу кинулся вперед и вывел старшего филера из-под огня. Пуля угодила тому в голову по касательной. Рукосуев получил контузию и на первый взгляд отделался легко. Поручику было много хуже. Он лежал у порога и не шевелился; пол под ним быстро заливала темная кровь. Как быть? Белоконь умирал, а террорист из-за двери держал его под прицелом.

Пригнувшись, коллежский советник подбежал к номеру. Оттуда снова бабахнуло, и пуля чиркнула сыщика по рукаву.

– Не стреляй, здесь раненый! – крикнул Лыков. К его удивлению, Яшка Бешеный ответил изнутри:

– Вижу. Бери на плечо и уматывай.

Ватными руками Алексей Николаевич поднял офицера. Сумасшедший террорист наблюдал за этим в дыру, до него было всего три шага... Неужели отпустит? Бегом, с раненым на плече, сыщик добрался до укрытия. Там бережно снял обмякшее тело, посадил, прислонив к стене. Белоконь смотрел на него испуганными детскими глазами. Так глядит ребенок, когда нашалил и боится, что мама узнает...

– Вот тебе и десерт... – прохрипел он. И умер.

Полицейские и жандармы в растерянности столпились за поворотом коридора. Что делать? У злодея под рукой пулемет, сдаваться он не собирается. Дорожка к нему – целых шесть шагов, и она простреливается. Вызывать солдат и стрелять наугад сквозь дверь, пока случайно не попадут? Сыщики предложили переговоры, а охранники – штурм. При этом все косились на командированного из столицы – что скажет он?

Лыков сбегал на улицу и посмотрел на окна номера. С крыши не

спуститься. Из соседнего номера не подлезть, мешают декоративные вазоны. Ниже этажом длинный балкон, но с него тоже не заберешься – высоко. Может, приставить лестницу? Вдруг он увидел, что анархист открывает окно, которое выходит на Воскресенскую площадь. Ой как плохо! Видимо, безумец решил стрелять. Значит, у полиции есть всего несколько минут, чтобы помешать ему. Когда Грилюк закрепит оружие на подоконнике и вставит ленту в приемник, будет уже поздно.

Лыков устремился по лестнице на верхний этаж. Не говоря ни слова столпившимся там полицейским, он схватил стоявший у лестницы стол. Хороший такой, с дубовой столешницей толщиной с вершок – за ним обычно сидел коридорный. Прикрывшись столом, как щитом, коллежский советник помчался прямо на издырявленную дверь. Стараясь не думать про шесть шагов... Ему повезло: Грилюк отвлекся на пулемет и не успел среагировать. Удар ногой – и дверное полотно влетело внутрь. Бег со столом-щитом продолжился. Когда сыщик оказался возле окна, анархист наконец выстрелил. Пуля впилась в дуб и застряла в нем. Больше ничего Яшка сделать не успел...

Через полчаса Грилюк сидел в кабинете начальника МСП. Он сплевывал кровь из разбитой губы вперемешку с мокротой из больных легких. Белый галстук уехал на спину, фрак разорван на спине – вид у страшного террориста был побитый. Но не жалкий. Он смотрел на полицейских с чувством превосходства.

– Повезло вам, сатрапы.

– Что, не вышло людей казнить, сволота? – крикнул Лебедев. – Сам теперь на эшафот пойдешь!

– А он не доживет до эшафота, – подал реплику подполковник Ратко. – Поэтому и не боится ни черта.

– У! – Ротмистр Ионов подскочил к арестованному и занес кулак. Лыков в последний момент успел перехватить его руку:

– Не надо.

– Это почему?! – Жандарм был почти в истерике. – Еще как надо! Он же все продумал. Сначала бомбу на площади взорвать. Сотникова, тварь, кинула бы ее в толпу. Набежали бы любопытные со всей Москвы. А он... Он дал бы всем собраться, и сверху их, из пулемета! Двести пятьдесят патронов в ленте. Гадина, палач! Тебе жить нельзя, я тебя сам сейчас задушу!

– Он позволил нам вынести раненого, – сказал сыщик, удерживая руку офицера.

– Да? – закричал тот уже на Лыкова. – Раненый ваш умер через

минуту!

– Поручик Белоконь умер, случилось большое несчастье. Но анархист тогда не мог этого знать и все равно дал вынести.

Ротмистр сгорбился, обмяк, как прохудившийся воздушный шарик, и быстро вышел из комнаты.

– Нашли палача, – усмехнулся Грилюк. – Это я-то? Да на себя поглядите. Сколько людей вы казнили в Златоусте? Семьдесят! А на Обуховском заводе? А в Кишиневе при еврейском погроме? Сколько моих товарищей гниет по казематам?

Допрос анархиста шел туго. Он признал свою личность, но обо всем остальном говорить отказался. Улик полиции хватало, можно было передавать дело следователю. Пусть тот бьется с умирающим, которому нечего терять. Но Лыкова интересовали подробности дела Филиппова. Поэтому он, пользуясь своей властью, отослал всех из кабинета и велел принести чаю.

Отхлебнув из стакана, Яшка Бешеный ухмыльнулся:

– Слыхали мы про вашу уловку. Добрый сатрап сменяет злого, и арестованный ему все выкладывает. Угадал? Не выйдет, не на того напали.

– Зачем вам понадобились митени? – спросил сыщик.

Анархист насторожился:

– Вам что за дело?

– Хочу понять.

– Да где уж вам!

– Согласен, – кивнул коллежский советник. – Я действительно никогда не смогу понять, что за радость расстрелять невинных людей из пулемета.

– Невинных не бывает, каждый в чем-то виновен, – угрюмо парировал Грилюк.

– Ну так и вы не судья.

– Хорошо, попробую пояснить, – спокойно ответил анархист. Лыков про себя отметил, что у них вместо игры в молчанку намечается разговор. – Да, я хотел устроить на Воскресенской площади бойню. Чем больше убил бы, тем лучше.

– Лучше для кого?

– Для нашего дела. Вы держите народ в приниженном состоянии, обираете и мучаете его. Часто и убиваете! Как в том же Златоусте... Надо всколыхнуть массы, поднять их из грязи, вывести из состояния покорности. Для этого требуются сильные средства. Понятно?

– Но ведь убийство десятков случайных прохожих не даст вашей партии ничего, кроме ненависти общества! – воскликнул Алексей

Николаевич.

– Мы, террористы, – детонатор. Взрыватель. Люди боятся выступить, сделать первый шаг. Его делаем мы, которые выдавили из себя страх. За нами последуют другие, не сразу, постепенно. Нужно время, и нужны герои. Такие, как я.

– Все равны бобры, один я соболёк? По-моему, вы никакой не герой, а убийца.

Грилюк кивнул:

– Разумеется. Как и все герои. Македонский или Наполеон разве не пролили моря крови?

– Ну хорошо, таковы ваши убеждения. Душа моя их, конечно, не принимает, и разум тоже...

– Это оттого, что вы обычный человек, – засмеялся арестант. – Такой, как все: правильный, скучный. Человек толпы.

– И все же зачем вам понадобились митени? – спросил сыщик.

Грилюк впервые смутился:

– Ну, в детстве, когда отца еще не выгнали со службы, к нам приезжали офицеры на охоту. И был среди них один. Перевелся из гвардии, такой, знаете? Все у него было не как у других. Изящное, дорогое.

– И замшевые перчатки?

– Да. Я был мальчишка, подражал ему, хотел походить. Завидовал его особости. Вот...

– Понятно. Но почему вы анархист, а не социалист-революционер, например?

Яшка Бешеный скривился:

– Эсеры за индивидуальный террор. Но пока еще он раскачает трудящиеся массы! Надо действовать жестоко и масштабно. Чем больше крови, тем лучше. Тем раньше произойдет падение вашего строя.

– А что придет ему на смену? – полюбопытствовал сыщик.

– Почитайте Кропоткина и узнаете.

– Объясните мне вы. Я хочу понять идею.

– Идею анархии? Где вам, человеку толпы! А вот народ, необразованный темный народ нас понимает. Потому что идея житья без власти – самая что ни на есть народная идея. Крестьяне ненавидят любую власть. Россия лучше других стран приспособлена для внедрения анархизма. Он живет в сознании каждого простого русского человека еще со времен Разина и Пугачева.

– Да, мы, русские, стоим особняком, – согласился коллежский советник. – Не знаю только, гордиться этим или стыдиться. На острове

Цейлон есть огромный ботанический сад, самый большой в мире, кажется. В нем ежедневно бывают тысячи туристов. Пассажиры всех пароходов, делающих стоянку на острове, идут туда. Немцы, американцы, итальянцы, японцы – все. А надпись, что нельзя рвать цветы и ходить по траве, только одна. И она на русском языке.

В лице анархиста что-то дрогнуло:

– Вы были на Цейлоне?

– Да, наш пароход заходил туда по пути на Сахалин.

– У нас висела на стене картинка. В детстве, когда я был ребенок. А... как там? Это правда, что с моря видно пик Адама и он очень красивый?

– Правда, – ответил обескураженный сыщик. – Не всегда, лишь в хорошую погоду, но вид и в самом деле удивительный. И вообще остров как сказка. Зелень необычная, тропическая, яркая. Красные дорожки в джунглях...

– Красные? – удивился арестант. – Почему красные?

– Там такая почва.

– Там красная почва...

На тощем, помятом лице Грилюка проступила детская улыбка.

– Вы мечтали там побывать? – догадался коллежский советник.

– Ага. Теперь уж все...

Собеседники помолчали. Потом бывший студент попросил:

– Расскажите еще про Цейлон. Правда ли, что драгоценные камни, рубины с изумрудами, валяются там прямо под ногами?

– Ну что вы. Камней действительно много, по чистоте лучших в мире. Но они добываются высоко в горах, куда посторонним ходу нет.

– А что там за люди? Говорят, англичане их сильно угнетают?

– Не заметил. Британцев и правда большой гарнизон. Идешь по дорожке, вдруг часовой с ружьем: значит, рядом их батарея. Но аборигены вполне процветают. На тех же камушках, и вообще туристы с голоду помереть не дают. Коломбо белый и относительно чистый. Дома богачей очень необычной архитектуры. Жители Цейлона, сингалезцы, исповедуют буддизм, а тот запрещает убивать все живое. И когда из моря возвращаются рыбаки с уловом, особый священник прощает им грех убийства рыбы. Климат мягкий, влажный, темнеет быстро, и ночь такая, что хоть глаз выколи...

За этим разговором отношения двух мужчин незаметно наладились. И, улучив момент, Лыков задал свой вопрос:

– Скажите, не вы убили Филиппова? После всего, что случилось, в этом вам уже не страшно будет сознаться.

Грилюк удивился:

– Его разве убили? С чего вы взяли?

– То есть о его смерти вы знаете?

– Читал в газетах, – ответил анархист. – И не очень-то горевал! Одно время я действительно собирался его убить. Но раздумал.

– Чем вам не угодил ученый? – спросил Алексей Николаевич.

Собеседник фыркнул:

– Он не ученый, а такой же потенциальный убийца, что и я. Слышали, что изобретал Михаил Михайлович?

– Какое-то новое оружие огромной разрушительной силы. Но это, кажется, его заблуждение; ничего он не изобрел. Или вы думаете иначе?

Яша Бешеный пожал хилыми плечами:

– Не берусь оценивать, не моя область. Бомба не бомба, но сам доктор был убежден, что она работает.

– И за что же вы его чуть не приговорили?

– За то, что нес трудовому люду очередные разрушения. Видите ли, я по убеждениям анархист-пацифист. А Филиппов конструировал оружие, которое наивно предполагал оставить за царским правительством. Оно-де напугает враждебных соседей, и войны прекратятся. Вот болван!

– Погодите, – прервал Грилюка сыщик. – Вам, значит, можно убивать случайных людей, а ему нельзя? Чем же он хуже вас?

– У Филиппова идея была построена на неверном основании. Пусть он изобрел оружие, пусть. Но зачем же отдавать его царю?

– Разве Михаил Михайлович собирался действовать столь упрощенно? – возразил Лыков. – Вы читали его письмо в газету?

– Читал. И говорю со знанием дела. Кроме того, я сам с ним несколько раз об этом спорил. Куда, мол, вы денете свой аппарат? Он так и сказал: обменяю на мир во всем мире. А как? Через посредство государства, как же иначе, ответил доктор. То есть открыть свое изобретение и сдерживать им войны при помощи все того же репрессивного государственного строя. Который мы, анархисты, хотим разрушить.

– И что? – не понял сыщик.

– Ну как же! Вооруженная аппаратом Филиппова, тирания усилится. Будет сложнее ее победить. Вот я и хотел, не дожидаясь совершения сделки между ними, прикончить горе-изобретателя.

– А почему передумали?

– Питерская охранка спугнула. Начали меня водить, да так настойчиво. И тут пришла в голову мысль насчет пулемета. Вот, думаю, достойная цель, за это и жизнь отдать не жалко. Тем более что жизни этой почти уж не

осталось...

– И перебрались в Москву?

– Как видите.

– Кто же тогда, по-вашему, убил Филиппова? – проявил настойчивость Алексей Николаевич. – Вы были вхожи в дом, знали все окружение. Кому выгодна его смерть?

– В первую очередь вам, – рассмеялся анархист.

– Мне?

– Вам – значит сатрапам. Охранке той же.

– Почему?

– Они боялись, что Филиппов изобретет страшное оружие, передаст эсерам, а те обратят его против государя и сановников. «Взрыв по телеграмме» – удобная штука!

– Откуда такие выводы? – с трудом сделал невинное лицо сыщик.

– Логика. Пока я не повадился ходить на Жуковского, тридцать два, за мной не следили. А зашел раз-другой – и сразу попал под наблюдение. Охранка глаз не сводила с изобретателя, и он об этом хорошо знал.

– Но продолжал свои эксперименты... – проворчал Лыков.

– Ага. Это не могло для него кончиться хорошо ни при каком раскладе. Так что, господин чиновник особых поручений, ваше ведомство у меня первое на подозрении.

– Пусть так. Ну а если это не мы?

– Тогда Большаков.

– Большаков? – удивился питерец. – Этот мальчик, студент-филолог?

– Тот еще мальчик, – сощурился анархист. – Он не просто так шлся к Филиппову, а по заданию партии.

– Какой партии?

– Эсдеков, социал-демократов то бишь, вот какой.

– Яков Самойлович, с чего вы это взяли?

– Видел я раз этого мальчика в компании с самим Красиным.

– Красин? Я уголовный сыщик, мне эта фамилия ни о чем не говорит.

– Красин – серьезный человек, – с уважением пояснил Грилюк. – Они там, эсдеки, делятся на два лагеря. Есть теоретики, которые глядят на просвет статейки бородатого Маркса и пересказывают их своими словами. А есть радикальные эсдеки, мало чем уступающие нам. Красин из последних. Его идея – создать революционную армию. Мы и эсеры формируем боевые группы. А он создаст сразу целые отряды из рабочих, полки и дивизии. Чтобы резали буржуев, когда дело дойдет до крови. Для этого Красину нужны деньги – и оружие. Вот он, видимо, и

заинтересовался изобретением Филиппова. Нельзя ли его обратить против капиталистов?

– А Большаков – его агент?

– Да. Не забывайте, я часто ходил к доктору, изучил и самого изобретателя, и его ближний круг. Ищите след Красина – это главный боевик при их вожде Ленине, начальник военного крыла.

– Но Михаил Михайлович сам был социал-демократ, – возразил Лыков. – Деньги собирал на партийные нужды, статьи печатал. Боролся за умы. Даже, говорят, Льва Толстого пытался обратить в марксизм. Что, свои своих не познаша?

– Филиппов был из тех демократов, которые на словах за революцию. Но революция – это насилие. Нескончаемое насилие одного класса над всеми другими. Если бы Михаил Михайлович дожил до настоящей классовой борьбы, он бы ужаснулся. И переменял веру, как пить дать. Все это понимали, в том числе Большаков. Ну и доложил по команде.

– Убивать-то было зачем? – недоверчиво спросил сыщик.

– По той же причине: чтобы завладеть оружием большой силы. И обратить его на пользу классовой борьбе. Шлепнули, заимствовали идею и сейчас где-нибудь в Женеве собирают аппарат Филиппова.

– Хм. А если все не так? Если эсдеки ни при чем?

– Могут быть и ни при чем, – охотно согласился бывший студент. – Тогда доктора казнил его второй ассистент Разуваев.

– А ему зачем?

– Про Моцарта и Сальери читали? – усмехнулся Грилюк. – Вот и здесь то же. Филиппов почти что гений. А Разуваев ноль без палочки, вечный ассистент. Вот он и... От зависти.

– А если я скажу, что к устранению Филиппова причастна германская разведка? – осторожно произнес сыщик. Но арестованный даже не удивился.

– Запросто. Охотно поверю. Испугались, что против них направлено, вот и прищучили выпускника Гейдельберга. Тогда это точно Разуваев!

– Снова спрошу: почему?

– Он ездил с Михаилом Михайловичем в Ригу. Там его, поганца, и заагентурили. Притом Разуваев жадный, за сто рублей душу продаст, не то что учителя.

На этом допрос можно было заканчивать. Но Лыков еще какое-то время беседовал с арестованным. Для него оставалось непонятным, как человек неглупый и вроде бы незлой столь легко убивает людей.

– Вам не жалко поручика, которого вы сегодня застрелили? – спросил

он.

– Нет, – ответил анархист. – У него своя правда, у меня своя. Я служу счастью трудящегося народа. А он? А вы сами? Ваш режим такой бесчеловечный, что уж лучше молчите насчет жалости.

– Хорошо, пусть так. Но вы дали вынести раненого из-под огня. Я же видел вас сквозь дыры в двери: вы легко могли кончить и меня. Почему не кончили?

– Понравилась ваша храбрость. Вот, думаю, достойный человек, зачем его губить?

– Но в толпе, которую вы хотели расстрелять, тоже могли быть достойные люди.

Грилюк поморщился:

– Черт его знает... Сейчас вот думаю: может, и к лучшему, что не вышло? – И тут же усмехнулся: – А здорово вы меня столешницей приложили!

Глава 6

Новая версия

Лыков с Олтаржевским вернулись в Петербург. Яков Грилюк остался в Бутырке. Его осмотрел тюремный доктор и заключил, что до суда анархист не доживет. Организм продержится еще две-три недели, может, месяц. За кроважанные планы ответят его сообщники Сотникова и Ильин. Дело передали следователю по особо важным делам Московского окружного суда. Трепов послал министру доклад о предупреждении в городе беспрецедентного террористического акта. Отличились МСП и МОО^[25], хорошо бы наградить их руководящий состав. О роли в операции Лыкова обер-полицмейстер не написал ни слова.

В дороге Мариан Ольгердович рассказал о своих изысканиях. Особенно его поразили осколки валуна на берегу Териоки. Большой камень был разбит на мелкие кусочки с острыми краями, словно кто-то поработал молотком и зубилом. Поручик встретился с местным лесником, и тот подтвердил историю Хвольсона. Да, лежал гранит. Тут таких много. Однажды утром лесник пришел, а камня нет. Только груда осколков. При этом все тихо и спокойно, никаких взрывов, землетрясений. Может быть, валун нагрели, а потом резко охладили водой, спросил поручик. Однако егерь возразил, что тогда на камнях остались бы следы копоти. Но их нет, камни чистые – Олтаржевский привез пару образцов. Загадка...

В Риге все оказалось еще более загадочным. Директор завода рассчитался от хозяина и уехал на постоянное жительство в Германию. Это случилось 13 июня, на следующий день после смерти Филиппова. Уволились оба инженера опытного цеха, в котором ученому помогали проводить испытания, и исчезла вся техническая документация. Даже мастера и рабочие, а они тоже были немцы, куда-то пропали. Новый директор отнекивается незнанием. Жандармы пожимают плечами: завод Рутенберга в шпионстве пока замечен не был. Концы в воду...

Грилюк дал две наводки, не очень утруждая себя аргументами. Большаков мог погубить доктора Филиппова. Якобы по заданию социал-демократов. Сомнительно как-то... И Разуваев мог, по той веской причине, по которой Моцарт отравил Сальери. Тоже мало правдоподобно. Но надо с чего-то начинать новую фазу дознания. И Разуваев сгодится.

– Смотрите, Мариан Ольгердович, – начал рассуждать вслух

коллежский советник. – Про зависть ученика к учителю я не верю. Но именно Разуваев ездил с доктором Филипповым в Ригу. Именно он лучше других понимал принцип работы подрывного аппарата. И он мог, хотя охранка это и отрицает, стащить для германцев труды своего шефа. Поэтому сразу по приезде занимаемся им.

Сразу по приезде, однако, не получилось. Лыкова вызвал министр и сказал:

– Я уезжаю на канонизацию Серафима Саровского на две недели. Экстренно можно связаться со мной по телеграфу, но лучше не отвлекать. Там будет не до мелочей...

Плеве умолк, было видно, что он вымотался. Пауза затянулась. Наконец, словно оправдываясь (а это было не в характере Орла), он добавил:

– У меня есть сильный противник, вы знаете. Это Витте. И поездка с царской семьей очень важна. По ее итогам кто-то из нас двоих потеряет пост. Или он, или я.

– Лучше бы он, – пробормотал сыщик.

– Стараюсь, Алексей Николаевич. Видит бог, как я стараюсь освободить русскую государственность от этой подкольной змеи. Это же негодяй в сановном статусе! Он давно состоит на откупе у европейских жидов. Когда займы на биржах размещает. И сам по характеру жид. Всех подкупает, настраивает против меня. Если кто не с ним, тому шиш, а не ассигнования. Даже если деньги есть в бюджете, министр финансов всегда найдет способ отказать. Ну а тем, кто против меня, и рента, и секретные фонды, и все что хочешь. Лишь бы помогли свалить Плеве.

Министр перевел дух и продолжил:

– Государь может поинтересоваться там, в Саровской пустыни, как идет дознание по делу Филиппова. Что мне ему ответить?

Это был удобный момент, чтобы рассказать Плеве о необъяснимом рвении Петербургского охранного отделения. И о том, что жандармы сожгли бумаги и разрушили аппарат ученого с санкции Дурново, в обход министра. Но Лыков промолчал об этом. Вячеслав Константинович уезжает, его не будет полмесяца. Он сейчас накричит, затопает ногами. А Лыкову потом придется с охранниками продолжить дознание. Понятно, что обиженные люди станут саботировать, а это вредно для дела.

Поэтому коллежский советник доложил лишь то, что счел нужным доложить. Военная контрразведка приглядывает за немецкими агентами, но толку пока мало. Наши еще неопытны, а там известные мастера шпионства. Пусть вояки следят, вдруг что да узнают. В Риге немцы все зачистили,

выяснить об испытаниях Филиппова не у кого. Версия, что ученого убил анархист Грилюк, не подтвердилась. На подозрении два других человека, на них коллежский советник и сосредоточит свое внимание. Глядишь, к возвращению министра что-то уже станет понятно.

– Так что сказать государю? – уточнил Вячеслав Константинович.

– Что дознание идет, но нужно время.

– Насчет Грилюка, – спохватился Орел. – Как на самом деле все вышло в Москве? Рапорт Трепова такой, что хоть к Георгию их там всех представляй.

Лыков рассказал.

– Жалко поручика, – вздохнул Плеве.

– У него осталась мать старушка. В вашей власти дать ей пенсию. Если бы не Белоконь, столько народу пострелял бы этот психопат.

– Если бы не Лыков, – возразил министр.

– Ну я-то живой, а молодой человек уже в земле. Пенсию бы, а, ваше высокопревосходительство?

– Об этом в рапорте обер-полицмейстера нет ни слова.

– Там и обо мне нет ни слова, – продолжил настаивать сыщик. – Ладно я, мне ничего не надо, а старушку жалко. Муж умер от ран на турецкой войне, а теперь еще и сына убили в мирное время.

– Пусть Лебедев войдет с ходатайством к Трепову. А тот адресуется ко мне. Намекните, что ходатайство о пенсии матери поручика Белоконя будет принято мною с пониманием. И даже с одобрением.

– Слушаюсь! – повеселел Лыков.

– Что-нибудь еще нужно от меня, пока я здесь?

Коллежский советник встал.

– Ничего, ваше высокопревосходительство. Счастливой поездки!

На другой день Лыков прочитал в Высочайшем приказе по гражданскому ведомству, что коллежский асессор Лебедев награжден Анной второй степени за предотвращение в Москве опасного террористического преступления. Тем же приказом Алексею Николаевичу объявлялась очередная монаршая благодарность.

Итак, Плеве уехал, а сыщик продолжил дознание. Первым делом он навестил тайную службу ротмистра Лаврова. Тот не сообщил ничего нового.

– Фон Люциус по-прежнему пересылает свою корреспонденцию, минуя дипломатическую почту. Подобраться к нему мы так же не можем.

– А морской агент?

– Строчит, как покойный Шеллер-Михайлов^[26]. Вчера перехватили его описание наших новых бронепалубных крейсеров «Изумруд» и «Жемчуг». Где только раздобыл?

– То есть его переписку вы видите? – обрадовался сыщик. – И что? Есть упоминания о деле Филиппова?

– Никаких, – разочаровал его бывший жандарм. – То ли это дело уже закрыто, то ли ему велели помалкивать.

– Что вы имеете в виду?

Лавров поперхнулся, потом долго закуривал. Лыков молча ждал. Наконец ротмистр сказал, стараясь выбирать слова:

– Если слух о смерти Филиппова дошел до государя... И он взял дознание под свой контроль... А при дворе, как известно, много людей с немецкими фамилиями... Ну, вы поняли мою мысль.

Сыщик нахмурился. Мысль начальника Разведочного отделения была для него новой. Формально Лавров прав. Окружение царя кишит

германцами. Министр Двора и уделов барон Фредерикс, гофмаршал Бенкендорф, генерал-адъютант Рихтер, министр иностранных дел Ламздорф, гофмейстер граф Пален, надзиратель великих княжон барон Мейендорф... Список можно продолжать долго, а если идти до конца, то следует включить в него и государыню! Вроде бы так и есть. Но это всё русские немцы, такие же, как Виктор Таубе. Они, их отцы и деды уже столетия служат России. Как можно их подозревать в измене?

– Допускаете утечку информации? – спросил Лыков.

– Чего, простите?

– Это новое словечко, модное. Его запустили дипломаты. По-русски значит сведения.

– А, в этом смысле... Скорее, неосторожную болтовню, – смягчил обвинения ротмистр.

– На чем строите свою догадку?

– Шиммельман ранее неоднократно пользовался для пересылки рапортов дипломатической почтой. К нашему удовольствию. И вдруг почти перестал. С чего бы это? Боюсь, кто-то из окружения Его Величества мелет языком, о чем не следует. А чужие уши слушают.

– Ну, нам с вами, Владимир Николаевич, никто не позволит вести дознание в тех кругах, – осадил ротмистра коллежский советник. – Давайте лучше о том, что в наших силах и нашей власти.

– Давайте. Я собираюсь в ближайшее время подставить своего человека к графу фон Притвицу.

Лыков напряг память:

– Это секретарь германского посольства и тайный помощник Люциуса?

– Да. Вице-резидент, можно так сказать.

– Продолжайте, интересно!

– Притвиц замечен нами в разных темных делах. Именно он встречается с действительным статским советником Есиповым. Я вам говорил о нем, помните? Начальник девятого отделения Главного интендантского управления. Есипов заведует исчислением фуражных рационов. Значит, имеет сведения... или как там? Напомните...

– Информацию, – подсказал сыщик.

– Да, информацию о численности нашей конницы, артиллерии, обозной части во всех подробностях.

– Не пора ли пресечь этот бордель?

– Генерал Таубе считает, что пока преждевременно, – ответил Лавров, и Алексей Николаевич сразу замолчал. Барону Витьке виднее. – Так вот, –

продолжил ротмистр, – днями у Притвица появится новый камердинер. Природный немец! Но это будет мой человек.

– Где же вы такого достали?

– Нашелся по случаю. Зовут Ганс Шютц. Вышел в отставку из лейб-гвардии Московского полка и теперь ищет места. При этом посватался к дочери одного из моих секретных агентов. Ну, вызвал я парня сюда, и мы договорились. Так что, Алексей Николаевич, я жду в скором времени новостей. Сами понимаете: камердинер – это сильно.

– Да, конечно. Он и в карманы к хозяину залезет, и в мусорную корзину, и разговор на немецком подслушает. Молодцом, Владимир Николаевич. Как только что-то появится, не премините известить.

Из службы Лаврова сыщик ушел с пустыми руками. Завербовать камердинера вице-резидента – большой успех. Но пока он там освоится, пока начнет поставлять важные сведения... А улики нужны сейчас. И коллежский советник отправился на Мойку, 12.

Зайдя в кабинет начальника ПОО, он обнаружил, что тот не один. Рядом с Сазоновым сидел Зубатов. Заведывающий Особым отделом Департамента полиции приветливо улыбнулся:

– С наградой вас, Алексей Николаевич! Читали, читали. Большая честь!

– Спасибо, господа.

Сазонов с Зубатовым встали и с чувством пожали коллежскому советнику руку.

– Коньяку по такому случаю? – предложил подполковник.

– Не откажусь, Яков Григорьевич.

Они выпили по рюмке «шустова», и сыщик объявил:

– Грилюк Филиппова не убивал.

На лицах собеседников отразилось недоумение.

– Это точно? – спросил Сазонов.

– Да. Ему жить осталось на две затяжки. Какой смысл врать?

– Тогда кто, Алексей Николаевич?

– Поэтому я и пришел. Давайте думать вместе.

– Вы были вчера у Орла? – осторожно поинтересовался Зубатов.

– Да. С рапортом о ходе дознания.

– Про сами понимаете что говорили?

– Нет, – ответил сыщик. – Пока отложил. Министр едет в длинную командировку, будет при государе. Не стал взваливать на него такие вопросы, как ваше с Яковом Григорьевичем самоуправство. Не до этого ему сейчас.

– Ну и правильно. А с Дурново как?

– Поговорили. Он просил меня подождать до конца августа.

Надворный советник удовлетворенно кивнул:

– Вот и славно.

– Да ничего славного нет, Сергей Васильевич. Пятого августа Плеве возвратится. Как отдохнет немного, так я ему и доложу. Никакого конца ждать не буду.

– Зря! – воскликнул Зубатов. – Вам одному решать, конечно. Но зачем сталкивать лбами двух одинаково достойных слуг престола? Дурново и Плеве – истинные монархисты. А после ваших, извините, открытий они станут врагами. Кому от этого сделается лучше? Только революционерам!

Сазонов молчал, лишь с осуждением покачал головой.

Сыщик прекратил спор:

– Поговорим о деле, что поручил мне Вячеслав Константинович. Грилюк не убивал, значит, это кто-то другой. По мне, или Большаков, или Разуваев. Что имеется на них в Петербургском охранном отделении?

Подполковник полез в стол, вынул две папки: потоньше и потолще. Опять заранее приготовил?

– Вот они, голубчики. С кого желаете начать, Алексей Николаевич?

– Вы как будто знали мой вопрос, Яков Григорьевич. Папки уже под рукой...

– Да это очевидно, – вступился за подчиненного Зубатов. – Мы без вас тоже думали-гадали. Грилюк самый подозрительный, потому и первый на очереди. Но и другие стояли близко к ученому. Вот я и велел подготовить материалы на них.

– Господа, а кто такой Красин? – спросил коллежский советник.

– Леонид Красин? – уточнил надворный советник.

– Черт его знает. Какой-то страшный социал-демократический боевик.

– Таких не бывает, – фыркнул Зубатов. – Кто вам эту пулю отлил? Леонид Красин – имеется такой эсдек. Он сейчас в Баку. Посидел в тюрьме, отбыл ссылку в Сибири. Ничем особенным не примечателен.

– Точно он?

– Другого Красина среди революционеров нет, – уверенно пояснил Зубатов. – Я хорошо его знаю, сам допрашивал по делу Бруснева. Сын тюменского исправника, выгнанного за взятки. После ссылки выучился на инженера. Сейчас руководит электрификацией нефтяных промыслов. Если и занят чем-то противоправительственным, то по мелочи. В последнем докладе Бакинского ГЖУ о Красине нет ни слова. А чем, простите, он вас заинтересовал?

– Грилюк видел Большакова в его обществе.

– Ну и что? – вскинулся Сазонов.

– По словам анархиста, Красин состоит у социал-демократов в радикальном крыле. И готовит вооруженные отряды, а значит, интересуется оружием. Он мог положить глаз и на аппарат Филиппова.

Собеседники сыщика дружно рассмеялись:

– Это что-то новенькое! Ай да Грилюк! Вот фантазер! А вы и поверили?

Отдышавшись, Зубатов снисходительно пояснил:

– Не обращайтесь внимания на этот бред, Алексей Николаевич. Красин далеко отсюда. Он торчит на берегу Каспийского моря и ни о каких боевых отрядах не помышляет. Поверьте мне.

– Охотно верю авторитетному специалисту, – согласился сыщик. – Но все же, что у вас есть на Большакова? Давайте заглянем в ваши папки.

Заглянули втроем. Материалов на филолога оказалось кот наплакал. Студент четвертого курса Петербургского университета, сейчас в академическом отпуске. Посещал доктора Филиппова, присутствовал на некоторых оптических экспериментах. Именно оптических, с физикой и химией не связанных. Ну, подай-принеси, большего от парня требовать было бы глупо. Ходил за ученым как хвостик, боготворил его, пролез в семью. Мировоззрение либеральное, на баррикады точно не пойдет. Словом, личность заурядная и в дознании Лыкова бесполезная.

– Ясно. А второй ассистент, Разуваев?

– Его папка чуть толще, но там тоже ничего особенного, – сказал Сазонов, развязывая тесемки. – Ездил с Филипповым в Ригу. Агент Химик – вы его помните, Енотавский – характеризует Разуваева как человека себе на уме без политического лица. Прибился к Филиппову с целью получить от него затем рекомендацию.

– К кому?

– К кому удастся. Тот знаком был со многими заграничными исследователями, и в Германии, и во Франции. Петр Никодимович мечтает уехать из России навсегда. Эх, черт!

– Что такое? – встревожился Лыков.

Подполковник неуверенно улыбнулся:

– Как бы сказать... Только сейчас вспомнил, ей-богу.

– Да что вспомнили, Яков Григорьевич?

– Я же Разуваеву неделю назад подписал заграничный паспорт.

Одной из обязанностей Петербургского охранного отделения была выдача заграничных паспортов.

– Куда он собирался?
– Точно помню, что в Берлин.
– В Берлин? – Коллежский советник многозначительно посмотрел на коллег. – Ну вот и ниточка нашлась.

Все как-то сразу повеселели. Чем не версия?

Лыков обратился к Зубатову:

– Сергей Васильевич, телеграфируйте срочно Гартингу, пусть разыщет берлинский адрес Разуваева. Как найдет его, я сразу выезжаю.

– Будет сделано, Алексей Николаевич.

Зубатову как заведывающему Особым отделом подчинялась Заграничная агентура Департамента полиции. А Гартинг был руководителем ее берлинского бюро.

– Яков Григорьевич, а вы, пожалуйста, подготовьте паспорт для поручика Олтаржевского. Лучше на чужое имя. Он поляк, паспорт сделайте на польскую фамилию.

– Кто такой этот поручик? – насупился Сазонов.

– Участвует в дознании от Военного министерства. Государь поручил дело и нам, и им. Пусть съездит со мной, нельзя оставлять военных в стороне. Мариан Ольгердович знает пять языков и к тому же окончил физико-математический факультет.

– Сделаю, Алексей Николаевич. Пусть придет завтра ко мне с фотографической карточкой.

На этом Лыков откланялся. В ожидании ответа из Берлина он провел два дня почти в безделье. Встретился с Поповым, которого знал еще по промышленно-художественной выставке в Нижнем Новгороде в 1896 году. С тех пор Александр Степанович остепенился, получил чин статского советника, стал профессором Электротехнического института. На вопрос о работах Филиппова по передаче энергии взрыва на расстояние он ответил, что ничего о них не слышал. Самого Михаила Михайловича знал, уважал, читал его «Научное обозрение». Но прекратить войны путем изобретения страшного оружия, «взрыва по телеграмме»... Это что-то детское. Пришедший вместе с Лыковым Олтаржевский попытался получить оценку знаменитого ученого. Так и так, излучаются короткие волны, вдоль них посылается каким-то образом разрушительная сила; возможно ли это? Понятия не имею, ответил Попов. И посоветовал списаться... с Америкой. А именно с Теслой. Он выдающийся специалист по электричеству и не только. Серб может что-то подсказать. В Германии тоже есть крупный физик, мизантроп и затворник Дёринг. Этот точно ответит на вопрос, если захочет. И больше в мире подобных нет. Эдисон давно уже капиталист, а не

ученый. А Маркони просто жулик, ворующий чужие идеи.

Собеседники простились с Поповым и вышли в глубокой задумчивости. Не в Америку же им ехать! А спрашивать о чем-то немца Дёринга, зная, что его соплеменники прикончили Филиппова, тем более глупо.

По вечерам Алексей Николаевич читал работы покойного. Хотел лучше понять круг его интересов, масштаб личности. Но дело у сыщика шло туго. «Биологические работы Аристотеля», «Пространство Лобачевского и многомерное пространство», «Космология и космогония в конце XIX века». Написано вроде бы легко и доступно, слог хороший, но знания автора зашкаливают. Чувствуешь себя на его фоне дурачком. Лыков сделал из прочитанного только один вывод: Филиппов мог изобрести чудо-оружие. Он был чрезвычайно разносторонен и близок к гениальности. Видимо, к такому же выводу, но чуть раньше, пришли немцы. А русское правительство, как всегда, запоздало с правильной оценкой. Ведь могли привлечь человека, построить ему современную лабораторию. Настоящий ученый не устоит перед соблазном расширить свои возможности за счет правительства. И глядишь, плоды трудов Филиппова послужили бы России. А теперь? Кучка пепла, что выбросили из печи начальника ПОО. Обломки аппарата валяются где-то на свалке. И убийство русского подданного, до сих пор не раскрытое.

Наконец пришло сообщение от Гартинга. Петр Никодимович Разуваев нашелся в Берлине. Он проживает в гостинице «Шварце Адлер» на Инвалиденштрассе. На всякий случай Разуваева взяли под наблюдение.

Вечером два дознавателя выехали в Берлин. Олтаржевскому вручили паспорт, почему-то на имя графа Станислава Стырье. Подполковник Сазонов хотел то ли посмеяться над военными, то ли польстить им. Лыков сразу начал обращаться к своему спутнику «ваше сиятельство». Поручик и без того был на нервах: впервые ехал за границу, да еще по чужому документу. Вдруг его кто-то узнает и обратится по настоящему имени? Немцы почувствуют неладное, арестуют как шпиона... Алексей Николаевич сжалился над поляком и успокоил его. Поездка у них короткая: расспросят ассистента и сразу домой. В Германии хорошая полиция и очень сильная контрразведка, но они не успеют засечь русских. А за паспорт на чужое имя не наказывают. В худшем случае привяжут «хвост».

Заодно сыщик рассказал Олтаржевскому, кто такой Аркадий Михайлович Гартинг. Настоящее его имя было Аврам Мойшевич Геккельман. Пинского мещанина завербовал еще знаменитый Судейкин. По заданию начальства Гартинг (тогда его звали Абрам Ландезен) организовал

в Париже заговор с целью покушения на императора Александра Третьего. Террористам дали изготовить бомбы и уже собирались натравить на них французские власти. Но одна из бомб во время испытаний взорвалась прямо в руках у анархиста Виктора и нанесла ему смертельные ранения. В больнице умирающий боевик выдал всех полиции. Русской агентуре даже не понадобилась операция прикрытия. Ландезену помогли сбежать, а двадцать семь человек попали на скамью подсудимых. В 1893 году Авраам крестился и стал Аркадием. Сейчас он уже был в чине коллежского советника! Берлинское бюро Заграничной агентуры считалось одним из самых успешных. Гартинг и его люди охраняли Высочайших особ во время их заграничных визитов, а это было высшей формой доверия. В частности, они оберегали нынешнего государя, тогда цесаревича, во время его помолвки с Алисой Гессенской, что теперь императрица. Кроме того, коллежский советник наладил рабочие отношения с германскими охранными службами. Вон как быстро разыскал Разуваева – не иначе немцы помогли.

Дознаватели проехали Варшаву ранним утром. Алексей Николаевич прогулялся по пражскому предместью, выпил пива в буфете. А «граф Стырь» безвылазно сидел в купе, боясь встретить знакомых. Облегченно вздохнул он лишь в Берлине.

Гартинг под видом богатого русского купца жил в центре города, на Фридрих-Вильгельмштрассе. Он принял гостей из Петербурга с напускным радушием. Лысый, с седыми усами и острой бородкой, Аркадий Михайлович сразу стал жаловаться на трудности:

– Вы не поверите, господа, как халтурно здесь в Берлине налажена прописка иностранцев. Совсем не так, как в России. Более трети приезжих вообще не прописываются и спокойно живут годами. А если кто и зарегистрировался, в полицейских частях учетные листки задерживаются на месяц и более.

– Но вам все же удалось отыскать Разуваева, – с уважением произнес Лыков.

– Помогла случайность, – признался Гартинг. – Ей-ей. Разуваев прописался сразу же, по русской привычке. Потому лишь и попал в поле нашего зрения.

– Аркадий Михайлович, не наговаривайте на себя! При ваших связях...

Шеф берлинского бюро притворно потупился:

– Ну, кое-что мы действительно можем. Комиссар криминальной полиции Виннер помогает нам за вознаграждение. С ведома и согласия

министра. Еще мы купили человека в президентстве^[27]. Мелкий чиновник, но весьма полезный. Передал нам тысячу триста учетных листков на русских подданных. Кого там только нет!

– За Разуваевым сейчас приглядывают?

– И очень внимательно, Алексей Николаевич. Я же понимаю: дело ведет сам министр, государь им интересуется. Всем помогу, чем нужно.

– Нам лучше поспешить, пока объект не вышел из гостиницы.

– Я дам вам своего лучшего агента Вольтца. Хочу, знаете ли, создать ему сыскное бюро по примеру Парижа.

Лыков пояснил Олтаржевскому:

– Парижское бюро Заграничной агентуры учредило для своих нужд частное сыскное агентство «Бинт и Самбен». Топтуны там все французы. Русскими филерами за границей много не выследишь.

Затем обратился к хозяину:

– Вольтц здесь?

– Ждет в приемной.

– Зовите.

Явился плотный мужчина невзрачной наружности, с цепким холодным взглядом. Гартинг представил ему гостей и велел исполнять все их распоряжения. Вскоре они сели в мотор и отправились в «Шварце Адлер». Поручик, судя по всему, впервые в жизни ехал в автомобиле. Он крутил головой и ахал. Когда мотор рывкнул гудком, прогоняя с дороги пешехода, «его сиятельство» аж подпрыгнул. Наконец они оказались на месте. Вольтц перекинулся несколькими словами со своим человеком на входе и доложил по-немецки:

– Объект здесь. Позавтракал за табль-дотом, потребовал в номер газеты.

Олтаржевский служил переводчиком.

– В каком номере живет Разуваев? – спросил коллежский советник.

– В двести третьем.

– Дорогой номер?

– О да! – Немец уважительно поднял глаза к потолку. – Деньги у господина есть.

– Ну, мы пошли. Ждите нас в буфете, можете выпить пива.

– Я на службе не употребляю, – с достоинством ответил Вольтц и демонстративно уселся в мотор.

Лыков с Олтаржевским поднялись на второй этаж, нашли нужный номер и постучали. Дверь тут же распахнулась. На пороге стоял полный бородач среднего роста, шикарно одетый, с красным нездоровым лицом.

– Was ist lös?^[28] – спросил он с сильным акцентом.

Сыщик вынул полицейский билет, помахал им и пояснил:

– Чиновник особых поручений Департамента полиции Алексей Николаевич Лыков. И мой помощник граф Стырье. Разрешите, мы войдем.

Оттер толстяка и шагнул в номер.

– Но позвольте, ведь вы обещали оставить меня в покое!

– Кто обещал? И что именно? – быстро спросил коллежский советник.

Разуваев смешался. Он явно не знал, что говорить, чтобы не навредить себе. Лыков закрыл дверь, сел сам и взглядом велел сесть своему напарнику.

– Поговорим, Петр Никодимович?

– Ну если вы настаиваете...

– Лучше здесь, чем в посольстве под протокол, не находите?

Разуваев взял себя в руки, сел напротив и начал возиться с сигарой.

– Хороший у вас табак, дорогой, – как бы невзначай бросил сыщик.

– Желаете? Прошу, угощайтесь.

– Да я не курю, спасибо. И запонки на вас золотые, булавка в галстук с настоящим бриллиантом. Сколько в нем карат, два или три?

– Три, – смутился ученый. – Слаб, люблю камешки.

– И роскошную жизнь тоже, – резюмировал Лыков. – Номер вон какой дорогой. Откуда у вас деньги на все это, Петр Никодимович? Разве Филиппов мог платить своему ассистенту большое жалованье?

– Значит, речь пойдет о Филиппове? – фальшиво удивился собеседник.

– О нем. Я веду дознание его смерти по личному распоряжению министра внутренних дел.

– А чего там дознавать? Смерть случилась от естественных причин, так в газете было написано.

– Что же вы не пришли на похороны учителя?

Разуваев скривился:

– Какой он мне учитель?

– А разве нет?

– Нет, – отрезал физико-химик. – И никогда им не был. Он работодатель, причем скупой.

– Откуда в этом случае капиталы?

– Наследство, откуда же еще.

– А почему убежали из России?

– Господин Лыков, – перешел на фальцет Разуваев, – что за выражения? В чем вы меня обвиняете, поясните! Я не сбежал, а уехал. Легально, по заграничному паспорту. Ищу здесь работу, в Германии

сильная наука, я хочу найти настоящую достойную службу, а не прозябать, как в Петербурге.

– Нашли?

– Пока нет.

Сыщик помолчал. Формально его визави предъявить нечего. Он не террорист, а ученый, выехал на законных основаниях. Как получить от человека нужные сведения? Пожалуй, стоит попробовать вежливый тон.

– Прощу извинить меня, Петр Никодимович, если мои слова вас задели. Мы с графом зададим вам несколько вопросов и уйдем. Никаких обвинений в ваш адрес со стороны власти действительно нет. Есть лишь просьба помочь в дознании.

– Ну, уже лучше, – смягчился Разуваев. – Почту своим долгом помочь Департаменту полиции. Слушаю вас внимательно.

– Вы удивились, увидев нас. И сказали, что вас обещали оставить в покое. Что это значит?

– Дело было так. Когда я обратился в Петербургское охранное отделение за паспортом, то имел беседу с подполковником Сазоновым. Он так же, как и вы, интересовался опытами Михаила Михайловича. Я знал, что охранка следила за Филипповым. Более того, и сам Михаил Михайлович знал это. Подполковник желал выяснить, не имел ли покойный связей с враждебными элементами.

– Что вы ему ответили?

Разуваев выпятил толстый живот и с достоинством сказал:

– Я мог бы адресовать вас к подполковнику. Но так и быть, расскажу. Мне как ассистенту не приходилось участвовать в подобного рода разговорах.

– Каких именно?

– Тех, что интересуют охранное отделение. Чистая наука, и только наука. Опыты, эксперименты, обработка результатов, ведение лабораторных журналов... То, что называется рутинной.

– И когда вы так ответили Якову Григорьевичу, он обещал оставить вас в покое?

– Именно. Подписал заграничный паспорт и отпустил.

– Петр Никодимович, – вмешался в разговор Олтаржевский, – тогда вопрос к вам как к ученому. Что же изобрел доктор Филиппов?

– Да ничего он не изобрел, – желчно ответил физико-химик. – Заблуждался и переоценивал результаты экспериментов.

– Но успешные опыты в Риге!

– А чего такого успешного случилось в Риге?

– Говорят, Филиппов вернулся с последних исследований очень довольный. И рассказывал всем, что еще два эксперимента, и работа закончена. Он собирался описать свое открытие в сборнике Академии наук.

– То-то бы все посмеялись, – ответил Разуваев. – Для вашего сведения, граф. В Риге Филиппову удалось перенести энергию небольшого взрыва на расстояние пять метров. Это чуть больше двух саженей. И поднять ею на воздух, якобы по радиоволне, другой заряд. Но ведь это была обычная детонация! Она известна любому артиллеристу. Мы спорили с ним, в итоге поссорились, но я так и не убедил доктора, что он ошибается. И вообще, разрыв мой с Филипповым был уже неизбежен. Мы по-разному оценивали результаты его работы. Он был сильный математик, не спору. И химик приличный, все-таки ученик самого Мейера. Но физик никакой! Вот и заблуждался. Михаила Михайловича раздражали мои возражения и мой скептицизм. Мы были близки к ссоре. С мая я стал искать другую службу, лучше в Германии. И попросил от Михаила Михайловича рекомендательных писем.

– Он их вам дал? – поинтересовался Лыков.

– Обещал дать, когда закончим оставшиеся опыты.

– То есть вы должны были расстаться без конфликта?

– Конечно. Я не скандалист. У Филиппова знакомства и в Германии, и во Франции, его слово помогло бы мне устроиться. Зачем ссоры? Умный человек сеет друзей, а глупый – врагов. Я умный.

– А что за история с камнем в Териоки?

Разуваев рассмеялся:

– Это еще один миф доктора натурфилософии. Вы видели тот камень?

– Я видел, – сказал поручик.

– Ну и что?

– Впечатляет.

– А вот меня нет. Ясно, что это природное явление. Ледяная вода омывала его сотни лет, а жаркое солнце накаливало. Вот он и рассыпался. А Филиппов тут как тут, приписал себе. Ученый! Профессор кислых щей!

Питерцы опешили от такой злобы ученика на учителя. В комнате стало тихо, гости ощущали неловкость. Затем заговорил «граф Стырь»:

– Петр Никодимович, вы можете описать аппарат Филиппова и принцип его действия?

– Зачем? Он же стоит в охранном отделении.

– Уже не стоит. Его разобрали при перевозке, а собрать не смогли.

– Странно... Ну хорошо, я подготовлю записку. На чье имя?

– Лучше всего на имя министра внутренних дел Плеве, – подсказал

Лыков.

– Ого! Так и быть, напишу все, что знаю. Но на это понадобится время.

– Сколько?

– Два дня как минимум. Я же еще ищу службу, не забывают. А это хлопотное занятие.

Разуваев вынул из жилетного кармана дорогие часы, откинул золотую крышку:

– Через час у меня переговоры с одним профессором физики из Гейдельберга. Мы закончили?

Гости поднялись:

– Да, спасибо, Петр Никодимович. До встречи послезавтра.

Два дня дознаватели провели в совершенном безделье. Олтаржевский бродил по музеям, Лыков – по пивным. Люди Гартинга наблюдали за ученым и сообщали, что тот по вечерам подолгу что-то пишет. Видимо, он ответственно отнесся к просьбе правительства и хочет дать подробный отчет. Коллежский советник был доволен, но одно обстоятельство его смущало. Гуляя по городу, он быстро заметил за собой слежку. Приставили «хвост» и к поручику. Филеры действовали умело, в слежке участвовали парные экипажи, а это дорогое удовольствие. Полиция или контрразведка?

Еще Гартинг пригласил петербуржцев на ужин. И после горячего обратился к Лыкову с неприятной просьбой.

– Алексей Николаевич, вы ведь увидите по итогам вашего дознания с министром? – спросил он.

– Непременно.

– Не могли бы вы повлиять на него в одном вопросе?

Сыщик сразу расхотел есть.

– Аркадий Михайлович, я коллежский советник, а он действительный тайный. Между нами пропасть, вы же понимаете? Он не станет меня слушать. Ну, по крайней мере по тем вопросам, которые он мне не поручал.

– Все понимаю, но ведь смотря как заговорить! Ежели по-умному, то можно кое-чего добиться.

– Чего вы хотите? Обещать не буду, но расскажите суть.

– Суть в том, уважаемый Алексей Николаевич, что Ратаев совершенно не на месте. Он рядом с Рачковским ноль. Тяжело работать с таким начальником. Для дела плохо!

– Ну и как я, по-вашему, скажу об этом его высокопревосходительству? Он в ответ: Лыков, а твое какое дело? Только напорчу.

– А вы ловко вставьте в контекст. Мол, Гартинг помог с поиском

Разуваева, он-то на месте, но так жаловался на новое руководство, такие вещи рассказывал... Вот и заложим мысль в голову министра. Два-три таких эпизода – глядишь, Петр Иванович и вернется.

Ужин завершился угрюмым молчанием сторон. Когда питерцы остались одни, Олтаржевский спросил:

– Что это было? Кто такой Петр Иванович?

Лыков вздохнул:

– Э-хе-хе... Вообще-то я вам этого говорить не должен. Но мы же ведем одно дело, так и быть. Здесь интрига, очередная. Увы, их столько в нашем ведомстве. Не знаю, как обстоит у вас, у военных. В общей полиции еще более-менее, а в тайной хуже всего.

– А именно?

– Гартинг просил меня за своего бывшего начальника Рачковского. Плеве уволил его от должности заведывающего Заграничной агентурой, хотя как раз Петр Иванович ее и создал.

– За какие вины выгнали заслуженного человека?

– А он написал императрице-матери, что ее сын связался с французским шарлатаном. Слышали про такого Филиппа? Магнетизер и медиум.

Поручик смутился:

– Сын – это нынешний государь?

– Ну а кто же еще? Так вот, царь узнал про письмо, разгневался, и Рачковскому пришел конец.

– Хм. Про этого Филиппа столько гадостей рассказывают... Неужто правда, Алексей Николаевич?

– Увы. И Рачковский оказывал услугу трону, когда пытался это остановить.

– Но как же так? Государь, и вдруг под влиянием шарлатана!

– Вопрос не ко мне, Мариан Ольгердович. Наше с вами дело – служить Отечеству. А остальное – чур меня!

– Кто такой Ратаев?

– Нынешний шеф Заграничной агентуры.

– Вы будете что-то говорить министру? По вашему лицу видно, что просьба господина Гартинга крайне вам не понравилась.

– Не знаю, – честно ответил сыщик. – С одной стороны, неохота ввязываться в интриги. С другой – Рачковский сейчас не у дел. Живет в Варшаве, пишет письма, пытается вернуться. А революция все ближе! Не время разбрасываться столь опытными людьми. Плеве, выгнав его, исполнил августейшую волю. Но в его власти и убедить государя вернуть

Петра Ивановича в секретную полицию. А то спохватимся, когда поздно будет...

Наконец наступило время второй встречи. Дознаватели приехали в отель, начали было подниматься на второй этаж, но к ним подскочил наружник Вольтца. И залопотал что-то по-немецки; вид у него был сконфуженный.

– Что? – опешил поляк.

Филер сказал еще несколько фраз. Поручик повернулся к начальству и доложил:

– Разуваев исчез.

– Как? Когда?

– Сегодня ночью он тайно покинул гостиницу через запасной выход. Наблюдение упустило этот момент.

– Черт возьми! – рявкнул коллежский советник. – Головотяпство! Необходимо срочно начать поиски беглеца, пусть Гартинг приложит все силы.

– Филер сообщил еще одну деталь, – продолжил Олтаржевский. – Вчера вечером к Разуваеву явился мужчина. Они провели вместе полчаса, и гость ушел. А ночью русский сбежал.

– Сообщник? Как он выглядел?

– То-то и оно, Алексей Николаевич. Хотя мужчина был в партикулярном, но филер его узнал. Видел раньше.

– Где?

– В отделе III-B германского генерального штаба. В разведочном отделе.

Лыков осекся, начал рассматривать что-то у себя под ногами, потом поднял глаза на собеседника.

– Они нас провели, Мариан Ольгердович. Спрятали свидетеля. Теперь мы его никогда не найдем. А я уж поверил, что все получится...

– Что же нам делать?

– Возвращаться домой.

Опять глянул под ноги и добавил:

– Мы с вами выявили немецкого агента. Выявили – и потеряли его. Теперь только домой.

Глава 7

Знакомство с Красиным и другие приключения

В Петербурге Лыкову докладывать о своей неудаче было некому. Плеве уехал в Саровскую пустынь, его обязанности исправлял Дурново. Ближайший начальник, директор Департамента полиции Лопухин, тоже отбыл, но в Италию. Задание ему дали щекотливое. В конце лета государь собирался в Кобург, где была намечена встреча с кайзером. Затем визит в Вену, там тоже давно ждут. И по правилам вежливости надо завершить европейский вояж посещением Италии. Тут и возникала загвоздка. Король Виктор Эммануил звал царя в гости уже не один год. Король-то звал, а вот итальянская пресса в открытую писала, что русскому монарху в Риме устроят обструкцию. За то, что деспот и вообще... Николай Александрович был в замешательстве: ехать или нет? Явишься в гости, а там тебя забросают помидорами. И хорошо, если ими, а вдруг бомбами? Потому Лопухина послали в разведку.

Что ж, без начальства всегда лучше, чем с ним. Коллежский советник отпустил Олтаржевского. Поездка сблизила их. Поручик нравился сыщику все больше: умный, порядочный, склонен к аналитике. Знание пяти языков и хорошее образование тоже в плюс. Виктор подобрал для разведки подходящего человека. Правда, Мариану Ольгердовичу пока не хватало опыта. И доли здорового цинизма, поскольку шпионство не терпит чистоплюйства. Под руководством Таубе цинизма набраться трудно, генерал сам ему до сих пор не научился. Поэтому участие поручика в полицейском дознании было полезно вдвойне. Пусть понюхает пороху...

Отдохнув с дороги, коллежский советник отправился в ПОО. Сазонов снова принял его вдвоем с Зубатовым. Видимо, подполковник боялся встречаться с сыщиком без няньки.

Гость честно рассказал хозяевам о своей неудаче в Берлине. Теперь ясно, что Разуваев работал на немцев и сообщал им все подробности об оружии Филиппова. Возможно, он и есть убийца. Немцы – мастера разных штучек, могли отравить ученого по-хитрому, ни один врач не подкопается. Вот только как ассистент выкрал бумаги учителя? Ведь, по словам дворника, ночью его в доме не было.

Сазонов категорично подтвердил: показаниям дворника можно верить.

Ефрейтор запаса гвардейской пехоты, пьет по праздникам, монархических взглядов. Никогда не врал, обязанности по надзору за опасным жильцом исполнял ответственно.

– Может быть, Разуваев вынес записки изобретателя заранее? – предположил Зубатов. – Подлил ему накануне яд замедленного действия. Химия в Берлине главная наука. О ней чудеса рассказывают. Ну, сгреб бумаги в чемодан – и к себе. Филиппов пропажи не заметил: не каждый же миг он занят своими опытами. А через день помер...

Все трое сошлись во мнении, что так могло быть. У Разуваева теперь не спросишь. Немцы агента Макса не выдадут. Дознание на этом можно прекращать: ни аппарата, ни документов, ни свидетелей. Догадки, которые, очевидно, правдивы, только доказательств никаких. Что докладывать государю?

– Формально я должен потрясти еще одного человека, студента Большакова, – вспомнил сыщик. – Пока Вячеслав Константинович в отъезде, надо успеть проверить всех из окружения несчастного доктора. Давайте его адрес.

Сазонов молча протянул ему лист бумаги из дела Большакова.

– Масляный переулок, – прочитал сыщик. – Это где у нас такой?

– На Васильевском острове, – пояснил жандарм.

– Давно я в эту глушь не забирался. Господа, честь имею!

Студент обитал в двухэтажном деревянном доме неказистого вида. Будто и не столица! Дворник впустил прилично одетого человека, но при этом счел нужным дать жильцу характеристику:

– Пошто вам наш стрикулист? Бесшабашный человек, и весь об нем разговор.

Это притом, что сыщик его ни о чем не спрашивал...

На стук дверь открыли быстро. То ли молодой человек кого-то ждал, то ли собирался уходить. На пороге стоял тощий, плохо причесанный парень, в очках, с короткой бородой, более похожей на щетину.

– Большаков Всеволод Всеволодович? – официальным тоном спросил сыщик.

– Да. А вы кто, извините? Ежели насчет задержки квартирной платы, так я все объяснил дворнику.

– Позвольте войти.

– Да-да, извините.

В комнате оказалось не прибрано и вообще как-то неуютно. На столе лежали книги вперемешку с корками хлеба. Постель разобрана, хотя уже стоял полдень, а простыня вся серая... И окна выходят на выгребную яму.

– Я коллежский советник Лыков из Департамента полиции.

Студент так и сел.

– Из полиции? А в чем дело? Я... ничего такого не знаю. На лекции не хожу, это правда, но...

– Всеволод Всеволодович, я здесь по другому поводу. Вы ведь были ассистентом доктора Филиппова, так?

Большаков приободрился:

– Ассистентом, пожалуй, сильно сказано. Михаил Михайлович... Он

настолько многогранная личность, что, как филолог, я много почерпнул из общения с ним.

– Как филолог?

– Да. Я же учусь на филологическом.

– А его аппарат вы видели?

Парень опять потупился:

– Э-э... Извините, вы имеете в виду...

– Да, подрывной аппарат, с помощью которого Филиппов хотел остановить войны.

– Видел. Но мало что понимал в этом. Михаил Михайлович иногда допускал меня до мелких работ, не требовавших ученой квалификации. Ну...

– Понятно, – кивнул сыщик. И задал вопрос в лоб: – Кто, по-вашему, мог убить доктора?

– Убить?! – вспыхнул студент. – Но ведь он умер от порока сердца!

– Филиппов был убит, в этом у полиции нет сомнений. Ловко все подделали, скрыли улики. Я веду дознание обстоятельств его гибели. Мне нужны ваши показания. Можно пока неофициально, в устной форме.

– Убит... – ошарашенно повторил Большаков. – А ведь я это подозревал. Ну, не подозревал, скорее предчувствовал.

– Поясните, Всеволод Всеволодович. Что вы предчувствовали, а главное, почему?

– Этот дикий человек Яков Грилюк вызывал у меня сильные опасения. Вы знаете про Грилюка?

– Я арестовал его неделю назад в Москве.

– Арестовали? Он сознался?

– В чем?

– В том, что именно он убил Михаила Михайловича.

– Господин Большаков, вы сперва поясните мне мотивы. Зачем ему это делать?

– Яшка – пацифист, он свихнулся на борьбе за мир. Писал царю, писал европейским монархам. Требовал прекратить все войны.

– Вот как? – удивился Лыков. – Это для меня новость. И что монархи?

– Не ответили, конечно. И тогда малоросс ударился в другую крайность, извините. А именно в анархизм. Не надо, мол, никаких царей, всех бомбами взорвать, и наступит царство свободы.

– Пусть так, но зачем для этого убивать ученого-изобретателя?

– А чтобы завладеть аппаратом и пустить его на революционные нужды.

– Но как мог Грилюк при своей необразованности решиться управлять столь сложным устройством? Надо быть физиком и химиком для этого. И не рядовым, а одаренным.

Большаков задумался, машинально при этом лохматя давно не мытые волосы.

– Извините... Он вообще человек решительных действий. Мало размышлял, много бегал. Все ждал баррикад, готовился к ним, брал уроки стрельбы в тире.

Лыков неожиданно для себя вдруг проговорился:

– Во время задержания Грилюк застрелил полицейского офицера.

– До смерти застрелил? – ужаснулся студент.

– Увы.

– Вот видите. Ему человека убить ничего не стоит, я всегда это чувствовал. И Михаила Михайловича он так же безжалостно...

Из глаз парня вдруг обильно полились слезы. Он отвернулся к окну.

– Извините...

Сыщик хотел подать ему воды, но в комнате не обнаружилось графина. Тогда он сказал в спину Большакову:

– Грилюк Филиппова не убивал.

– Как не убивал? – резко повернулся к Лыкову студент. – А кто же?

– Яшка Бешеный доктора натурфилософии не трогал, – повторил сыщик. – Он много зла задумал, это факт. Но к смерти Филиппова не причастен.

– Но...

– А какого вы мнения о Разуваеве?

– О Петре Никодимовиче? – Парень задумался. – Ну... э-э...

Коллежский советник молча ждал.

– Даже не знаю, что сказать. Он весь такой... заурядный. Но с большим самомнением. Себе на уме, денег мечтал много заработать. А какие деньги могут быть при Филиппове? Я думаю, он ждал, что Михаил Михайлович возьмет патент на свое изобретение и получит заказ от правительства. Вот тогда будут и деньги, и положение. Правая рука изобретателя, все такое...

– Но ведь доктор не собирался ничего этого делать, – возразил Лыков. – О чем прямо сообщал окружающим. Разве не так?

– Так, конечно. С одной стороны. А с другой – Разуваев был человек практический. Жена Михаила Михайловича в положении, вот-вот родится третий ребенок. Дочке требуется лечение в Ялте. Глядишь, и передумает доктор.

– Мог Разуваев убить своего учителя?

Студент сначала отшатнулся:

– Нет, что вы!

Но потом нахмурился:

– Хотя... От досады, что тот не намерен работать на правительство...

И, стало быть, капиталов не будет. А еще от зависти!

– В каком смысле?

– В самом прямом. Филиппов был гениальный ученый. А Петр Никодимович – пустое место.

– Моцарт и Сальери? – вспомнил сыщик слова Грилюка.

– Да.

– Расскажите мне о тех опытах, в которых вы участвовали. Будто бы то были оптические эксперименты?

– Совершенно верно. В начале зимы Михаил Михайлович заинтересовался кристаллами. Купил много камней. Ну, тех, что подешевле: горный хрусталь, кварц, несколько гранатов, хризопразы... И стал с ними работать. Я ничего не понимал и не понимаю по сию пору, но то, что довелось мне увидеть, было удивительно! Из аппарата исходили какие-то неведомые лучи и создавали на стенах лаборатории красивые зыбкие картины...

– Лучи? Картины? Что за картины? – уточнил Лыков.

– Ну, светящиеся изображения. Будто фильма, но там нужно белое полотно для проекции, а эти висели прямо в воздухе вокруг нас. И были объемными! Очень красиво и непонятно. Не могу лучше объяснить, извините. Помню, что особо Михаилу Михайловичу удался портрет Пушкина. Он медленно вращался по ходу часовой стрелки...

– Где вращался?

– В помещении лаборатории. В воздухе. Где бы вы ни стояли, получали полную иллюзию абсолютного объема. Хотелось потрогать руками! И не отличишь живое от неживого, вот такая была иллюзия...

– Как Филиппов это сделал? – изумился коллежский советник.

– Я не знаю. Он предварительно собирал картины из обработанных кристаллов, а потом пропускал через них излучение. Которое фокусировал в линзы. Излучение проходило через вакуум. Не умею объяснить...

– А подрывной аппарат?

Большаков съехался:

– Был и подрывной аппарат. Страшно за ним наблюдать, честное слово! Сколько раз Михаил Михайлович получал ожоговые волдыри...

– Что у вас общего с Красиным? – вдруг резко спросил сыщик.

Лицо Большакова дрогнуло:

- С каким Красиным?
- Не прикидывайтесь, вас видели вместе.
- Это вам Грилюк рассказал?
- Всеволод Всеволодович, отвечайте на вопрос.
- Красин встречался со мной дважды.
- Спрашивал про опыты Филиппова?
- Да, – чуть слышно ответил студент.
- С какой целью?
- Я не знаю. С целью...
- Тоже обернуть это оружие на борьбу с монархией?

Большаков промолчал.

- И вы ему помогли? Ну?

– Помог... Извините.

– В чем заключалась ваша помощь? Вы свели их вместе? Филиппов и Красин встречались?

– Да. Они поговорили, и оказалось, что Леонид Борисович – очень хороший электротехник. Он понял Михаила Михайловича с полуслова. Даже дал несколько рекомендаций.

– Вот как? – удивился коллежский советник. – Красин Филиппову дал советы? И тот их принял?

– Я сам поразился. Красин – умнейший человек, смотрит прямо в корень.

– А вы знали, что этот умнейший человек – социал-демократ и сидел в тюрьме?

– Так Филиппов тоже социал-демократ... Был.

– Их знакомство имело продолжение?

– В ту встречу Филиппов набросал по просьбе Красина схему своего аппарата. И объяснил принцип его действия.

– Что?! – Лыков даже привстал. – Где этот документ?

– Леонид Борисович забрал его с собой. Но потом вернул Михаилу Михайловичу... через меня. Точнее, просил вернуть. А я забыл.

– Всеволод Всеволодович! Где бумага сейчас?

– Я не помню. Я поищу, можно?

– Ищите прямо сейчас, это очень важно!

Большаков взмолился:

– Но она не здесь, я с тех пор дважды менял квартиры! Дайте мне полдня, я постараюсь отыскать записку. Если хозяева не пустили ее на растопку...

Лыков был вне себя. Аппарат разрушен, часть архива сожгли жандармы, часть похитили немцы. И вот, оказывается, существует записка, в которой Филиппов собственной рукой все разъясняет. Или не существует? Размазня, щенок, как можно так обращаться с важными документами? Но ругать Большакова нельзя, нужно заставить его найти бумагу.

– Я поеду с вами.

Большаков смутился:

– Лучше я один, извините...

– Почему? Что вы от меня скрываете?

– Я оба раза съехал, не заплатив долги по квартире.

– То есть не съехали, а сбежали? – уточнил сыщик.

– Да... извините... И теперь мне придется проникать туда тихой сапой, с помощью дворника. Или вы сообразовали заплатить за меня? Я буду очень признателен!

– Ну уж нет, – сыщик надел шляпу. – Вы здоровый молодой человек, не калека. Надо самому отдавать долги! Где и когда мы встретимся снова?

– Часов через пять. Но место должно быть не людное. В моем положении встречаться с полицией... Извините...

– Да хоть в Гражданке^[29], хоть в Полюстрове. Говорите, где?

– Возле бассейна Обводного канала есть Глухоозерская улица. Я там раньше снимал квартиру.

– Назовите номер дома.

– В тех местах нет номеров. Там есть трактир Ефимцева, его все знают. В чистой половине, в шесть вечера.

– Договорились.

– Господин Лыков, – студент остановил собравшегося уходить сыщика. – Извините... Нет ли у вас немного денег на извозчика? А то на конке я могу не успеть.

Алексей Николаевич протянул бедолаге трешницу и вышел прочь.

Он приехал в Озерковую слободу в указанное время. Была суббота, народ вернулся с фабрик и собирался выпивать. В такое время в рабочих слободках человеку в шляпе лучше не появляться. Лыков заметил неприязненные взгляды, как только сошел с извозчика. Он повернулся, положил на сиденье серебряный рубль и сказал:

– Постой-ка, братец, здесь. Я недолго.

Трактир Ефимцева оказался страшной развалюхой. У входа блевал мастеровой с сизым лицом. Товарищ, что его поддерживал, увидав Лыкова, сказал:

– О!

Пьяный сразу же прекратил свое занятие и спросил:

– Че, Серега?

– Фарт валит, вот че. Заканчивай и приходи вовнутрь.

Лыков, не раздумывая, взял обоих за грудки и стукнул головами. Несильно, чтобы не покалечить. Ребята повалились наземь. Плюнув с досады, сыщик вошел в трактир. Большая прокуренная комната вся была заполнена людьми. Никто не повернулся к нему, не взглянул – публика выпивала. Суббота же! Увидев дверь, гость прошел туда и оказался в чистой половине. Там сидел единственный клиент, и это был не Большаков. Аккуратно одетый, прилизанный господин пялился на Лыкова и ухмылялся. Красин? Алексей Николаевич так и не удосужился разыскать в картотеке охранного отделения его фото. Теперь жалеть об этом было уже поздно.

– Здорово, высокоблагородие, – кивнул незнакомец, поднимаясь из-за стола.

– А...

Договорить сыщик не успел. Два корпусных утюга выросли по бокам, взяли крепко под руки и вынули ножи. Лыков покосился вправо-влево и счел за лучшее не дергаться. Ребята были калиброванные: сильные, уверенные и без особых примет.

– Да, я Красин, – подтвердил догадку коллежского советника прилизанный господин. – А ты Лыков. Давай поговорим.

– Я не против.

– А и ладно. Ты спрашивал обо мне у мальчишки, у Большакова. Что за интерес?

– Это из-за смерти Филиппова, – сдержанно пояснил сыщик.

– А подробнее?

– Подробнее служебная тайна.

Господин покосился на того, что слева, и детина без раздумий въехал полицейскому чиновнику под дых. Лыков сломался пополам и стал сползать на пол. На секунду ему показалось, что у него вырвали легкие...

– Не помирай, дедушка, за киселем побежали! – зло пошутил второй бандит.

Утюги подняли сыщика и поставили перед эсдеком. Пленника мотало, он с трудом держался на ногах.

– Повторяю вопрос, – противным голосом начал Красин. – Или хочешь, чтобы тебя тут забили до смерти? Выкинем трупяка в Обводный канал, завтра тебя отыщут... Ну?

Алексей Николаевич понял, что надо спастись. Но как? Разве что

удивить собеседника.

– Леонид Борисыч, что за манеры? – сказал он бодрым, слегка насмешливым тоном. – Ты себя не переоценил?

– Ну-ка, ну-ка?

– Ты мне, крысеныш, не нукай, молод еще. Думаешь, если в канале выловят полковника из Департамента полиции, тебе это с рук сойдет?

Сыщик почувствовал, как деловые разом ослабили хватку. Надо продолжать!

– В охранном отделении знают, кого я ищу. Обрато в Баку ты не доедешь, возьмут по дороге.

Красин, кажется, растерялся.

– Ребята, – обратился Алексей Николаевич к утюгам, – а вы знаете, что он сын тюменского исправника? Не много ли ему чести фартовыми командовать?

– Мне плевать, лишь бы деньги платил, – ответил левый.

– А если меня здесь убьют, ты как дальше жить собираешься, шильник? – делано рассмеялся Лыков. Ему было вовсе не до смеха, но очень хотелось уцелеть. – Мы за филера с живых не слазим. А за коллежского советника, как думаешь, что с тобой сделают?

Ребята отступили от сыщика на шаг, однако ножи не убрали. Правый обратился к Красину:

– Леонид, такого уговора не было!

– Да ладно дрефить, он у нас в руках!

Лыков сказал, неприязненно щурясь:

– Давай так. Я задам тебе вопросы и после этого отпущу. Вместе с бугаями. Или будет кровь: сначала, видимо, моя, а потом ваша, дураки.

Трое его противников молчали. Затем Красин поинтересовался:

– О чем спросишь-то? О Филиппове?

– Ну не о датском короле.

– А! Попробуем. Начинай.

– Ты аппарат его видел? – начал коллежский советник.

– Видел, и что?

– Хотел взять на вооружение партии?

– Допустим, – осторожно ответил эсдек.

– Почему не взял?

– А он не готов еще. Даже не прототип, так, игрушка.

– Но ведь можно довести до ума?

– Можно, – признал Красин. – И я даже знаю как. Но надо еще год и кучу денег в придачу. Нашей партии это неинтересно.

– То есть вы поговорили и разошлись ни с чем?
– Да, – кивнул боевик. – Я спросил с него записку, прочитал и убедился. Мишура, а не оружие. Пока не оружие.
– Где записка?
– Всеволоду отдал, у него спрашивай. Только мальчишка сейчас в Финляндию бежит, у него теперь долго ничего не спросишь.
– Ну вот и поговорили, – улыбнулся сыщик. Так улыбнулся, что все трое поежились. – Можно и расходиться. Пошли вон!
Красин не заставил его повторять дважды.
– Покарауйте его пять минут и тоже валите. Только аккуратно, без крови!

И быстро вышел на улицу. Двое деловых остались и задумчиво посмотрели на пленного.

– Что, закурим? – спросил сыщик. – Так-то я некурящий, но могу вам по стакану табаку налить. Через пять минут разбежимся кто куда. Мне ваши глупые головы без надобности.

Бугаи переглянулись, и один сказал:

– Легавый, чеканутых тут нету. Так постоим, всухомятку. Ты токмо не дергайся.

– А то не поглядим, что полковник, – хихикнул второй, тот, что бил под дых.

– А тебя я запомнил, – рассердился сыщик. – Жди в гости!

– Приходи, – не смутился тот. – Дом Фредерикса, третий этаж. Буду ждать.

Доходный дом Фредерикса на Лиговском проспекте был знаменитым притоном. Его целиком населяли уголовные. Хозяин являлся министром Двора, и полиция стеснялась делать в его владениях облавы.

Так за разговорами пять минут прошли. Бандиты скрылись не прощаясь, через черную половину трактира. Коллежский советник не стал их преследовать. Гнаться за Красиным ему тоже не хотелось. У сыщика мелко дрожали ноги и ныло под ложечкой.

Выпив водки и закусив несвежей осетриной, он наконец покинул заведение. Извозчика снаружи не оказалось, и пришлось идти пешком до Лавры. Обыватели самого жуткого вида присматривались к незнакомцу: не снять ли с него сюртук? Драться с ними сил у Лыкова уже не было, и он, вобрав голову в плечи, ускорил шаг.

На Александро-Невской площади коллежский советник поймал экипаж и велел отвезти его на Офицерскую, 28. Сыскная полиция Санкт-

Петербурга отреагировала на просьбу сыщика охотно. Ночью дом Фредерикса был оцеплен, и Лыков лично возглавил облаву. Он обошел все четыре этажа притона, заглянул в каждую комнату, изучил каждую рожу. Бандит не попался. Скорее всего, про Лиговку он сказал для отвода глаз, а сам прятался в другом месте. Разозленный донельзя, сыщик весь следующий день провел в картотеке. Но приметы были столь общими, что отыскать злодея не удалось. Видимо, Красин подобрал обоих утюгов именно с таким расчетом.

Коллежский советник не успокоился и заставил ПСП^[30] прочесать глухие местности столицы. Отряды городских под командой сыщиков рыскали всю следующую ночь. Они прочесали Петровский и Александровский парки, набережные Невы по окраинам, Горячее поле, деревни Волынкина и Екатерингоф, Румянцевскую рощу от Путиловского завода, линию Балтийской железной дороги, прилегающую к Митрофаньевскому кладбищу... Тут Лыкову улыбнулась удача. На пустых барках по Малой Неве задержали более семидесяти бесписьменных^[31], и среди них оказался второй бандит. Не тот, что бил, а тот, что съязвил про кисель.

– Ну вот и повидались, – недобрый голосом начал Лыков.
– Ваша взяла, а мы тово... Прощенья просим, – побледнел утюг.
– Раньше надо было просить, теперь уже поздно.
– Виноват! Деньги нужны были, вот и согласился. А ён нас обманул, сказал: купца будем пугать. Кабы мы знали, да ни в жисть!

Парень ерзал под тяжелым взглядом сыщика. Рядом стояли городовые и только ждали команды истереть фартового в муку.

– Скажи, где мне найти второго, тогда извиню.
– Прошкой его зовут, а больше ничего не знаю. Вот Христом Богом клянусь!

– Где он сейчас?
– Сбег, в тот же день сбег. Как узнал, что полковника ударил, чуть не обгадился со страху. Да еще вел себя так неуважительно! Сказал: полковник мне не спустит, надо ноги делать. И сбег во Псков.

Коллежский советник стоял и думал: врезать или черт с ним? И сжалился. Махнул рукой – увести! – а сам отправился домой отсыпаться.

(Лыков увидел Прошку лишь через два года. Зашел туда же на Офицерскую, а там обмеряют задержанного. Корпусный, без особых примет... Сыщик узнал бугая из трактира Ефимцева. Но злость к тому времени уже прошла, и он простил обидчика.)

На следующее утро хмурый и помятый Лыков явился в Особый отдел. Зубатов всполошился:

- Алексей Николаевич, что случилось?
- Да вот, познакомился с Красиным. И вовсе он не в Баку.
- Неужели здесь, в Петербурге?
- Здесь. Насчет его незначительности, по-моему, вы тоже ошиблись.

И он рассказал надворному советнику о беседе с эсдеком. Заведывающий Особым отделом был обескуражен.

- Странно, необъяснимо. Не должно так быть!
- А вот было. Ребята его чуть во мне отверстий не наделали.

Слух о том, что богатыря и храбреца Лыкова отлупили два каких-то халамидника, взбудоражил департамент. Из всех делопроизводств заглядывали любопытные, интересовались. Некоторые сочувствовали, а иные втайне и злорадствовали. Коллежский советник терпел. А ведь пить задарма дорогой чай сходятся толпами, все тут как тут... Алексей Николаевич сочинял акт дознания, что тоже не способствовало хорошему настроению. Он вынужден был констатировать, что смерть доктора Филиппова не будет раскрыта до конца. Охранное отделение следило-следило да и прошляпило. А потом вдобавок уничтожило и аппаратуру, и бумаги ученого. Предполагаемый убийца скрылся в Германии. Судя по запискам и камню в галстук, ему хорошо заплатили. Разуваев мечтал пристроиться к казенным заказам – вот немцы его и пристроят.

Однако приключения сыщика еще не закончились. В три часа пополудни на его столе тренькнул телефонный аппарат. Звонили из соседнего подъезда, просили прийти за телеграммой.

Здание Департамента полиции по всем справочникам находится на набережной реки Фонтанки, 16. Но это лишь отчасти правда. По указанному адресу располагается целый квартал правительственных зданий. Он включает в себя пять корпусов, три внутренних двора, главные и боковые ворота, секретную тюрьму, служебную квартиру министра внутренних дел – и почтово-телеграфную контору номер тридцать пять. Вроде бы обычная контора, куда могут зайти посетители с улицы. При этом она обслуживает Департамент полиции, включая его секретную зашифрованную переписку.

Чиновник особых поручений Лыков, замешанный во многих тонких делах, имел здесь собственный ящик. Когда прибывала почта на имя предъявителя трехрублевого билета № 843 177, служащие звонили ему. Сыщик приходил и забирал конфиденциальную корреспонденцию. Если он не мог сделать это лично, с билетом являлся его доверенный человек.

Сейчас время у Лыкова было. Он надел сюртук и пошел в соседний подъезд.

Молчаливый служащий протянул ему экспресс из Москвы. Там было всего одно предложение: «СРОЧНО ПРИЕЗЖАЙ ЯКОВ ПРИ СМЕРТИ ХОЧЕТ ТОБОЙ ГОВОРИТЬ ВАСИЛИЙ». Лебедев! Он вызывает приятеля к себе. Грилюк умирает и готов рассказать перед смертью что-то важное.

Сыщик успел на вечерний поезд и днем был в Первопрестольной. Телефонировал с вокзала Лебедеву, тот сказал:

– Езжай на Третью Мещанскую улицу, в арестантскую больницу Бутырской тюрьмы. Яша Бешеный кончается. Упорный, черт! Надумал в чем-то покаяться, но только тебе. Поторопись, пока он ноги не протянул.

Лыков на всех парах устремился в больницу. Грилюк лежал в одиночной палате и своим видом больше напоминал покойника. Бледный, с черными кругами под глазами, он кашлял беспрерывно. Увидев питерца, анархист первым делом спросил:

– Скажите, Лыков, у поручика, которого я убил, остались родные?

– Мать, – лаконично ответил сыщик. Что вдруг за интерес у Яшки? Не за этим же он вызывал Лыкова из Москвы?

– У меня есть что-то около трехсот рублей... Передайте их ей, ладно?

– Она не возьмет деньги от вас.

Грилюк смутился:

– Я понимаю. Ну соворите, скажите, что по участкам собрали.

– По участкам действительно собрали и уже вручили. Как я объясню, откуда новая сумма?

– От себя дайте.

– Давно отдал. Яков Самойлович, ничего теперь не исправить. Вы убили человека, который почти что и не пожил на белом свете. Его матушка лишилась смысла жизни. Неужели вы надеетесь что-то исправить тремя сотнями андосовских рублей?

Грилюк долго молчал, кашлял, прятал лицо. Алексей Николаевич ждал. Анархист теперь беседует с Богом, нельзя его торопить. Захочет сказать – скажет. Не захочет – его нечем запугать или принудить.

– Я не все сообщил вам в последней беседе... – начал арестант и опять надолго закашлялся. С трудом уняв приступ, продолжил: – Не все. Ко мне приходили эсеры... из Боевой организации...

– Из Боевой организации? Кто?

– Сам Гершуни. С ним был еще один, очень неприятный... Толстый, губастый, наглый. Назвался Иваном Николаевичем... Конечно,

псевдоним... Еврея сразу видать.

– Что они от вас хотели?

– Чтобы я свел их с Филипповым.

– Для чего, не сказали?

– Сказали, – усмехнулся бывший студент. – Оружие хотели у него получить... подрывной аппарат...

– Губернаторов с министрами казнить?

– Берите выше, Лыков. Царя.

Сыщик задумался, анализируя услышанное. Боевая организация готовила цареубийство. И для этого решила заполучить невиданное оружие, созданное социал-демократом Филипповым у себя на квартире. Вот так новость.

– Вы устроили им встречу?

– Да. Она состоялась в моем присутствии за неделю до гибели доктора.

– И... они договорились?

– Обо всем, – ухмыльнулся Грилюк. – Боевики предложили три тысячи рублей, с тем что Филиппов обучит их человека управляться с аппаратом. Михаил Михайлович сказал, что денег за обучение и само оружие не возьмет. Так и так, мол, надо кончать это чудовище... российского императора... Но конструкция пока несовершенна и громоздка. Он сделает другую, более удачную, и отдаст террористам... Переносную! Но ее себестоимость составит восемь-девять тысяч... И на создание уйдет три месяца. Вот эти деньги партия эсэров должна ему дать, потому как своих у доктора нет...

Яша Бешеный снова закашлялся так, что, казалось, сейчас умрет на глазах у сыщика. Но через несколько минут отдышался и продолжил. Было видно, что он держится из последних сил. Вот, значит, как решил анархист искупить свою вину перед убитым им поручиком Белоконем. Уберечь государя от покушения.

– Эсеры ушли, оставив три тысячи задатка. Филиппов собирался ехать во Францию будто бы на встречу с Бертло... На самом деле за частями к новому аппарату. Вот, Лыков, теперь я все сказал. Успел, слава богу. Вы не знаете, мне дадут священника, если попрошу?

– Всем дают.

Алексей Николаевич смотрел на умирающего и искал в своей очерстневшей душе жалость к нему. Или хотя бы сочувствие. Но не находил. Этот человек собирался расстрелять невинных людей и купил себе для изящества замшевые перчатки. Расстрелял бы, дай ему волю... А

сейчас, задыхаясь от кашля, он жалеет полицейского офицера. Единственного, кого удалось убить. Душа человека, конечно, потемки. Но в ленте было двести пятьдесят патронов. Жалел бы Яшка Бешеный тех, кто попал бы под его свинец? Или красовался бы во фраке и белом галстуке, думая, какой он особенный?

– Прощайте, – сказал коллежский советник и хотел уйти. Он так и не нашел слов утешения, да и благодарности за полученные важные сведения не испытывал. В глазах стоял поручик Белоконь, молодой, гибкий, веселый... Живой.

– Погодите, Лыков! Отдайте деньги матери, как-нибудь...

– Говорю же вам: она не возьмет. А обманывать я не буду. Неужели непонятно? Старушке уже все равно, есть у нее лишние три сотни или нет. Жизнь так и так кончилась. Пожертвуйте лучше на тюремную библиотеку.

И сыщик ушел. Всю дорогу обратно в Петербург он думал. Дело доктора Филиппова приняло новый оборот. Изобретатель подрядился ни больше ни меньше как изготовить оружие для царевубийства. Если охранное отделение об этом знало, тогда поведение Сазонова получало объяснение. Сжечь, сломать, стереть с лица земли проклятое наследие ученого. И самого доктора не жалко, кто бы его ни прибил...

Гершуни. Алексей Николаевич занимался уголовным сыском, но эту фамилию знал. Рассказывали, что вожак террористов обладает гипнотическими способностями и убеждает людей бесстрашно идти на верную смерть. Вот и гениального ученого уговорил. Черт возьми, что же это такое? Умный, всесторонне образованный, талантливый русский человек направил свои дарования на убийство государя! Какое будущее может быть у страны, где творится подобное? Почему ученый и власть не могут договориться для пользы народа?

Еще больше угнетала мысль, что немцы сделали доброе дело, устранив Филиппова. Доброе для России. И зачем тогда искать убийц?

Прямо с вокзала Лыков зашел к Зубатову. Тот был не один: рядом сидел подполковник Сазонов. Похоже, эта парочка стала неразлучной.

– Господа, кто такой у эсеров Иван Николаевич?

– А что за интерес? – встрепнулся подполковник.

– Он приходил к Филиппову вместе с Гершуни, – пояснил Лыков. – Незадолго до его смерти. Торговали подрывной аппарат, и доктор согласился!

– За девять тысяч взялся изготовить новый, лучше старого? – ухмыльнулся Зубатов.

Коллежский советник пристально посмотрел на надворного:

– Сергей Васильевич, так вы знали об этом?
– Конечно, знали. Наблюдение ведь было поставлено. А вы решили, что мы прошляпили? И вообще ничего не можем?

– Ну... примерно так.

Сазонов желчно усмехнулся:

– Дурачками нас представляли? А мы умнее, чем кажемся. Теперь понимаете, Алексей Николаевич, почему такое к Филиппову отношение? На царя покусился, стервец! Взял подряд и условия обговорил. Гори он в аду! Еще убийц его искать... Прихлопнули и правильно сделали!

– Почему вы не рассказали мне этого сразу?

Жандарм смутился, но надворный советник пояснил:

– Берегли внутреннее осведомление. Вы ведь как налетели? Подать мне Ляпкина, подать мне Тяпкина, у меня открытый лист от министра... Финн-Енотаевский до сих пор не в себе после знакомства с вами. Опасно секретному агенту раскрывать свою личность посторонним. А вы, Алексей Николаевич, при всем к вам уважении, политическому сыску лицо постороннее. Я не упрекаю Якова Григорьевича за то, что он уступил вашему давлению и свел с Енотаевским. Я сам ему это разрешил. Но других имен вы от нас не узнаете.

Зубатов встал, прошелся по комнате. Он как будто сделался выше и осанистей.

– И вообще, Алексей Николаевич, отложите ваше служебное рвение. Ни к чему оно в таком деле. И бумажкой своей, подписанной Плеве, тут не машите. За политическую агентуру перед министром отвечаю я. Эти люди ежедневно рискуют жизнью. Любая утечка для них губельна. Секретные осведомители – передний окоп борьбы с террором, там жизнь человека кончается в один миг. Я их берегу, я их понимаю. Я им сочувствую. Бросьте требовать лишнего, пожалейте и вы этих мучеников.

Лыков не нашел, что возразить. Заведывающий Особым отделом был не просто чиновник. Он создал целую культуру общения с агентами, поставил политический розыск в империи на недостижимую прежде высоту. Зубатов стал отцом-основателем новых охранных отделений. И не жалел сил и времени на укрепление монархии. Сергей Васильевич был на две головы выше любого правоохранителя, включая Лыкова. И он знал об этом, и Лыков тоже.

Неловкую паузу прервал Зубатов. Он глянул на часы и сказал:

– Вот что, уважаемый Алексей Николаевич. Мы немного извинимся перед вами за молчание и откроем некоторые карты. Хотите поучаствовать в одном интересном допросе?

– Кого будете потрошить?

– Сейчас сюда приведут штабс-капитана Григорьева. Этот офицер был слушателем Артиллерийской академии, но вдруг очутился в террористах. Его вместе с другим слушателем, Надаровым, завербовал все тот же Гершуни. Артиллеристы намеревались убить Плеве и Победоносцева. Но не только! Гершуни предложил офицерам испытать новый подрывной аппарат, опытную модель. Понимаете, о чем шла речь?

– Аппарат Филиппова, – пробормотал сыщик.

– Именно.

– Спасибо, Сергей Васильевич, весьма признателен.

Лыков принял участие в допросе и узнал новые неприятные факты. Более всего он был поражен тем, что в террористы подался офицер. Офицер! Присягу давал. Его дело – страну защищать от внешних угроз. А тут молодой образованный человек, с приятным одухотворенным лицом, говорит такие вещи.

Штабс-капитан Григорьев теперь и сам уже не мог понять, как поддался на уловки боевиков. По его словам, Гершуни был просто дьявол. Он буквально загипнотизировал их с Надаровым, парализовал волю и способность рассуждать независимо. Сейчас офицера вместо академического знака ждала тюрьма. В лучшем случае разжалуют в рядовые и отправят в дальний гарнизон...

О загадочном оружии Григорьев знал мало. Со слов Гершуни, оно способно на расстоянии в несколько сот сажений взорвать каменное здание. Хоть крепостной форт, хоть Зимний дворец. И уничтожить всех, кто там находится. Оружие должно появиться у Боевой организации к Рождеству.

Алексей Николаевич вернулся к себе хмурый. Уже и офицеры начали изменять присяге. Причем штабс-капитан Григорьев, очевидно, умный и порядочный, но попался в сети. Его счастье, что в разговоре с Гершуни у них не дошло дело до покушения на царя. Только намекнули про Зимний дворец. Иначе сейчас беднягу ждала бы петля. А так... Получит урок и, может быть, одумается, станет верным слугой Отечеству.

После открытия новых фактов отношение сыщика к Филиппову изменилось в корне. Энциклопедист чертов! Взял подряд на совершение массового убийства. Взорвать и поджечь здание вместе со всеми, кто в нем есть... Но ведь в Зимнем дворце постоянно находятся сотни и даже тысячи людей. А шедевры мировой живописи – их тоже спалят?

Уже к вечеру Алексей Николаевич занес свои открытия в черновик акта дознания. И в мрачном настроении отправился домой. Идти ему было до Моховой пять минут. Жандармы оказались умнее, чем думал о них

сыщик. Все они знали. И не позволили опасному оружию попасть в руки террористов? Лыков даже остановился от неожиданной мысли. Неужели он прав? Сазонов окружил доктора Филиппова плотным осведомлением, может быть, он засек и немцев? И дал им прикончить изобретателя? Тогда бумаги, что достались германской разведке, – ерунда. Их или проредили, или даже подправили. Резидент получит от кайзера орден, но стрелять пушка Филиппова не сможет. А Дурново хладнокровно солгал коллежскому советнику, что Сазонов ничего от него не скрыл...

Внезапно кто-то сзади крепко взял сыщика за плечи. Он не успел ни удивиться, ни вырваться. Другой зашел спереди и ткнул коллежского советника в грудь стволом револьвера. Опять! Второй раз за два дня!

– Господин Лыков, не глупите, ежели хотите жить, – приказал человек с револьвером. – Ответьте на наши вопросы, и, может быть, мы вас отпустим.

– Может быть? – уточнил Алексей Николаевич. – А может и не быть? Что вам надо?

Тот, что стоял сзади, отпустил сыщика и переместился вбок. И тоже достал револьвер. Затем хмыкнул с угрозой:

– Шутить изволят? Ну-ну. Сейчас дошутятся.

– Нам нужны ответы на вопросы, – пояснил другой.

Сыщик меж тем пришел в себя и рассмотрел нападавших. И тут же решил, что этих он захватит. Предыдущие ребята были опытные уголовные и ножи держали как полагается. Видно было, что зарежут вмиг – дело привычное. Эти из интеллигентов, пушки нацелили, а сами стрелять не готовы. Или готовы, но им понадобится секунда-другая, чтобы решиться. Кто же им даст секунду? Точно не он, Лыков.

– Спрашивайте, – лаконично сказал коллежский советник. Он решил сначала выяснить, кто это и что им нужно. На вид эсеровские боевики, пришли, возможно, по делу Филиппова...

Сыщик угадал. Наверно, Яшу Бешеного перед смертью загрызла совесть, что выдал товарищей по борьбе. И он пустил их по следу питерца.

– Кто сообщил охранке, что Иван Николаевич с Гершуни были у Филиппова? – начал старший, с офицерскими усами.

– А вы задайте этот вопрос Сазонову, – спокойно ответил Лыков.

Тот, что стоял сбоку, нервный, лохматый, сразу перешел на визг:

– Дай я его кончу! Полицейская ищейка, еще ломается!

Первый как ни в чем не бывало произнес:

– Зададим, когда поймает. Пока что поймали вас.

– Ой ли? – Коллежский советник откровенно издевался.

– Вы у нас на прицеле, – напомнил боевик.

– Ах, вы об этом...

Сыщик сгреб лохматого, развернул спиной к себе, одной рукой захватил руку с револьвером, а второй обнял за шею. Все это он проделал за доли секунды. Противник задержался, пробовал вырваться – где там. Сыщик чуть нажал – у парня подкосились ноги.

Старший растерянно смотрел на это и не знал, что предпринять.

– Стреляй... – прохрипел лохматый.

Алексей Николаевич топнул ногой:

– Обоих придушу, сукины дети!

От этих слов «офицер» вдруг весь съежился, показал Лыкову тыл и обратился в бегство. Тот выпустил пленного и кинулся следом. Но едва сделал несколько шагов, из подворотни по нему открыли огонь. Выяснилось, что имелся и третий боевик. Он стрелял метко: одна пуля пробила полу сюртука, вторая распорол воротник и обожгла шею. Сыщик был без оружия и укрылся за тумбу. Постоял так, приходя в себя и

ощупывая, цел ли? Вроде цел... Пока ощупывал, те двое, судя по звуку шагов, сбежали.

Алексей Николаевич развернулся и бросился назад. Там остался другой террорист. Полупридушенный, он не сможет сопротивляться. И револьвер парень вроде бы выронил. Но пока полицейский бегал туда-сюда, лохматый пришел в себя. Он подобрал наган и тоже дал стрелкача. Ну уж этого не упущу, решил Лыков и прибавил ходу. Боевик понял, что ему не оторваться, и шмыгнул в ближайший подъезд. Лыков налетел следом, распахнул дверь – и тут же отпрянул. Раздался выстрел, пуля тонко пискнула и ушла в ночное небо.

Алексей Николаевич прикрыл дверь и застыл снаружи. Теперь злодею никуда не деться. Из подъезда сыщик его не выпустит, а на выстрел вот-вот прибежит подмога.

И точно, от соседнего подъезда явился дворник:

– Шо за шум?

– Там террорист, с револьвером, – пояснил сыщик и протянул дворнику свой свисток: – Дуй на Пантелеймоновскую и свисти что есть мочи.

– Есть, ваше благородие! – сообразил мужик и помчался со двора. Вскоре раздалась его трели, на них отозвался постовой от вторых ворот Департамента полиции. Со всех сторон стучали сапоги, к Лыкову спешили на помощь.

– Эй, сдавайся, – крикнул он боевику. – Только не убей никого с перепугу. Поживешь еще тогда...

И тут же изнутри грохнуло. Сыщик сразу все понял. Он ворвался в парадное: так и есть. Террорист лежал на полу, из раны в груди, пульсируя, вытекала кровь. Сообразив, что ему не вырваться, лохматый покончил с собой.

Утром паломничество в кабинет Лыкова повторилось. Все тыловые крысы Департамента полиции сочли своим долгом навестить героя ночного происшествия. Они совали палец в дыру от пули на сюртуке, разглядывали ожог на шее, хвалили сыщика. А тот был мрачен. Взять живым противника не удалось, а мертвые показаний не дают. С утра Алексей Николаевич положил в подмышечную кобуру «смит-вессон» и решил до окончания дознания с ним не расставаться.

К полудню самоубийцу идентифицировали. Им оказался житомирский мещанин Толстолес. По картотеке ПОО он проходил как кандидат в члены Боевой организации. Алексей Николаевич опознал по фотографии второго нападавшего, с офицерскими усами. Некто Савинков, только что

сбежавший из вологодской ссылки. Вроде бы он социал-демократ и должен быть в Женеве. А он эсер и бродит себе здесь, в столице. Вот и верь после этого картотекам.

Глава 8

В тисках шпионства

Алексей Николаевич дописывал черновик акта дознания. Времени было вагон, никто ему не мешал. Начальство разъехалось, и не только оно. В столице стояло теплое лето. Все, кто мог, укатили на дачи. Семейство сыщика давно уже поселилось в Нефедьевке. Сыновьям стукнуло по девятнадцать лет, они росли богатырями, в отца. Юнкера на каникулах шалили: ходили на медведя с рогатиной, переплывали Ветлугу, дрались с деревенскими парнями из-за девок – вытворяли все, что полагается в таком возрасте. Дочка, принцесса Шурочка, тоже не сидела без дела. Она пригласила в имение своего приятеля-француза, с которым семейство познакомилось год назад в Париже. Молодой ученый, милый умный человек, похоже, влюбился в юную барышню всерьез. Александра тоже поддавалась. Варвара в частых письмах подробно сообщала, как развивается франко-русский роман. Осенью не избежать помолвки. Уедет, уедет принцесса Шурочка далеко-далеко, в Париж, в Латинский квартал. Родит там детей, лыковских внуков, и станут они французы. Что ж, пусть так. Лишь бы дочке было хорошо.

Предоставленный сам себе, сыщик никуда не спешил. Он сходил на Газовую, в сад «Альгамбра», где слушал «Птички певчие» Оффенбаха и дамского имитатора господина Арсикова. В театре «Буфф» посмотрел на знаменитую Вяльцеву в оперетте-феерии «Госпожа Луна». Разок отужинал в ресторане гостиницы «Европейская», славящемся не только кухней, но и дорогими девками. Мог там подцепить этуаль, но раздумал...

По утрам Алексей Николаевич долго пил кофе и читал газеты. Июль 1903 года был беспокойным. В мире творилось черт знает что. Умер папа Лев XIII, ему долго искали преемника и наконец избрали Пия X. Странное какое имя... Еще пресса много писала о недавнем перевороте в Сербии, где военные выкинули в окно короля Александра Обреновича и королеву Драгу. Новый монарх Петр Карагеоргиевич взошел на престол и не наказал убийц. Видать, боялся, что полетит следом... А в Донском округе, в имении Варламова произошло страшное происшествие. Помещик взял на сельские работы тридцать три девушки из ближайших деревень. Они жали хлеба, а ночевали в большой клуне. Туда ломились парни, не давали работницам спать. И те попросили объездчика запереть их на ночь снаружи на висячий

замок, чтобы отвадить охальников. Тот повесил замок и уехал, а вскоре клуню зажгли... Все девушки сгорели заживо, а поджигателя так и не нашли.

Рядом шли другие новости, повеселее. Полицией Второго участка Петербургской части задержан неизвестно кому принадлежащий боров белой масти. Если хозяин не объявится, то борова съедят. А с английской принцессой Викторией на балу произошел казус: танцевала с офицером, зацепилась платьем за его шпору и упала. Барышню вынесли из зала в обморочном состоянии. Что за глупые англичане! Наши офицеры на балы ходят в башмаках, берегут своих дам... Да и платья давно пора сделать короче! Лучше сразу до коленок.

Ленивые размышления сыщика прервало появление служителя. Он принес записку, как оказалось, от ротмистра Лаврова. Тот писал: «Выяснились новые факты, откуда прохвост Ш. брал чертежи. Приезжайте».

Прохвост Ш. – это, конечно, Шиммельман. Именно с перехвата его письма началась история с дознанием. Похоже, морской агент руководил операцией по устранению Филиппова. А теперь контрразведка выяснила, как именно капитан цур зее ворует секретные чертежи наших новых крейсеров. Совсем колбасник распоясался! Пора это прекратить.

На Таврической, 17 Лыкова уже ждали. Олтаржевский в новенькой пиджачной тройке смотрелся вполне элегантно. Лавров тоже оделся в партикулярное. Он был нервически весел и что-то даже насвистывал.

– По какому поводу радость, Владимир Николаевич? – спросил гость, пожимая офицерам руки.

– Нашел я, кто собаке Шиммельману чертежи поставляет, – сообщил ротмистр. – Оказалось, тоже иностранец. Шведско-норвежский военный агент Карл Гейгер Лейонхювуд. Фамилия – язык сломаешь!

– Шведский агент помогает немецкому?

– А что тут странного? За деньги, разумеется. Никакого тайного соглашения между Швецией и Германией, по нашим сведениям, нет. Это частная инициатива Лейонхювуда с целью подзаработать.

– Как вы это установили?

– Камердинер вице-резидента Притвица сработал, – пояснил контрразведчик. – Помните, я рассказывал? Ганс Шютц. Вынул из кармана хозяина записку с именем шведа. Мы начали следить и засекли две встречи подлого скандинава с бароном Шиммельманом. Оба раза в ресторане гостиницы «Караванная». Швед сунул немцу пакеты, большие! А тот ему конвертики. Видать, с деньгами.

- Хм. А откуда скандинав берет секретные чертежи?
- По этому вопросу и совещание, – ответил Лавров. – Сегодня гнусится на Балтийскую судовой верфь. Он там часто ошивается.
- На судовой верфи и строятся наши новые корабли?
- Да. Я предполагаю, что Лейонхювуд купил там кого-то из инженеров. И тот рисует шпиону копии.
- Швед выполняет задание германской разведки? – вступил в разговор Олтаржевский.
- Очевидно, – кивнул Лавров. – Немцы знают, что находятся под наблюдением. И выдвинули в боевую линию стороннего человека.
- Надо взять этого стороннего в проследку, – подумал вслух коллежский советник.
- Согласен с вами, – отозвался хозяин кабинета. – Прямо сегодня и начнем. Он явится в завод через два часа. Идемте туда втроем и понаблюдаем за шельмецом. Вельзевулово семя!
- Словарь бранных выражений был у ротмистра богатый.
- Втроем? – усомнился Лыков. – Зачем толпой ходить? Бросимся в глаза.
- Не бросимся. Мы с Марианом Ольгердовичем переоденемся морскими офицерами. На заводе их пруд пруди, никто ничего не заподозрит.
- Моряками? – оживился поручик. – С детства мечтал.
- Старшие чины рассмеялись:
- Ну вот и сбудется мечта детства!

В итоге на Балтийском заводе появились три новых человека. Один лет сорока пяти, плотный, уса́тый, с заурядным лицом, одетый в деловую визитку. И двое флотских: седоголовый кавторанг и совсем молодой мичманок. Они разошлись каждый по своим делам. Чуть позже прикатил шустрый иностранец. Огляделся по сторонам и начал деловито ходить по корпусам огромного завода. Заглянул в конструкторское отделение, оттуда перешел в цех артиллерийских вооружений, а затем и в сухой док. Время от времени иностранец вступал с кем-то в короткие разговоры, иногда вынимал памятную книжку и что-то в нее заносил. Никто не обращал на него внимания. Балтийская судовой верфь никогда не стоит без дела. Всюду рабочая су́ета, гремят станки, визжат под потолком кран-балки. Огромные корпуса боевых кораблей, словно скалы, возвышаются на бесконечно длинных стапелях.

Лыков вел шведа по левому флангу. И в переходе из корпуса в корпус смог заметить, как тот сунул что-то в карман хмурому мужчине. С виду это

был мастер или артельщик. Получив передачу, мужчина направился дальше, тревожно озираясь по сторонам. Сыщик тут же решил следовать за ним. Лейонхювуда ведут еще двое, а этого – никто.

Началась необычная слежка. Хмурый чувствовал себя на гигантском предприятии как дома. Он шел быстрым уверенным шагом, время от времени заглядывал ненадолго в разные помещения, а на выходе проверялся. Алексею Николаевичу было трудно: он не знал верфи. Еще сыщик оказался слишком заметен в своей визитке, когда все вокруг были одеты по-рабочему.

Неожиданно возле электрического цеха хмурый так же на ходу, как и получил, сунул сверток в руку другому мужчине. Лыков растерялся. Что делать? Идти за новым объектом или наблюдать старый? Раздумывать было некогда. За секунду приняв решение, он пошел за хмурым. И вскоре оказался у причальной стенки. Внизу плескалась Нева, с моря шла мелкая рябь. Новенький миноносец чуть ерзал на волнах, терся о стенку, но швартовы держали крепко. Объект по-хозяйски прошел на корабль, кивнув вахтенному матросу. Лыков выждал минуту, подошел к сходням и спросил:

– Кто это сейчас шмыгнул?

Матрос недовольно покосился и промолчал. Знает службу! Тогда сыщик показал полицейский билет и повторил вопрос.

– Мастер по гальванике, – ответил часовой и добавил: – Вы бы обратились к господину лейтенанту, а мне на часах разговаривать не полагается.

– Где он?

– На корабле.

Лыков, не спрашивая уже разрешения, прошел на миноносец. Куда делся этот гальванист? Он обежал корабль по левому борту, каждую секунду ожидая, что его остановят. Однако нижние чины лишь недоуменно косились на штафирку, а офицеры не попадались. Хмурый пропал. Алексей Николаевич остановился, глянул за борт. Что делать? Он решил отыскать командира и у него выяснить личность гальваниста. Но не успел. Кто-то сзади сильно толкнул его в спину, и сыщик кубарем полетел в воду.

Оглушенный падением, он сначала нахлебался воды. Но вынырнул и стал молотить руками, крича при этом:

– Помогите! Человек за бортом!

Помощь пришла быстро. С миноносца бросили конец, грубый голос прокричал:

– Хватайся, лямой!

Мокрого и слегка ошалелого сыщика подняли на борт. Свирепый

офицер с лейтенантскими погонами заорал на него:

– Кто таков? Как оказался на военном корабле?

Вид у коллежского советника, надо признать, был жалкий. Но он быстро взял себя в руки. Дурацкая ситуация: время потеряно, объект скрылся. Однако кое-что сделать можно.

– Лейтенант, прекратите орать и проводите меня в вашу каюту.

– Ах ты...

– В каюту, я сказал, – сыщик произнес это таким тоном, что командир миноносца прикусил язык. Через минуту в крохотном закутке он прочитал запаянный в стекло полицейский билет сыщика и спросил:

– Что это значит?

– На ваш корабль проник вражеский агент. Я следил за ним, но он меня заметил. И вот, выкинул за борт. Бывает...

– Бывает, господин коллежский советник, – согласился офицер, давась от смеха. – Рому хотите? А то вы мокрый весь, как водяной.

– Давайте, – согласился Алексей Николаевич. – И пошлите, пожалуйста, вестового к проходной. Там стоит парная пролетка, извозчик бляха номер сто двадцать четыре. Пусть едет прямо сюда и заберет меня.

– Будет сделано, – кивнул лейтенант, наливая незваному гостю полный стакан рома. – Вестовой, ко мне!

Когда матрос ушел, сыщик сделал большой глоток и сказал благодушно:

– Уф... Вот за это спасибо... Последний раз я чувствовал себя таким идиотом на турецкой войне. Представляете, взял в плен богатого мачахальца, народность есть такая. Кинжал в серебре, шашка, конь что надо... И выючная сума весит пуд. Я ее развязываю, ну, думаю, там не иначе золото. И что же?

– Что? – заинтересовался лейтенант.

– Наши фальшивые рубли, свинцовые и покрытые оловом. Я их потом казакам подарил, а те пустили в дело.

Собеседники посмеялись и отхлебнули еще рома. Внутри у сыщика поднялось благотворное тепло и стало разливаться по организму.

– Так кто вас за борт-то выкинул?

– Какой-то гальванический мастер. Рост выше среднего, бритый, пятидесяти лет примерно. Надо расспросить часового, он его пропустил.

– Бритый? – переспросил офицер. – Похож на немца?

– Да.

– Он и есть немец. Зовут Мюллер. Чинит гальванические батареи в торпедном отсеке от компании «Сименс-Шуккерт». Значит, Мюллер, по-

вашему, шпион?

– Вы этого не спрашивали, а я не говорил, – многозначительно ответил сыщик.

Лейтенант все понял и больше не задавал вопросов. Они выпили чуть не всю бутылку, а затем мокрого, но уже согревшегося Лыкова отвезли домой. Переодевшись, он вновь приехал на Таврическую.

Там горе-филера встретили взволнованные коллеги.

– Алексей Николаевич, как же вы так? – хлопотал Лавров и пытался отпоить пострадавшего чаем. А Олтаржевский порывался сбегать в аптеку.

– Отставить! – повысил голос коллежский советник. – Я цел и уже обсох. Даже рому напился на миноносце. Чувствую себя, правда, как последний дурак, но это мелочи.

Он рассказал о слежке за Мюллером и о том, как тот незаметно смог зайти ему за спину.

– Короче говоря, я его упустил, – завершил свой рассказ сыщик. – Глупо, ох глупо. И того, второго, которому передали сверток, тоже теперь не найти. А бумаги у него.

Тут заговорил Арзамасцев, который все это время молча сидел в углу:

– Человек, что получил документы, черноволосый, в защитном пыльнике?

– Да, – ответил Лыков и просветлел: – Платон Ануфриевич, неужели?

– Именно так, – улыбнулся Лавров. – Я подкрепил вас своими филерами. А говорить не стал, чтобы не расслаблялись. И Арзамасцев отличился. Он тоже заметил факт передачи от Мюллера. Вы, Алексей Николаевич, пошли за гальванистом... и оказались в воде, ха-ха... А он проследил черноволосого. Платон Ануфриевич, доложите.

Арзамасцев степенно, в подробностях начал рассказывать:

– Значит, заметил я того черного. Сразу бросилось мне в глаза, что он настороже. Идет не как простой человек, а оглядывается, норовит схитрить. Ну, я расстояние удвоил. Объект покрутился по заводу, ни с кем в разговоры не вступал и через час вышел за проходную. Бумаги при нем. Еще долго он водил меня по Чекушам, а затем скрылся в казармах лейб-гвардии Финляндского полка. Часовой ему слова не сказал, значит, он там свой. Я боком-боком тоже пробрался...

– Мимо всех постов? – ухмыльнулся Алексей Николаевич.

– А куда деваться? Шмыгнул, значит, и принялся чернявого искать. Нашел и личность выяснил. Зовут Иван Скоробогатов, жилец у отставного оружейного мастера при казармах второго батальона. Числится на Балтийском заводе, но чем занимается, никто не знает. Скоробогатов живет

замкнуто, дружбу ни с кем из соседей не водит. Часто ездит в Москву, а иногда в Ригу...

– Опять Рига, – хлопнул себя по колену сыщик.

– ...Всегда при деньгах, за квартиру платит вовремя. Не пьет, не буянит, жилец хороший. Одно подозрительно хозяину: наш Ваня откуда-то знает по-немецки.

– Вот как? – оживился Владимир Николаевич. – Почему хозяин так решил?

– Донесся однажды разговор. Явился к жильцу гость, закрылись они в комнате, но отставной мастер случайно подслушал.

– Интересно, – констатировал поручик Олтаржевский.

– Не то слово, – подхватил Лавров. – Балтийский завод прежде принадлежал англичанам. Но в девяносто четвертом его выкупила казна, и сейчас там правит Морское министерство. Новейшие и лучшие военные суда делают на этом заводе. Самый большой стапель в России у них. Похоже, шпионы свили на верфи гнездо.

На этих словах вошел служитель и положил ротмистру на стол записку. Тот прочитал ее и воскликнул:

– Разбегаются, сукины дети! Поняли, что мы их заподозрили.

– Кто разбегается? – почуял неладное сыщик.

– Оба два. Мюллер взял билет до Риги, а Скоробогатов – до Москвы.

– Надо попробовать их проследить! Бумаги страшат Скоробогатова, он их или сожжет, или спрячет. Видимо, после того как меня заметили, ребята решили лечь на дно.

– Бумаги нужно найти любой ценой, – нахмурился жандарм.

– Давайте поступим так. Я поеду в Москву, одним поездом с чернявым, – предложил Лыков. – Телеграфирую Лебедеву, это начальник Московской сыскной полиции, чтобы с вокзала Скоробогатова взяли под наблюдение...

– Вернее будет арестовать, – перебил ротмистр. – Прямо на вокзале, пока он не передал никому документы.

– Владимир Николаевич! – вспыхнул сыщик. – Вы же опытный розыскник. Зачем сразу арестовывать? В кои-то веки обнаружили германского шпиона. Надо связи его посмотреть. Явки в Москве. Сообщников открыть. Нет, никаких арестов на вокзале. Я попробую его выследить, получить и документы, и агентуру. А Платон Ануфриевич отправится в Ригу, следить за Мюллером.

Предложение приняли без дискуссий. Только Олтаржевский увязался за сыщиком в Первопрестольную. Тот не возражал: помощник может

пригодиться, а учиться Мариану Ольгердовичу лучше на глазах у Лыкова.

Утром на московском перроне Алексей Николаевич увидел Рукосуева. Тот был с перевязанной головой: контузия еще не зажила. Сыщик взглядом показал старшему филеру объект слежки, тот так же молча отправил за ним своего подчиненного. А Лыков с Олтаржевским поехали в Гнездниковский переулок.

Лебедев сидел за письменным столом и правил гранки книги.

– Словарь заканчиваешь? – догадался коллежский советник.

– Да. Взгляни, может, чего дополнишь.

Начальник МСП готовил к изданию словарь воровского жаргона. Публике интересно, а сыщикам польза. Лыков начал читать и с ходу делать замечания. Так прошло около часа. Василий Иванович почаявничал с гостями, а потом отослал их в кухмистерскую. Питерцы закусили и вернулись. Их уже ждал Рукосуев.

– Так что, ваше высокоблагородие, выследили мы вашего. Но получилось плохо.

После того как Лыков, рискуя жизнью, вывел старшего филера из-под огня, тот держался с питерцем подобострастно. И сейчас лицо москвича выражало едва ли не горе. Хотел услужить, а не смог!

– Что значит плохо, Рукосуев? Уточни.

– Ну, объект зашел в Свиной дом.

– Понятно... Вот тебе и вскрыли агентуру! Прав оказался Лавров: надо было брать шпиона прямо на вокзале.

– Почему? – встрял Мариан Ольгердович.

Лыков обернулся к поляку и пояснил:

– Свиной дом – это строения между Певческим и Петропавловским переулками на Хитровке. Почтовый адрес один дробь два, но на самом деле там несколько корпусов. Угловой называется Утюг, казармы за ним – Сухой овраг. В Свином доме шестьдесят четыре ночлежки, два кабака и подземные укрытия для беглых. С недавних пор все домовладение принадлежит Кулакову, хозяину знаменитого притона «Каторга»; он купил его у инженера Ромейко. Полиция в Сухой овраг не ходит, вести там наблюдение нельзя.

– А почему Свиной? – спросил Олтаржевский. – Там хлев?

– Нет, это же центр Москвы. Раньше, в начале века, Певческий переулок назывался Свиный, по имени знаменитых бояр. У них была тут усадьба. А нынешние обитатели хуже свиней, так что название в точку.

– Что же нам делать? Почему нельзя поставить наблюдение?

– Потому что Хитровка, – буркнул коллежский асессор.

Лыков остановил приятеля:

– Василий Иванович, не сердись. Мариан Ольгердович в Москве редкий гость, на Хитровке не был ни разу.

– Вот пусть сходит и сам поглядит, – желчно парировал Лебедев.

– Мы с ним вместе сходим, – миролюбиво предложил коллежский советник.

Тут до начальника МСП дошло. Он воздел руки и воскликнул:

– Не пущу! Ни тебя одного, ни вас обоих!

– Придется пустить, Василий Иванович, – еще мягче сказал Лыков. – Мы же не гулять просимся, у нас приказ министра.

Москвич смотрел на питерцев и колебался.

– Правильно, – кивнул Алексей Николаевич. – Дело серьезное, следует все продумать. Но идти надо.

– Облава?

– Возможно. А если Скоробогатов уйдет через подземные ходы?

– Те ходы в пользовании у бандитской аристократии, – возразил Василий Иванович. – А твой Скоробогатов кто для этого? Он что, «иван»? Навряд ли.

– Рукосуев, ты приметы нашего гостя по картотеке не смотрел? – обратился Лыков к старшему филеру.

– Пока нет, ваше высокоблагородие. Разрешите приступить?

– Даю подсказку: он, возможно, немец. Погляди в иностранцах. И побыстрее возвращайся, будем готовить облаву.

Сыщики стали набрасывать план операции и рассчитывать необходимые для этого силы. Поручик сидел рядом и учился.

– На Яузский и Покровский бульвары кого поставим?

– Конно-полицейские разъезды.

– Согласен. Для полного оцепления Свиного дома потребуется человек восемьдесят.

– Возьми из резерва. Эх, жалко, Белоконь погиб! Храбрый человек, он бы нам сейчас пригодился.

– Чего теперь... А в самих казармах как?

– Внутрь пусть войдут три отряда. В каждом по десять городских, во главе сыскной надзиратель.

За такими разговорами прошел час. Вдруг дверь кабинета распахнулась, и ввалился старший филер. Улыбка у него была до ушей.

– Ваше высокоблагородие, нашел!

– Кого? Скоробогатова?

– Так точно! И никакой он не Скоробогатов, а природный немец,

правильно вы подсказали. Иоахим Гамбургер его зовут. Проходил у нас по мошенничеству четыре года назад, отсидел восемь месяцев в Таганской. По ремеслу переплетчик.

– Вот как, – обрадовался Лыков. – Василий Иванович, где у вас переплетчики сидят?

– Пятая казарма, второй этаж.

– Туда я пойду самолично.

Облаву решили начать в восемь вечера. Обитатели ночлежек уже начнут заселяться, а ночные охотники еще не уйдут на промысел. Лебедев собрал большие силы наружной полиции и подкрепил их своими людьми. Ровно в восемь по переулкам зазвучали свистки. Свиной дом быстро обложили со всех сторон. Коллежский советник вошел в пятую казарму, где была ночлежка переплетчиков. Мариан Ольгердович занял позицию сбоку от него и вынул револьвер.

– Уберите, он не потребуется, – сказал сыщик.

Поляк посмотрел на рожи, что высунулись из дверей, и замешкался.

– Уберите! – прикрикнул Лыков и полез по заплыванной лестнице на второй этаж. Через десять минут все обитатели казармы стояли во дворе и вполголоса матерились.

– А ну тихо, народец! – зычно скомандовал коллежский советник. – Встали в круг, разговор есть.

Хитрованцы построились. Лыков вытолкнул вперед лже-Скоробогатова.

– Знаете этого человека?

Толпа молчала, ожидая объяснений. Они не замедлили быть.

– Это германский шпион, зовут Гамбургер. Вся облава из-за него. Он нам нужен, не вы.

– Ишь, сволочь, – подал голос старый оборванец. – Загорелась душа до винного ковша, а тут парься...

– Барин, че ж мы-то стоим? – оживилась толпа. А из соседних корпусов отряды городских сгоняли все новых и новых обитателей.

– Сейчас поясню, – так же громко ответил Лыков. – У шпиона этого были с собой бумаги. Важные секретные бумаги. А при аресте их не оказалось. Спрятал он их куда-то.

– И че?

– Так пока мы эти бумаги не найдем, будете здесь стоять.

Хитрованцы было заголосили, но питерец скомандовал:

– Молчать! Я еще не кончил.

Толпа притихла, но на шпиона уже смотрели неприязненно.

– Это полбеда, что вы тут маленько попаритесь. Хуже другое. Если документов не найдем, всех вас отправлю в Гнездниковский, в стол приводов. Для удостоверения личности. Кто окажется бесписьменный, того вон из Москвы, по месту жительства. Кто беглый или в розыске – в тюрьму. Выбирайте, православные.

Тут народ окончательно осерчал. Гамбургера окружили и начали угрожать ему, требуя, чтобы отдал полиции бумаги. В противном случае обещали разбить башку. Городовые едва справлялись с толпой. Немец вжал голову в плечи, но только разводил руками. Вдруг рослый детина подошел к Лыкову, сдернул шапку и сказал:

– Ваше высокое благородие! Нету их у нас, хоть разорвись. Я сам видал, как этот байстрюк вручил чевой-то Мишке Драгуну. У него секретные бумаги, как пить дать.

– Что за Мишка Драгун?

– Ну, он эта... из подземных.

Толпа замолчала и обратилась в слух. Подземные жители Свиного дома, или иначе волки Сухого оврага, были люди серьезные. Гайменники, промышлявшие по всей Москве грабежами, а часто и убийствами, прятались здесь от полиции.

– Заплатил ему немец за хранение? – предположил сыщик.

– Не иначе.

– Тебя самого как зовут?

– Васька Весельчак.

– Ты вот что, Василий. Сходи туда и узнай, как тамошний народ смотрит. Вернут они нам ту бумагу – и мы сразу вас отпустим. Тихо станет на Хитровке. Вся полиция уберется, обещаю.

– Ага. Я мигом.

Весельчак убежал в седьмую казарму – видать, там были выходы из подземелий. Хитрованцы стояли, ждали решения своей участи. Они курили, выпивали, кто-то кому-то уже начал потихоньку чистить морду.

– Ну-ка тихо там! – прикрикнул Лебедев. – А то не посмотрю на обещания его высокоблагородия господина Лыкова, никого не отпущу, пойдете все на опознание.

Минут через десять гонец вернулся и доложил сыщикам:

– Не отдают.

– А ты сказал, что иначе всю толпу арестуем и в цинтовку^[32] посадим?

– А то! Но они говорят, им за хранение сто рублей обещали. А весь этот сброд, – Васька кивнул через плечо, – и лашника^[33] не стоит.

Хитрованцы обиженно загудели:

– Пес подземный, еще глумится! Тут из блохи голенище кроишь, а им сотню ни за что!

– Сам не московский, вот и не жалеет народ!

– Кто там у вас сегодня набольший? – поинтересовался у гонца сыщик.

Тот наклонился к самому его уху и прошептал:

– Малюта Скуратов звать. Ох и злой!

Лыков глянул на приятеля. Лебедев развел руками.

– Ладно, води меня к нему, – приказал Алексей Николаевич.

– А оне захотят? – усомнился Весельчак.

– Скажи, сто рублей принесу.

Гонец опять ушел и вернулся намного быстрее.

– Ежели одни, то атаман готов принять, – объявил он.

– Алексей Николаевич, а я? – взмолился Олтаржевский. – Возьмите меня с собой!

– Адъютант полагается, – обратился коллежский советник к Васке. – Пусть Малюта тоже будет с есаулом.

– Пускай... – неожиданно смягчился оборванец. – Токмо орудия здесь оставьте.

Сдав Лебедеву свои револьверы, Лыков с Олтаржевским отправились следом за хитрованцем. Тот провел их в самую дальнюю казарму. Крикнул громко:

– Начальник с есаулом! Без орудиев оба! – И кивнул вниз, в подвал: – Вам туда.

Алексей Николаевич спустился первым. Он не боялся: убивать полицейских здешним обитателям вовсе без надобности. Было скорее любопытно, как живут эти загадочные волки Сухого оврага.

В тесном помещении чадила единственная свеча и стояли два покосившихся стула. Ишь, меблировали комнату для переговоров... Из угла уходил вглубь черный коридор с неровными сводами. А в середине, как статуя, застыл высоченный дядька лет сорока, ладный, плотный и вполне себе прилично одетый. За ним красовался такой же долговязый есаул.

– Здравствуйте, – протянул руку сыщик. – Лыков Алексей Николаевич.

– Зови меня Малюта Скуратов, – ответил атаман, крепко пожимая ее.

– Вот, Малюта Лукьянович. У тебя есть шпионская бумага, она мне нужна.

– Мы на ней заработать хотим.

– Я понимаю. От того немца ты долго будешь денег ждать. Мы его арестовали.

Атаман чуть склонил голову набок и ждал продолжения.

– Давай так. С меня капчук^[34] и корзина пива. С тебя документы.

– Пиво? – с оживлением переспросил Скуратов.

– Да. Хорошее, петцольдовское. Прямо сейчас и обменяемся.

Алексей Николаевич вынул из портмоне банкнот и протянул атаману.

Тот взял, подозрительно посмотрел.

– Не пчелы?^[35] Гляди...

– Настоящие!

Сыщик крикнул наверх:

– Весельчак, подь сюда!

Хитрованец быстро спустился и получил от сыщика десятку.

– Давай за петцольдовским пивом, одна нога здесь, другая там!

– А сколько взять-то?

– На девять рублей, целковый возьми себе за труды.

– Слушаюсь, васкоробродь!

– Ты какое любишь, темное или светлое? – обратился питерец к подземному жителю.

– Светлое.

– А я темное, – подал вдруг голос есаул.

– Того и другого возьми, – приказал сыщик Весельчаку.

Васька убежал. Лыков с Малютой сели на стулья, адъютанты остались стоять.

– Ну, как тут живется? Не скучно? – начал дипломатичный разговор коллежский советник.

– Живется спокойно. Ваши сюда не суются.

Сыщик огляделся, зябко повел плечами:

– Да... Я бы не смог. Меня однажды в Даниловке завалило в пещере. Четыре дня просидел, чуть с ума не сошел. Стреляться уже надумал^[36]. Бр-р... До сих пор иногда кошмары снятся, что я в той могиле...

– Не, у нас весело, – будто оправдываясь, ответил «иван». – В святцы^[37] балуемся, девки к нам в гости ходят.

– А по ночам гуляете...

– По ночам гуляем, – с ухмылкой подтвердил хозяин.

– Уходить тебе надо до холодов. Зимой в этом клопосдохе совсем худо.

– Поглядим... – буркнул «иван»; разговор перестал ему нравиться. –

Где твой скороход? Только за смертью его посылать.

– Да он скорее твой, чем мой!

Еще пять минут они поговорили ни о чем. Потом явился Васька с

полной корзиной пива, и начальники совершили обмен. Лыков не глядя сунул бумаги в карман, кивнул гайменнику:

– Будь здоров. Попадешься – договорим.

Когда они выбрались наружу, Мариан Ольгердович облегченно вздохнул. Толпа задержанных ждала своей участи и с надеждой взирала на парламентаров. Лыков махнул рукой:

– Пляши в три ноги! Всем свобода!

– Ура!!! – закричали хитрованцы и разбежались по кабакам. Сыщики с офицером сели в служебный экипаж, и только там Лыков вынул и развернул трофей:

– Что здесь?

И ахнул:

– «Программа развития Балтийской эскадры до тысяча девятьсот десятого года»! Вот гады, такой документ похитили!

На другой день в Петербурге ротмистр Лавров крепко пожал руки Лыкову и Олтаржевскому:

– Поздравляю, господа. Теперь мы прижмем эту шушеру с Большой Морской^[38].

– А что мой обидчик-гальванист? Нашли его в Риге?

– Нашли, да что толку. Сел там на пароход – и в Данциг.

– Ну хоть агентуру мы им расшугали, притихнут на время, – вздохнул Лыков. – Гамбургера потрясите, может, он кого назовет. А мне пора возвращаться к делу доктора Филиппова. Развлекся, и будет.

Глава 9

Человек из прошлого

Лыков дописывал акт дознания. Дело надоело ему до чертиков. С тех пор как он взялся за него, начались разные неприятности. Сыщика пугали ножами, стреляли почти в упор, били кистенем по голове и сбросили в Неву. Скорее закончить, и в Нефедьевку. Через два дня Плеве возвращается из Саровской пустыни, доложить ему все и попроситься в отпуск... Титус пишет, что в Ветлуге, прямо напротив имения, поймали судака длиной два аршина!^[39] Сам управляющий нашел в Лапшанге хорошую яму, где живет хариус. А на третьем кордоне объездчики ругаются: надоела росомаха, разоряет припасы. Приехать, и поохотиться, и порыбачить...

Вдруг в дверь постучали, и просунулась усатая голова служителя:

– Ваше высокоблагородие, вас посетитель дожидается.

– Где? Какой посетитель?

– Одет как иностранец, а по-русски шпарит хорошо. Стоит в вестибюле. Вот еще... Просил передать.

Служитель вручил Алексею Николаевичу визитную карточку и маленький конверт. Тот взглянул на бумагу с золотым обрезом. Что за чудеса? На карточке значилось: «Джейкоб Мак-Алай, командер, помощник военно-морского агента Северо-Американских Соединенных Штатов». Зачем Лыков понадобился заморским людям? А что в конверте? Он открыл его, вытряс содержимое на ладонь, и сердце его больно сжалось.

Это был его фамильный крест. Двадцать лет назад в Забайкалье Лыков своими руками надел крест на шею Якову Недашевскому, известному в уголовных кругах как Челубей. Тот уезжал из России навсегда и взамен отдал свой^[40]. Он и сейчас был на сыщике. Конверт мог означать только одно: Яков погиб, и кто-то по предсмертной его просьбе явился вернуть крест первому владельцу.

Не чуя ног, Алексей Николаевич помчался вниз. Слетел с лестницы, готовый к худшему, и вдруг замер. В вестибюле стоял и смотрел на него сам Недашевский! Живой и здоровый, только постаревший на двадцать лет.

– Яша!!! Живой...

– Живой, Леш, живой. И ты, слава богу...

– Слава богу!

Друзья обнялись так, что, казалось, сломают друг другу ребра.

– Есть еще силенка, – охнул Челубей. – Отпусти, придушишь!
– Черт неудельный, зачем меня напугал? Я уж подумал... Сам знаешь, что в таких случаях думают.

Лыков бегал вокруг рослого красавца, осматривал, как статую, дергал за рукав и болтал без умолку:

– А что за Мак... чего уж там написано? Коммандер какой-то. Это что за гусь? Старший по команде?

– Коммандер – это чин в американском военном флоте. Равен нашему капитану второго ранга. А Мак-Алай – это я и есть. Так меня теперь зовут.

Тон у Якова был такой, что Алексей Николаевич без разговоров повел его в кабинет. Усадил на диван и велел:

– Рассказывай.

– Правду?

– Зачем мне вранье?

Недашевский бежал из России как преступник, замешанный в готовящемся цареубийстве. За это по законам империи полагается петля, и срока давности нет. Правда, обвинить его можно было разве что в недоносительстве, но все равно тяжкое преступление. Кто он теперь, этот Мак-Алай? И с чем явился к чиновнику особых поручений Департамента полиции?

– Я, Леша, тот, кто у нас в Америке называется джи-мен.

– Джи-мен? С чем его едят?

– Ну, сотрудник секретных служб.

Лыков удивился:

– Я тоже в этих службах состою. И что?

– Ты в русской полиции служишь. А я в американской военно-морской разведке.

– Чего ж не в сухопутной?

– У них форма красивее! Шучу... Приехал сюда не просто так, а по заданию правительства.

Так и есть, сообразил Лыков, дело нечисто. Свалился как снег на голову друг из прошлого, надо бы радоваться, но, похоже, рано. Не просто так приехал Яша. Вряд ли сейчас сыщик услышит от него что-то хорошее.

– погоди, не бей под дых. Скажи сначала, как там Хогешат.

Челубей потемнел лицом:

– Она умерла родами. Недолго мы жили вместе...

Алексей Николаевич молча перекрестился. Хогешат, его первая любовь, прекрасная и гордая девушка-чеченка... Как давно все это было!

– А ребенок? Он выжил?

– Да, жена пожертвовала собой ради него. Как я ни просил ее не делать этого. Теперь сыну девятнадцать лет, он... как это по-вашему? Юнкер. Учится в Вест-Пойнте на офицера.

– По-вашему... Почему, Яша, ты не сказал «по-нашему»?

– Потому что я давно американец.

– У Хогешат был брат Имадин, что с ним?

Недашевский опять вздохнул:

– Он не прижился в Америке. Тосковал по своим горам. А тут еще сестра умерла, не с кем стало поговорить на родном языке. И он вернулся

на Кавказ. Точнее, решил вернуться. Я не знаю, удалось ему это или нет. Никаких известий от него не получил. Не знаю даже, жив ли он.

Два друга посидели молча, каждый думал о своем. Потом сыщик приказал:

– Ну, теперь давай о деле. Зачем пришел?

– У меня поручение от правительства. Есть одна тайна, которую велено раскрыть. Тут, в России, в Петербурге. Вот я и решил: может быть, ты мне поможешь? Честно говоря, вся моя надежда на тебя.

– Поручение секретное, если ты джи-мен?

– Секретное, – подтвердил Челубей.

– И как я тебе помогу? Ты на службе, я на службе. Да наши с тобой начальники два года будут согласовывать, что можно, а что нельзя.

– Леш, а может, мы обойдемся без начальников? Мои полномочия самые широкие. Боссы понимают, что через океан руководить не получится, и дали мне карт-бланш.

– Боссы? – не сообразил сыщик.

– Ну, шефы, начальники.

– А... Так это у тебя, Яша, они далеко. А у меня близко. Мне карт-бланш никто не даст.

– Ты сначала послушай, о чем речь, – подзадорил друга командер. – Чай, тоже не коллежский регистратор, большой человек! Сколько я тебя помню, ты любил решать сам.

– К самолюбию взываешь... – усмехнулся Лыков. – Ну, давай попробуем. Говори, что за дело.

Недашевский опять начал оправдываться:

– Что мне оставалось? Приказ есть приказ. Я, когда его получил, сразу подумал о тебе. Если, думаю, Алексей жив-здоров и при должности, он мне поможет. Если же нет, ничего у меня не выйдет.

– Ты не подлизывайся, а дело говори.

– Вот. Телеграфировал я нашему военно-морскому агенту: загляни в адрес-календарь, есть там Алексей Николаевич Лыков или нет? Есть, отвечает тот. Чиновник особых поручений Департамента полиции и коллежский советник. Я сразу понял, что это ты. Обрадовался.

– Рано радуешься, – попробовал осадить товарища сыщик. – Может, я и не сумею быть тебе полезен.

– Леш, – сказал вполголоса Яков. – Как же мне не радоваться? Я тебя эти двадцать лет часто вспоминал. Сначала каждый день. Потом, конечно, жизнь задвинула воспоминания в долгий ящик, но все равно... Ты спас меня от каторги. Может даже, от виселицы. Нарушил присягу ради нашей

дружбы. Как я мог это забыть? Как мне теперь не радоваться, что я сижу здесь и говорю с тобой?

– Да я сам рад до смерти, – смутился Лыков и еще раз крепко обнял нежданного гостя. Тот спохватился:

– А ты-то как? Семейный?

– Да. Два сына-молодца, тоже девятнадцать годов им. И тоже юнкеры.

– Значит, ты недолго убивался?! – обрадовался Челубей. – А я расстраивался, что увел у друга любимую женщину...

– Конечно, увел. Но я нашел другую. К тому же еще богачку.

Они посмеялись, хорошо, как в старые добрые времена. Потом командер спохватился:

– Да, насчет дела. Мне поручено разведать конфиденциально... У тебя, как чиновника Департамента полиции, огромные возможности. Дело прошло у вас незамеченным, и сейчас даже не знаю, у кого тебе выяснить подробности. Месяц назад в Петербурге умер некто Филиппов...

Алексей Николаевич не поверил своим ушам:

– Ты приехал из-за океана по вопросу Михаила Михайловича Филиппова?

– Да... Так ты что-то слышал о нем?

– Не только слышал. Мне поручено министром внутренних дел провести повторное дознание его гибели.

– Вот это да... – пробормотал Челубей. – Вот это я удачно обратился... Прямо по адресу.

– Вам-то какое дело до нашего доктора?

– Он изобретал особо секретный вид оружия. Ты знаешь об этом?

– Яков, тут ты вторгаешься в нашу государственную тайну, – строго ответил коллежский советник. – Я не могу говорить с тобой об этом, понимаешь? Извини, но не могу.

– погоди! Скажи хоть то, что дозволено знать.

Лыков задумался. Старый товарищ, которого он тоже нет-нет да вспоминал, переплыл половину земного шара. Какой в том грех, если сыщик откроет ему часть секретов?

– Хорошо, слушай. Вот что удалось выяснить мне. Филиппова убили германские агенты.

– Так я и думал, – прошептал Челубей.

– Ты думал? А почему?

– Расскажу после, продолжай, пожалуйста. Они забрали его научные документы?

– Да. Так они решили. Но мое дознание показывает иное. За

Филипповым наблюдало Петербургское охранное отделение, политическая полиция. И они, судя по косвенным уликам, сумели подменить бумаги ученого. Важные изъяли, а немцам подсунули второстепенные. Только ребята никогда в том не признаются...

– Молодцы! – одобрил Недашевский. – Значит, теперь бумаги у вас? И Россия может продолжить разработку оружия?

– Увы, все хуже. Охранка по своим соображениям уничтожила бумаги.

– Как уничтожила?!

– В печке сожгла, вот как! Я сам читал акт.

Яков ничего не понял.

– Поясни дураку. Зачем сжигать то, что имеет огромную государственную ценность?

– Это трудно объяснить. Но так вышло. Если ты за бумагами, то их больше нет. Кончилось изобретение, автор идеи умер, ученики разбежались.

– А его аппарат?

– Разломали и выбросили на помойку. По тем же соображениям.

Челубей обдумал услышанное и сказал то, чего сыщик никак не ожидал:

– Хорошо, что я приехал.

– В каком смысле?

– В самом прямом. Бумаги, Алексей, вовсе не уничтожены. И они не у германской разведки. И не у охранки.

– А у кого?

– Есть такой Разуваев. Слышал?

– Не только слышал, но и беседовал с ним. В Берлине. А перед второй встречей, когда физико-химик должен был передать мне описание оружия Филиппова, он сбежал.

– По приказу германских секретных служб? – догадался Челубей.

– Конечно. Но ты только что сказал, что бумаги Филиппова и не у немцев. Почему?

– Иначе, Алексей, я бы и не приехал. Прodelать такой путь, зная, что все уже досталось Германии? Однако это не так. Ты слышал такое имя: Никола Тесла?

– Гениальный серб?

– Он самый. Тесла действительно гений электричества. Сейчас он работает на Джона Пирпонта Моргана, самого богатого человека в мире. Морган выстроил Тесле башню на острове Лонг-Айленд, в сорока милях от Нью-Йорка, и серб проводит там эксперименты. Непонятные, никто не

знает, что из этого выйдет.

– Ты мне зачем это рассказываешь?

– Затем, Алексей, что Морган получил от Разуваева предложение: купить у него разработки доктора Филиппова. Полный набор бумаг, объясняющий его изобретение. Понимаешь? Пакет не у немцев. Те не позволили бы ассистенту изобретателя никаких гешефтов с секретным оружием. Пакет у Разуваева.

– Ну и ну... – сыщик был ошарашен. – Как ему это удалось? Как ушлые германцы позволили русскому завладеть таким сокровищем? А теперь еще прячут физико-химика. А он их при этом надувает. Дела...

– Слушай, что было дальше. Морган предложением не заинтересовался. Ему вообще нужен лишь бизнес...

– Чего?

– Бизнес, его предпринимательское дело. А тут какое-то оружие. Он и Теслу купил для бизнеса. Морган владеет контрольным пакетом акций Нью-Йоркской телеграфной компании и хочет лишь одного: чтобы телеграммы ее и всех других компаний передавались на башню-ретранслятор Ворденклиф. Ту, что на Лонг-Айленде. А оттуда беспроводным способом летели через океан в Европу. То есть у магната будет монополия на новый быстрый способ пересылки телеграмм. Который ему разработает Тесла.

– Ты сказал, способ беспроводной?

– Да, с помощью направленной радиоволны.

– Как и взрыв у Филиппова, – догадался сыщик.

– Именно так. Похоже, два гения с разных сторон подошли к одному и тому же. Морган показал письмо сербу, тот предложил купить. Обещал сделать оружие, довести идею русского до ума. Морган, как я уже говорил, отказался. Но передал предложение Разуваева военным. И вот я здесь.

– Так, теперь понятно. Но зачем тебе Лыков? Выдал секретное задание, открыл мне новые важные обстоятельства. Зачем тебе я?

– По двум причинам, Леш. Первая: мы не смогли найти Разуваева в Петербурге. Он исчез и адреса не оставил.

– Сам подаст сигнал, когда будет готов. Ему же надо сбыть вам свой товар.

– А вдруг не подаст? Русская полиция что-то знает, и это может облегчить мне поиск ассистента. Если мой друг в полиции согласится помочь.

– Ишь как заговорил... А вторая причина какая?

– Вторая причина та, что хочется знать. Знать правду: что на самом

деле изобрел русский гений? Может, овчинка выделки не стоит? А ты наверняка уже провел экспертизу. Так?

Лыков не ответил. Он прошелся по комнате, рассеянно глядя по сторонам. Потом замер, ковыряя пальцем стену.

– М-да... Не скрою, ты сообщил очень важные новости. Если бумаги Филиппова не погибли и они не у немцев... Значит, надо вернуть их в Россию.

– И в Америку, – добавил командер.

– Яков! При чем тут Америка? Наш ученый, наше и изобретение!

– Изобретение вы уже упустили. И потом, с вашей косностью, с ржавым механизмом самодержавной монархии – что вы сможете сделать? Сколько уже светлых идей загубили. Ни себе, ни людям. Твои генералы хоть поймут, если ты заговоришь с ними о коротких радиоволнах, об индукции?

– Попов с Менделеевым объяснят.

– Хорошо, – сменил тактику Недашевский, – а где тогда мой интерес? Не забывай, я не сам приехал, чтобы тебя повидать. Хотя и рад этому не знаю как. У меня приказ начальства: разобраться с оружием Филиппова.

– И стащить его для себя?

– Желательно. Если окажется, что идея того стоит. А понять это, дать правильное заключение может лишь Тесла.

Лыков молчал. Действительно, в России никто не смог объяснить ему, как работают «лучи смерти» доктора Филиппова. В том числе и лучшие умы, те самые Менделеев с Поповым. То ли это страшное оружие, которое изменит судьбу человечества. То ли заблуждение изобретателя-одиночки, переоценившего свои силы.

– Я предлагаю вот что, – нарушил молчание коллежского советника Челубей. – Действуем вместе и результаты делим пополам. У меня есть на это санкция руководства.

– Не пополам, а поровну, – хохотнул сыщик. – Черт заморский, совсем родной язык позабыл!

– Ну поровну. Ты же понял.

– Понял. Только обращаться с этим к Плеве – значит загубить вопрос, – признал сыщик. – В России такие вещи с кондачка не решаются.

– Они у вас вообще никак не решаются, – хмыкнул американец.

– Увы, я не знаю, что делать. Вынести твое предложение наверх? Глупо, согласен. Тебя выкинут из страны, и мы так и не узнаем, что на самом деле придумал Филиппов. Взять мне на себя? Коллежскому советнику – вопрос государственной безопасности? Самонадеянно.

– Думай. Я тебе еще не все рассказал. Есть мысль, как бумаги найти, которые украл тот мошенник.

– Какая мысль? – ухватился Лыков.

– Скажу, если мы договоримся. Иначе я все сделаю сам. Куплю бумаги, и дело с концом. Средства на это американское правительство уже выделило. Там все решается в момент, не как у вас, у лапотников. И останетесь вы, Алексей, ни с чем, по собственной глупости и жадности.

– Хорошо, – стал поддаваться сыщик. – Я ведь не один веду дознание. Оно поручено самим государем двум министрам: внутренних дел и военному. От МВД я, а от вояк мой друг генерал-майор Таубе. Поехали к нему, поговорим втроем.

– Таубе? А он вменяемый?

– Поумнее нас с тобой, вместе взятых.

– Фамилия немецкая.

– Молчи, индеец! Виктор больше русский, чем столбовой дворянин Недашевский. Кстати, в свое время именно он убил твоего приятеля Пересвета.

– Ого! Это серьезно. Чтобы свалить такого зверя, надо весь барабан в него выпустить.

Алексей Николаевич пояснил не без гордости за друга:

– Он прикончил Пересвета голыми руками.

– Не может быть! Что, такой могучий?

– По виду не скажешь. Но если бы мы с тобой вместе напали на Таубе, боюсь, он справился бы с нами в одиночку.

– Едем! На такого человека надо поглядеть.

Барон оказался на месте и быстро принял посетителей. Лыков представил своего спутника:

– Знакомся, Виктор Рейнгольдович. Это Джейкоб Мак-Алай, командер, помощник американского военно-морского агента в Петербурге. А настоящее его имя, то, что было здесь в России, – Яков Иванович Недашевский.

– Эмигрант? – спросил, пожимая гостю руку, Таубе. – How do you do?

– Да, теперь он американский подданный. А приехал сюда, не поверишь, по делу Филиппова! И сообщил важную информацию.

Брови у Таубе полезли вверх. Потом он мысленно перевел модное словечко и кивнул: садитесь.

Недашевский некоторое время внимательно разглядывал хозяина кабинета. Потом повернулся к сыщику и сказал:

– Никогда бы не подумал.

– Это он о том, что ты убил Пересвета, – пояснил коллежский советник. – Я тебе рассказывал, помнишь? Недашевский был второй боевик Лобова. Который уехал со мной в Сибирь.

– Ах вот оно что! – всплеснул руками барон. – Тот, кому ты дал сбежать. И кто увез твою любимую женщину. Черт, сколько же лет прошло с тех пор?

– Двадцать, – тихо подсказал Недашевский.

– Двадцать лет... Мы постарели.

– Этому хоть бы что, только лучше сделался, – кивнул на американца Лыков.

Действительно, заматеревший Челубей стал еще красивее. Рост, плечи, осанка остались. Но добавились седина в волосах и выражение лица, которого раньше не было. Это было лицо много пережившего и много думающего человека, который чего-то уже достиг.

– А еще, Виктор, он разведчик. И приехал сюда из-за океана в связи с изобретением доктора Филиппова. Яков, докладывай.

Недашевский рассказал о письме Разуваева миллиардеру, о его отказе и о том интересе, который вызвало изобретение Филиппова у американских военных. Если, конечно, это изобретение, а не заблуждение. И предложил дальше действовать совместно. С тем условием, что результатами могут воспользоваться обе стороны.

Таубе сразу же отнесся к идее одобрительно. А Яков начал подзуживать:

– Нам с вами нечего делить. Мы не враги и, надеюсь, никогда ими не станем. Потому что нас разделяет океан! А вот нынешние великие европейские державы... Кто там ваши друзья? Французы? Они хотят вернуть себе Эльзас и Лотарингию русскими руками. Англичане? Это известные русофобы. Немцы и австрийцы числятся сегодня у вас в противниках. А почему? Из-за проливов, из-за верховодства над балканскими славянами? Грядет великая европейская война. Она ослабит всех. Надо ожидать лишений и потерь. Надо опережать врага в вооружении. Так?

– Так, – подтвердил барон. – Война неизбежна, и следует к ней готовиться. Все европейские государства действительно будут ослаблены. А САСШ? Они усилятся?

– Думаю, что да. Значит, вам тем более следует с нами дружить. Вот и начнем с малого, с дела Филиппова.

Таубе повернулся к Алексею Николаевичу:

– Я давно наблюдаю за Штатами. После того как они разнесли в пух и

прах Испанию, ребята вошли во вкус. Раньше их не интересовала большая политика, тем более европейская. А сейчас? Регулярная армия увеличена сразу в четыре раза – с двадцати пяти тысяч человек до ста тысяч. Резко вырос военный флот. Готовятся, они тоже готовятся.

– К чему?

– К войне. Она будет не европейская, а мировая. Кстати, Яков Иванович. Я заметил, вы чуть-чуть прихрамываете. Так бывает при перебитой голени. Где вас угораздило?

– На палубе «Бруклина», – ответил Недашевский. – Я стоял по правую руку от адмирала Шлея, командира нашей эскадры. Из крепости Сант-Яго прилетел снаряд и убил сразу двадцать пять человек, включая адмирала. Мне повезло: отделался тяжелым ранением.

– Так вы моряк или разведчик?

– А вы только разведчик, никогда в бой не ходили?

– Ходил, конечно, – ответил барон.

– Вот и я так. До войны год провел на Кубе с секретной миссией, под видом германского негодянта. А как начали стрелять, попросился в строй.

Трое мужчин какое-то время смотрели друг на друга, будто не решались перейти к самому важному. Таубе начал первым:

– Я согласен с вашим предложением, Яков Иванович. Разрешения начальства мне не требуется. – И рассмеялся: – Генерал я или нет?

– А ты? – обратился Челубей к Лыкову.

– Да черт с ними! – ругнулся тот. – Пусть я и без лампасов на портках, зато понимаю: так будет лучше. Хотя узнаем, изобретение это или глупость. От имени Министерства внутренних дел присоединяюсь к соглашению.

– А бонзы?

– Министра нет, директора департамента нет. Не отчитываться же мне перед Нилом Зуевым?

– Итак, устное соглашение достигнуто, – констатировал Недашевский. – Тогда идем дальше. Вы сразу убедитесь в пользе сделки. Я ведь не все вам сообщил.

– Ну-ну... – насторожились русские.

– Есть в нашей истории еще одно действующее лицо. Зовут его Дёринг. Слышали про такого?

Лыков напряг память:

– Мне называли эту фамилию. Какой-то германский физик, тоже чуть ли не гений. Мизантроп и чудака. Он?

– Да, он, – подтвердил Яков. – Но очень опасный чудака. Сейчас по

заданию германского генерального штаба Дёринг делает экспертизу бумаг, которые немцы похитили из квартиры Филиппова. Ну тех, которые охранное отделение сочло возможным им уступить через Разуваева.

– Что такое? – удивился Таубе. – Охранка уступила немцам секретные документы?

– Это мое предположение, – начал объяснять товарищу Лыков. – Сазонов умнее, чем я думал. Доктор натурфилософии, оказывается, тот еще мазурик. Он дал согласие на передачу своего изобретения Боевой организации партии социалистов-революционеров. Подполковник об этом знал. Не удивлюсь, если и шпионы попали в поле его зрения. Им подсунули ерунду, а главные бумаги жандармы сожгли от греха. Так им казалось.

– А теперь выясняется, что все иначе, – подал реплику американец. – Ведь Теслу не проведешь. Значит, в руках Разуваева настоящее научное наследие Филиппова. Иначе он не получит денег. Этот бой... этот парень обманул и охранку, и германцев. Ай да хитрец!

– Понятно, – кивнул генерал-майор. – Вернемся к Дёрингу.

– Давайте, – согласился командер. – Он патриот, радеет за великую Германию. Окончил тот же Гейдельбергский университет, что и Филиппов, но намного раньше. Сейчас Дёрингу семьдесят. И он много лет сам изобретает необычное оружие, основанное на электричестве.

– Дьявол, эти ученые помешались на оружии... – пробурчал сыщик.

– Время сейчас такое, все готовятся к войне, – ответил ему Таубе.

– Как минимум один раз Дёринг испытал свое загадочное изобретение на солдатах русской армии, – продолжил командер.

Лицо у генерала окаменело:

– Вы отдадите себе отчет в том, что говорите?

– Отдаю, ваше превосходительство, – ерничая, ответил Недашевский.

– Где? Когда? Представьте доказательства.

– Для этого, Виктор Рейнгольдович, придется заглянуть в ваши архивы. Распорядитесь доставить сюда рапорт военному министру о происшествии двадцать шестого августа тысяча восемьсот семьдесят шестого года под Варшавой, в лагере Фанагорийского гренадерского полка.

– Двадцать семь лет назад?

– Да.

– Но что тогда могло случиться?

– А вот принесут рапорт, и сами увидите.

Таубе вызвал служителя и приказал немедленно доставить указанный документ. На полчаса в кабинете воцарилось молчание. Лыков пытался разговорить Челубея, но тот лишь мотал головой. Барон тоже был сам не

свой и барабанил пальцами по столешнице.

Наконец принесли рапорт полкового командира военному министру Милютину. Там сообщалось следующее. В конце лета 1876 года шли многодневные учения войск Варшавского военного округа в присутствии государя. 26 августа в понедельник в лагере 11-го гренадерского Фанагорийского генералиссимуса князя Суворова полка произошло чрезвычайное происшествие. Во время сильной грозы удар одной молнии поразил в нескольких палатках до семидесяти солдат. Из них семь были убиты во сне и более сорока получили серьезные ранения. Причем пострадавшие находились не только в разных палатках, но даже в разных ротах и батальонах! Лишь в одном месте отыскался явный след молнии, которая ударила в ружье и в тесак, лежавшие в палатке третьей роты. После этого молния пробила отверстие в земляном валике, окружавшем палатку, и поразила людей в соседнем шатре.

Таубе дважды перечитал необычное донесение и спросил американца:

– Что это?

– Испытание электрического оружия Дёринга.

– Из чего следует? В рапорте сказано, что ударила молния. Была гроза, сильный разряд; такое случается.

– Что же еще мог написать в рапорте полковой командир почти тридцать лет назад? Природа грозových разрядов до сих пор не изучена. Но где, скажите мне, вы видели молнию, которая бьет так избирательно? Поразить одним ударом семь десятков людей в разных концах полевого лагеря! Одного убила, а второго, что рядом лежал, стороной обошла. Как так?

– Я не знаю, – развел руками генерал.

– И я не знаю. Но только это не гроза. Через год после того случая Дёринг описал свой эксперимент в ученых записках Гейдельбергского университета. Правда, без указаний, что там погибли люди... А потом немцы спохватились и изъяли этот том. Его сейчас нигде не найти. Дёринг надолго замолчал. Ему тогда было сорок три, он только разрабатывал свое оружие и многого еще не умел. Сейчас ученому семьдесят. И он убедил кайзера, что делает важное дело. Последние пять лет на его лабораторию из секретных фондов военного министерства отпускают по сто десять тысяч марок.

Таубе подавленно молчал. Русская разведка понятия не имела о разработках профессора из Гейдельберга.

– Господа! – Голос Недашевского сделался жестким. – Идет двадцатый век. Это будет век науки. В том числе и науки убивать людей. Пулеметы и

скорострельные пушки покажутся детским лепетом по сравнению с теми открытиями, которые нас ждут. Пока они готовятся в тиши лабораторий. Слышали про телегеодинамические опыты Теслы? А про ультразвук?

– Нет, расскажи, – попросил Лыков.

– Ультразвук – это механические колебания сверхзвуковой частоты. Которые наше ухо не слышит... Им можно воздействовать на предметы. Тесла заметил, что если частота таких колебаний, направленных на предмет, совпадает с собственными колебаниями предмета, то даже слабое воздействие произведет сильнейшие разрушения. Главное – поддерживать его непрерывно. Серб назвал явление избирательным резонансом. Понятно?

– Ни черта не понятно, – констатировал генерал-майор.

– Это оружие, резонансное оружие, – пояснил Недашевский. – Телегеодинамит. Доктор Филиппов придумал «лучи смерти» как способ передачи энергии взрыва на расстояние без проводов. Профессор Дёринг мастерит электромет. Представляете, как будет выглядеть будущая война, если у высоколобых получится?

Таубе набылчился:

– Что-то надо делать с этой наукой убивать!

– А что? – спросил Лыков. – Только опережать противников. А у нас из-под носа украли русское изобретение.

– Так. – Барон выложил на стол кулаки. – Наши действия?

Недашевский поднял руку, как ученик на уроке.

– Валяй, – разрешил Алексей Николаевич.

– Мы имеем ряд фактов и ряд догадок, – начал джи-мен. – Факт то, что в руках у сбежавшего Разуваева каким-то образом оказались научные труды доктора Филиппова. И он пытается их продать. Догадка то, что немцы об этом не знают. Вряд ли они потерпели бы такое самоуправство.

Собеседники кивнули: все верно, продолжай.

– Значит, наша задача – найти беглеца и отобрать у него материалы, – завершил Недашевский.

– Легко сказать, да трудно сделать, – парировал Лыков. – В Германии нас не ждут с распростертыми объятьями. Въехать тайно? А где искать этого сукина сына? Гартинг не помощник, он под лупой у тамошней контрразведки. Сами мы Разуваева не найдем. Виктор, может, нам подсобит... Э-э... Ну, ты понял^[41].

– И думать о нем забудь! – отрезал Таубе.

– Виноват, – сконфузился сыщик. – Но тогда как быть?

– Да просто все, Алексей, – буднично сказал Челубей. – Я встречусь с

Дёрингом...

– А он захочет с тобой встречаться? – усомнился коллежский советник.

– Захочет, у меня к нему рекомендательное письмо от Теслы. Так вот. Ясно, что во всей Германии экспертизу филипповских бумаг может сделать только Дёринг. И я предложу ему сделку.

– Как и нам споешь? – хмыкнул сыщик. И передразнил: – «Что нам делить, между нами океан...»

– Надо будет – спою. Но сначала предложу деньги. Умное американское правительство разрешило мне покупать нужных людей. Хоть оптом, хоть в розницу. Для начала выделено двести тысяч долларов, но могу обещать до миллиона.

– Ого! – только и сказал Таубе. Видать, вспомнил сиротский бюджет русской разведки и закручинился.

– Да, суммы большие, – серьезно констатировал Яков. – Дедушку, возможно, удастся просто завербовать. Но, как мы помним, он патриот. И на руках у него, скорее всего, малозначительные бумаги. Те, что подсунула немцам охранка. Поэтому настоящая моя задача будет состоять в том, чтобы вывести у профессора нынешний адрес Разуваева.

– Верно! – кивнул барон. – Мы едем с вами в фатерланд и ждем сведений. Ну хорошо, информации. Как получим, ловим нечистоплотного ассистента и конфискуем у него бумаги. Противиться нам он не посмеет. Припугнем, что расскажем все немцам и тогда они вернут его в Россию.

– «Мы едем с вами в фатерланд», – опять поддел сыщик. – Сильно сказано.

– А что тебе не нравится? – напрягся Таубе.

– Сам должен понимать. Вдруг поймут нас тевтоны? То-то обрадуются, что схватили среди шпионов русского генерала! Попадешь на старости лет в немецкую цинтовку... Сиди дома, ты свое отбарабанил.

– Вас двоих не хватит. Мало ли что? Языка ты не знаешь...

– Олтаржевский зато знает, – возразил Алексей Николаевич. – Он и станет третьим.

На том и порешили. После этого совещание перешло в практическую плоскость. Начали с паспортов. Джи-мен сказал, что поедет в Германию по своим документам. Имя у него нигде не засвеченное; письмо Теслы тоже рекомендует Мак-Алая.

С россиянами было сложнее. На руках у поручика оставался паспорт графа Стырьё. Но после поездки в Берлин этот псевдоним был уже известен германцам. Обладавший светской наружностью, владевший пятью языками, Мариан Ольгердович мог сыграть кого угодно, хоть итальянского

герцога. Но в пару с ним шел Лыков, кое-как изъяснявшийся по-французски. Поэтому решено было сделать обоих австрийскими поляками. Военная разведка быстро сфабриковала два паспорта на имя торговцев из Лемберга^[42]. Командировочных поручику выдали из казны в обрез... Лыков ехал за свои и набил марками полный бумажник.

Операция проводилась в строгой секретности. Таубе взял всю ответственность на себя – по линии Военного министерства. Оно и раньше посылало за границу офицеров по поддельным паспортам. В этом случае смельчак рисковал в одиночку – в случае провала власть от него открещивалась. Был даже момент, крайне неприятный, когда одного такого попавшегося поручика австрийцы выпороли. Прекрасно зная, что он офицер. В паспорте написано «торговец»? Снимай штаны... Несчастной жертве тайной войны пришлось подать в отставку. Все это Виктор Рейнгольдovich заблаговременно рассказал Олтаржевскому. Пусть понимает, на что согласился.

Лыков действовал самостоятельно. Сказал Зуеву, что в интересах известного тому дознания должен наведаться в Москву. Дней на пять, не меньше. Тот подписал командировочное предписание не глядя.

Все трое выехали одним поездом, но в разных вагонах. До Берлина россияне не перекинулись с американцем ни словом. Германская полиция работала в тесном сотрудничестве с военной разведкой. На въезде в страну, в Эйдкунене, всегда дежурили особые шпики, обладавшие феноменальной памятью. Они помнили в лицо всех мало-мальски интересных для разведки личностей. Второй барьер встречал гостей по приезду в Берлин, на Ангальтском вокзале. «Хвост» могут приставить только так. Лица Лыкова и Олтаржевского вроде не должны были примелькаться в германской столице. Но вдруг после недавнего визита их поместили в черный список?

Поэтому на всякий случай «австрийские поляки» прямо с вокзала начали бегать по городу, меняя извозчиков. Прошли через хитрый пассаж на Кассельштрассе, с двумя выходами (Лыков приметил его еще в первый приезд), повторили трюк в какой-то кирхе и только после этого отправились в Гейдельберг. А Мак-Алай спокойно поселился в гостинице «Кайзерхоф» и прибыл к месту сбора на следующий день.

Маленький университетский городок очаровал Лыкова. Согласно легенде, поляки приехали делать закупку огнеспасительного оборудования, что изготовляли на здешней фабрике. Но сначала они, как водится, облазили все достопримечательности Гейдельберга. По зубчатой железной дороге поднялись на гору Иеттебюль, где расположены развалины замка пфальцских курфюрстов. Полюбовались оттуда видом долины Неккара.

Отметились на Дороге философов – прогулочной тропе на склонах Святой горы. (Кстати, у первого поворота дороги им попалось здание Физического института, где и работал Дёринг.) Посетили церковь Святого Духа и университет, самый старый в Германии. Поглядели на древние конюшни, огромные корпуса из красного песчаника. Выпили пива в знаменитой студенческой пивной «У Зеппта».

На туристические дела ушло целых три дня. Поселились гости в приличной гостинице «Рупрехт Первый», что на Хауптштрассе. Шляясь по городу, они все время встречали рослого американца. Оказалось, что в Гейдельберге постоянно проживает несколько сотен заокеанских граждан. Мак-Алай быстро нашел среди них собутыльников и путешествовал из ресторана в ресторан с целой свитой. Сорил при этом деньгами налогоплательщиков, стервец. И остановился в самой дорогой гостинице «У рыцаря», что на Рыночной площади.

На четвертый день участники операции (по выражению Якова – лыковцы) наконец-то сошлись все вместе. Недашевский явился в ресторан «Рупрехта», выпил коньяку и быстро поднялся в номер к «полякам».

- Ну, что с Дёрингом? – первым делом спросил Лыков.
- Завтра в четыре пополудни он меня примет, – доложил командер.
- Как ты с ним договаривался?
- Нашел дёринговского ученика, американца, и попросил через него о встрече. Сказал, что имею письмо от Теслы. Старик сразу клянул!
- Слежки после этого за собой не заметил?
- Вроде нет.
- Быстро уходи, а я понаблюдаю, нет ли «хвоста». Завтра после встречи с профессором иди в «Красную кружку», в дальний зал, мы будем там.

Пивная «У красной кружки» была самой шумной в городе. Внутри всегда толпился народ, поэтому подслушать разговор было невозможно.

Джи-мен выскользнул в коридор и скоро уже фланировал по Хауптштрассе. Алексей Николаевич шел в сорока саженях позади и наблюдал. Вдруг он увидел такое, что сразу изменило планы коллежского советника. Открылась дверь магазина, и оттуда вышел... Разуваев. Петр Никодимович завел бородку, надел скромную двойку и синие очки. Но опытный взгляд сыщика он обмануть не смог. Человек, на поиски которого и приехал сюда целый отряд, отыскался случайно. Теперь его никак нельзя было упустить.

Лыков еще больше увеличил дистанцию, перешел на другую сторону улицы. Беглец двигался не спеша, заглядывая в зеркальные витрины и

время от времени озираясь. На руку преследователю было то, что Хауптштрассе заполнили туристы и прохожие. Главная улица Гейдельберга тянулась параллельно реке более чем на полторы версты. Все лучшие магазины и рестораны были сосредоточены здесь, и прекрасный вид на замок приводил сюда множество зевак. Лавируя между ними, коллежский советник оставался незамеченным. И добился своего. Разуваев свернул в один из переулков и вошел в гостиницу «У Неккара».

Теперь следовало решить, как быть дальше. И не ошибиться при этом.

Гейдельберг производил впечатление городка из средневековой сказки: старинные домики, кирхи, буйные студенты. Но было бы наивно полагать, что здесь нет потаенной жизни. Разуваев находится под прикрытием немецкой разведки. Выкраденные им бумаги ревизует лучший в стране специалист по электричеству. Наверняка и беглеца, и эксперта охраняют молчаливые люди в статском. Или как минимум присматривают за ними. Следует изловить ассистента, допросить, обыскать его жилище, конфисковать бумаги – и при этом не попасться.

Лыков вернулся в номер и сообщил Олтаржевскому о своем открытии. Тот загорелся: вот удача! Он предложил не ждать завтрашнего дня, а навестить шпиона сегодня вечером.

– Но как войти? – стал размышлять сыщик. – Конторщик, скорее всего, предупрежден. И сразу телефонирует куда следует, что к русскому явились трое неизвестных.

– Взять изменника на улице, – подал мысль поручик. – И предложить показать свой номер. Он согласится! Иначе выдадим немцам, будет только хуже.

– И ввалиться вчетвером? Давайте так, Мариан Ольгердович. Вы идите сейчас за нашим командером. Он должен сидеть в ресторане своей гостиницы. Все ему рассказываете и приходите вдвоем в номера к Разуваеву. Я буду уже там. Зайду один, попрошу конторщика провести меня к такому-то гостю...

– Вы же не знаете языка.

– Сыграю поляка. Покажу паспорт. Кое-как по-немецки и я изъяснюсь, не бойтесь. Австрийский пан, притом в одиночестве, больших подозрений не вызовет. А когда я возьму Петра Никодимовича в оборот, заставлю спуститься и предупредить портье, что он ждет еще гостей. И их нужно без промедления провести к жильцу. Около часа времени у нас будет. Господин за стойкой или вообще не заинтересуется нами, или позвонит куда следует не сразу. Мы успеем.

План был принят. Олтаржевский поспешил за джи-меном, а Лыков отправился прямо в гостиницу «У Неккара».

Начало было удачным для сыщика. Он вошел и положил на стойку свой австрийский паспорт. Портье удивленно вылупился на него и сказал, что мест нет.

– Ихъ бин геноссе руссише херрен Разуваев, – на ломаном немецком пояснил коллежский советник. – Им вельхе нуммер ист эр воллен?

Немец, что удивительно, понял из этой галиматьи: гость хочет попасть к Разуваеву. И спрашивает, в каком номере тот живет. Он внимательно

изучил аусвайс, удовлетворенно кивнул и сказал:

– Nummer sieben^[43].

– Danke schön, – поблагодарил Лыков и пошел искать седьмой номер. Всем своим видом он старался напоминать заурядного торговца: сутулил плечи и смешно семенил.

Нужная ему дверь отыскалась на втором этаже. Сыщик оглянулся: в коридоре никого. Он бесшумно опустился на колени, осмотрел замок, тихо потрогал ручку. Беглый ассистент проявил необъяснимую беспечность: дверь оказалась не заперта. Видимо, антураж средневековой сказки подействовал на Разуваева расслабляюще.

Лыков быстро вошел в номер и закрыл дверь изнутри. Разуваев сидел у окна и что-то писал. Он удивленно оглянулся через плечо и вздрогнул:

– Вы?

– Здравствуйте, Петр Никодимович. Или лучше агент Макс? Вот, зашел вас навестить.

– Как вы меня нашли?

– От русской полиции не скроешься, пора бы это знать.

Ассистент вскочил и попытался убрать бумаги в стол. Сыщик вырвал у него листы и просмотрел. Очень странно! Текст был написан рукой доктора Филиппова – он узнал его округлый почерк. Но чернила были бледные, будто бы застиранные, и текст едва читался. Разуваев обводил его заново пером.

– Что это?

Предатель молчал. Вдруг он кинулся мимо сыщика к двери. Тот мгновенно вытянул руку и сбил противника на пол.

– Не советую, – сказал менторским тоном коллежский советник. – Здешней полиции лучше не сообщать о нашей встрече. Иначе мне придется открыть на допросе, что вы обманули германское правительство.

– Что значит обманул? – выкрикнул Разуваев, не торопясь подниматься.

– То и значит. Всучили им второсортные бумаги, а первый сорт предложили купить Моргану.

Физико-химик встал, отряхнул брюки. На Лыкова он смотрел волком.

– Вы не сумеете это доказать!

– Еще как сумею. По вашу душу в Гейдельберг приехал не я один. Второго господина вы помните, это мой помощник граф Стырье. А третий приплыл из-за океана, капитан второго ранга Мак-Алай, военный разведчик. Ваша писулька миллиардеру у него при себе.

Разуваев схватил ртом воздух.

– Где он?

– Мак-Алай? Придет сюда через пять минут вместе с графом. Вы сейчас, Петр Никодимович, спуститесь вниз. И попросите конторщика принести в номер пиво и четыре стакана. Заодно сообщите, что ждете двух приятелей – пусть их пропустит.

– Зачем все это? Вы арестуете меня? Но они не позволят вам!

– Петр Никодимович, возьмите себя в руки и осмыслите ситуацию здраво. Мне не нужна ваша жизнь. И ваша свобода тоже. Даже деньги, что заплатили вам за измену германцы, можете оставить себе. Мне нужны лишь две вещи.

– Какие?

– Первое: ваш правдивый рассказ. Как вы убили Филиппова, как скрыли преступление и как украли его труды. А второе: мне нужны эти бумаги. Отдайте их нам и идите на все четыре стороны!

– Бумаг при мне нет, они в Берлине, в банковской ячейке, – быстро сообщил Разуваев. Было понятно, что он не врет.

– Жаль... – Тут сыщик спохватился и приказал: – Идите немедленно вниз и сделайте, как я велел. Быстрее возвращайтесь, и чтобы без глупостей.

Физико-химик постоял секунду и вышел вон.

Лыков рисковал, отсылая его к портье одного. Но если пойти с ним, это будет подозрительно. Тогда немец снизу точно позвонит в полицию. Надо надеяться, что у Разуваева хватит ума не поднимать тревоги. И откупиться от русских, оставив немцев в неведении относительно своей проделки.

Физико-химик вернулся быстрее, чем ожидал Алексей Николаевич, и не один. С ним был портье: он принес поднос с бутылками и стаканами. Поставил его на стол, огляделся и вышел. Хорошо, что проверил, подумал сыщик. Убедился, что все в порядке, люди мирно беседуют...

– Итак, продолжим. Бумаги не здесь, а в Берлине. Что ж, сегодня же едем туда, все четверо. Вы без скандала отдаете нам рукописи, и мы вас отпускаем. В Россию, правда, вам лучше не возвращаться, но преследовать вас за границей Департамент полиции не станет. Согласны на такой расклад?

– Вы оставляете меня без средств к существованию!

– Ваши средства ворованные.

– Но...

Тут распахнулась дверь, и вошли Челубей с Олтаржевским.

– Вот и мы. Продолжайте, господа.

– Это мистер Мак-Алай, – представил сыщик джи-мена предателю. – Он прибыл сюда из-за вашего обращения к Моргану. Так что я не шутил – полицию звать не надо.

Челубей сразу взял быка за рога:

– Я, господин Разуваев, в прежней жизни был российским подданным. Вот мой паспорт, убедитесь. Сейчас я Джейкоб Мак-Алай, военный разведчик на службе у правительства САСШ. А вот оригинал вашего послания Джону Пирпунту Моргану. Германцам действительно лучше не видеть этой бумажки. Поговорим?

Физико-химик посмотрел документы и окончательно сник:

– Поговорим... Хотя все козыри у вас на руках. Где мои гарантии? Я отдам вам бумаги только в обмен на мое письмо.

– Это можно, – кивнул Недашевский.

– Беда в том, что украденное наследство Филиппова не здесь, – пояснил Лыков. – Оно в Берлине, в банковской ячейке. Но Петр Никодимович передаст все нам, мы уже почти договорились об этом. Выезжаем сегодня, так, господин Разуваев?

Тот сокрушенно подтвердил:

– Если вы настаиваете...

– Мы настаиваем. А сейчас, пожалуйста, ответьте на наши вопросы. Расскажите честно, как все было.

– Да, изложите, как вы по приказу германской разведки убили российского подданного доктора Филиппова, – дополнил поручик.

На этих словах Разуваев вдруг окрысился:

– Не надо меня стыдить! Ваше охранное отделение прекрасно знало про немцев. И дало санкцию на устранение доктора.

– Вот как? – вспыхнул Олтаржевский. А Лыков, который уже подозревал нечто подобное, поморщился словно от зубной боли. Э-хе-хе, охранка, черт ее дери...

Разуваев между тем уселся поудобнее и рассказал совершенно невероятную историю.

Предложение заработать кучу денег он получил в Риге, во время очередных испытаний подрывного аппарата. Результаты оказались хорошими, и немцы всполошились. Директор-распорядитель завода Рутенберга, Карл Гереке, вызвал однажды ассистента на откровенный разговор. Он заявил без обиняков, что опыты Филиппова беспокоят германское правительство. И оно готово заплатить за то, чтобы оружие не попало в руки русских. Цену физико-химику предложили назвать самому.

Он подумал и сказал, что за тридцать тысяч рублей готов передать

немцам все материалы. Гереке ответил: им нужно другое. Пока доктор Филиппов жив, материалам грош цена. Автор идеи всегда обгонит эпигонов. Надо, чтобы автор умер. А детальное описание его идей оказалось в Берлине.

Разуваев подумал еще раз и запросил двести тысяч золотом. Только поинтересовался, как умрет его учитель. Ведь надо, чтобы подозрение не пало на ученика! Гереке успокоил: есть хорошая идея, все будет гладко.

Ассистент начал готовить преступление. Он составил реестр всех работ Филиппова, включая неопубликованные. Именно эти работы вызвали у заказчиков наибольший интерес... И когда все уже было готово к операции, вдруг случилось непредвиденное.

Один из сотрудников журнала «Научное обозрение» Финн-Енотаевский обратился к Разуваеву без свидетелей. И сказал: «Мы знаем, что с твоей помощью готовится покушение на Филиппова. Более того, мы его дозволяем, тебе за это ничего не будет». Физико-химик сделал большие глаза и спросил: «А кто это «вы»?» «Петербургское охранное отделение», – ответил Финн. И пояснил, что охранка давно наблюдает за опытами революционно настроенного ученого. И тоже не может допустить, чтобы его оружие попало в чужие руки, особенно в руки террористов. А гениальный, но легкомысленный Михаил Михайлович уже обещал последним свой аппарат.

«Так что, – закончил журналист, – Филиппова вы убивайте на здоровье. Вот только бумаги его мы вам не отдадим. Все-таки оружие, не стоит усиливать кайзера...»

– Как охранка узнала, что вы сговорились с германцами? – спросил Лыков.

– Подполковник Сазонов мастак, – ответил Петр Никодимович. – В Риге все просто, там немцы всесильны. А в Петербурге со мной на связи был барон Шиммельман, морской агент. И охранка отследила наши встречи. Скажу больше: Енотаевский откуда-то знал весь замысел в деталях. Письма, что ли, они германские читают?

– Как же вы сумели вынести документы? – быстро сменил тему сыщик.

Ассистент объяснил, что переманил осведа на свою сторону. «Если я не принесу немчуре бумаги, – сказал он, – то и двести тысяч не заработаю. За смерть доктора много не дадут, нужны еще его научные труды. Помогите мне обмануть охранку, и поделим заработок пополам». Финн-Енотаевский ответил, что заработать он не против, но как? Сразу после смерти доктора в его квартиру явятся жандармы и вывезут все подчистую. «Придется

потрудиться, – ухмыльнулся ассистент. – Ты отпустишь меня ночью со всеми документами. Утром я вернусь и положу их на место, тогда и вызывай полицию». «А что это даст?» – недоумевал освед. И Разуваев пояснил, что он снимет с бумаг оттиски с помощью шапирографа. Потом охранка заберет оригиналы, а копии останутся на руках у ловкачей. Ассистент обратит их в деньги и поделится с сообщником. И Финн немедленно на это согласился.

Алексей Николаевич понял, что он увидел, когда ворвался в номер к изменнику. Это и была одна из тех копий! Никто, и он в том числе, не сообразил про шапирограф. Новое изобретение, к нему еще не привыкли... Раньше документы литографировали, но процесс был длительный и технически сложный. Или размножали на гектографе, что тоже требовало уйму времени. Совсем другие возможности у шапирографа: копирование занимает несколько часов.

– Погодите, Разуваев. Для шапирографа нужны особые чернила, иначе оттиск не получится. А Филиппов писал обычными чернилами, – возразил сыщик.

– Тут мне помог сам Михаил Михайлович, – охотно объяснил ассистент. – Он чувствовал, что охранка за ним следит, и опасался ареста. Сцапают, бумаги отберут... Я тут как тут, подсказал сделать копии с важнейших работ. Он очень обрадовался: вот способ сохранить свои труды! Размножить и раздать друзьям, что-то наверняка дойдет до потомков. Еще и благодарил меня за идею... И переписал три наиболее ценные статьи гектографическими чернилами. Знаете? Которые с анилином.

– Так сам доктор и откатал копии? – удивился Олтаржевский. – Вот подпольщик...

– Нет, он не успел, – ответил Разуваев. – Мне пришлось. Но Михаил Михайлович здорово облегчил задачу тем, что отобрал самое важное и использовал нужные чернила.

– Но как все-таки вы убили доктора? – встрял Челубей.

– Тут уже немцы отличились. Умная нация, ничего не скажешь. Дело в том, что опыты Михаила Михайловича зашли в тупик. Он использовал для взрыва треххлористый азот. А это не очень сильная взрывчатка. Примерно втрое слабее, чем тротил. И доктору не хватало мощности! Он начал придумывать всякие улучшения. Например, добавил в колбу один ингибитор...

– Что за ингибитор? – не понял Лыков. Ему ответили сразу трое:

– Замедлитель реакции.

Сыщику стало неловко. Даже Яшка Недашевский знал это слово! Он

заупрямился и потребовал объяснений. Тогда Разуваев уточнил:

– Для увеличения выхода лучевой энергии во время взрыва есть несколько путей: можно усилить взрывчатое вещество, а можно замедлить скорость взрыва. Для второго и нужен ингибитор.

– То есть доктор нашел способ улучшить результаты?

– Нашел, – вздохнул физико-химик. – Перед самой смертью.

– Вы знаете, что за вещество он использовал? – быстро спросил Недашевский.

Разуваев нехотя признался:

– Нет. Филиппов держал это в секрете даже от меня. Но результаты резко выросли. По-моему, он готовился заменить и взрывчатку. И тогда это была бы бомба – всем бомбам бомба!

– Но вы сказали мне в Берлине, что Филиппов на самом деле ничего не изобрел, – напомнил Алексей Николаевич. – Значит, солгали? Это не так?

– Да, я солгал вам. Понятно почему: чтобы полиция от меня отстала.

– И это было настоящее оружие?

– Да, – снова вздохнул Разуваев. – Тому есть доказательство. В тот же день, когда умер доктор, на Охте взорвался жилой дом. Взорвался и загорелся, были жертвы. Так вот, это сработал подрывной аппарат Филиппова.

– Как это вышло? – возмутился сыщик. – Кто посмел?

– Да случайно получилось. Начали разбирать аппарат, а он уже был настроен. Кто-то из чинов охранного отделения повернул рычажок. И полетело! Как раз на Охту и угодило.

Лыков вспомнил, что боковое окно лаборатории Филиппова действительно выходило прямо на охтинские кварталы. Сыщик содрогнулся. Ладно хоть до пороховых заводов не дострелило! Ай да доктор Филиппов, ай да гений-одиночка! Он на самом деле изобрел оружие...

Между тем ассистент продолжил:

– Третьим способом повысить результаты является введение в замкнутое пространство аппарата соляных растворов. Тогда повышается проходимость импульса, растет мощность. Идею с соляными растворами Филиппову подсказал Гереке. Но неспроста. Мне Гереке велел во время опыта держаться от аппарата подальше. А я передал совет Енотаевскому.

– Стало быть, вы оба присутствовали в лаборатории в момент смерти ученого? – догадался сыщик.

– Конечно. Иначе как бы я сумел вынести бумаги? Енотаевский договаривался с дворником, тот, оказывается, тоже был агентом охраны.

На этих словах физико-химик закрыл лицо руками и замолчал.

– Что с вами?

– Так... Вспомнил, как упал Михаил Михайлович... Будто подкошенный! Дайте мне минуту.

Лыков тактично помолчал, потом сказал:

– Петр Никодимович, у нас мало времени. Вы начали говорить про соляные растворы.

– Да, простите. Растворы... Во время экспериментального взрыва по ним проходит волна. И создается эффект детонации в круге радиусом около метра. Но ведь организм человека тоже являет собой соляной раствор! Михаил Михайлович этого не учел. А немцы уже знали, от Дёринга. У него так убило ассистента... И Филиппов погиб, когда слишком близко встал к своему аппарату. Вскипела кровь, и конец... Он и раньше рисковал: получал сильные ожоги, на нем загорался прорезиненный фартук. На этот раз вышло страшнее. Но так, как и требовалось, чтобы запутать полицию. По всем признакам – сердце, а на самом деле убийство...

– А вы двое? Жались в этот момент по стенкам?

– Да. И дрожали, не долетит ли детонация до нас. Жуткая была ночь... Как только мне хватило духу все проделать? Дождаться смерти доктора, схватить заранее приготовленные бумаги, добежать до шапирографа, снять копии и вернуться к утру...

– Как вы обманули подполковника Сазонова, я понял, – заговорил Лыков. – Но как удалось задурить немцев?

– Я их вовсе не дурил. Это слишком опасно в моем положении.

– Но вы отдали им второсортные бумаги! Разве не так? Иначе что же вы предлагали Моргану?

Разуваев самодовольно улыбнулся и постучал себя по лбу:

– Вот!

– Да поясните, наконец, – повысил голос Олтаржевский.

– Немцам я отдал полностью бумаги Филиппова. Все до единого листа, иначе не сидеть бы мне здесь под прикрытием их разведки. Но в ту жуткую ночь я успел сделать два оттиска. А? Ловко придумано?

– То есть, – начал рассуждать вслух Алексей Николаевич, – вы успели откопировать на шапирографе все нужные бумаги. Три важнейших работы, и каждую в двух экземплярах. Потом отдали оригиналы Енотаевскому, а значит, охранному отделению. А оттиски забрали себе. Один вручили германской разведке, а второй лежит сейчас в банковской ячейке на ваше имя. Так?

– Ну наконец-то. Да, так. Но второй оттиск получился бледным, он

едва читается. Мне приходится обводить его чернилами. За этим занятием вы меня, Алексей Николаевич, и застали.

Тут возмутился американский разведчик:

– Выходит, Разуваев, вы решили два раза продать один и тот же товар?

– Да, – кротко подтвердил тот. И немедленно нашел себе оправдание: – Зато я сохранил мировое равновесие.

– Это как?

– А смотрите. Одна копия в Германии, вторая в Америке, оригиналы же – в России. Никому не обидно, никто не получит преимущества в создании этого ужасного оружия.

– В России оригиналов нет, – глухо произнес Лыков.

– Как нет? Я же лично вручил все бумаги Енотаевскому.

– Охранка их уничтожила.

Разуваев, казалось, на секунду лишился дара речи. Он вытаращил глаза и шевелил губами. Потом переспросил:

– Уничтожила?

– Да. Весь архив Филиппова сожгли в печке, в кабинете подполковника Сазонова.

– Но... зачем?

– Чтобы изобретение доктора не досталось террористам.

– Идиоты!!!

Ассистент схватил бутылку, налил пива в стакан и жадно выпил. Вытер губы и повторил:

– Нет, они идиоты. Научную мысль нельзя остановить таким образом. Придут другие исследователи и шагнут еще дальше. Надо контролировать, я понимаю. Там, где интересы государственной безопасности. А лучше вдобавок финансировать из казны, чтобы иметь право на результат. Но жечь в печи? Это же инквизиция какая-то! Средневековье!

– Что сделано, то сделано, – отрезал коллежский советник. – И не вам, предателю, говорить о государственной безопасности. Вы продали ее германцам, не забыли?

– С ведома и согласия вашей тайной полиции, – с достоинством напомнил физико-химик.

Это был самый уязвимый момент в логике сыщика. Охранка убила русского ученого. Пусть чужими руками, какая разница? Притом решение приняли люди не бог весть в каких чинах. Подполковник Сазонов, надворный советник Зубатов. И, похоже, Дурново – он дал окончательную санкцию. Если об этом узнает Плеве... А он обязательно должен узнать, долг Лыкова – сообщить все министру. Иначе ребята из охраны могут

далеко зайти.

Сыщик подумал и ответил так:

– Я веду дознание обстоятельств смерти Филиппова по распоряжению министра внутренних дел. А тому, в свою очередь, поручил это сам государь. Чины Петербургского охранного отделения будут наказаны за самоуправство.

Все молча съели его заявление. Больше всего Лыкову было неудобно перед Челубеем. Он ведь теперь американец. Что подумает джи-мен о русском правительстве, допустившем подобное?

Пора было уходить из гостиницы. Но у Лыкова оставалось еще несколько вопросов.

– Господин Разуваев, поясните, зачем все-таки немцы убили Филиппова? Они полностью контролировали его эксперименты – через вас. И ждали их завершения. Чертежи аппарата их ученые получили из Риги. Наверняка сейчас где-то его собирают, а может, уже и собрали. Так?

– Я не знаю, – потупился ассистент. – Мне не говорят. Дёринг мог, да.

– Так вот. Если бы германцы воссоздали аппарат и получили нужный результат у себя дома, тогда живой Филиппов им был бы не нужен, – продолжил мысль сыщик. – Убить, документы похитить, оставить русских с носом. Оружие-то уже у них. Но ведь этого не произошло! Даже сам изобретатель не довел свое детище до ума. Зачем его умерщвлять раньше времени? Наблюдай дальше и жди удобного часа.

– Я вас понял, – важно кивнул Разуваев. – Поясняю. Немцы догадывались, что наша тайная полиция тоже наблюдает за Филипповым. Он же болтал языком направо и налево. Ясно, что доктора вот-вот прижмут. И тогда бумаги уплывут, охранка их заберет! Решили опередить. По всем признакам, опыты Михаила Михайловича уже перешли в завершающую стадию. Дёринг с моей помощью доделал бы аппарат сам. Так им казалось.

– То есть они переоценили свои силы, во-первых. И поторопились, пока их не оттерла охранка, во-вторых. Так?

– Да. Немцы решили, что на русского гения у них есть свой, в Гейдельберге. Однако, как сейчас выясняется, их гений зашел в тупик. То, что Михаил Михайлович скрывал ото всех – и от меня в том числе, – не дается Дёрингу. А у Филиппова уже не спросишь. Вот разве что Тесла разгадает все тайны...

– Последний вопрос, Петр Никодимович. Как вышло, что кабинет Филиппова оказался заперт изнутри? Полиции пришлось ломать дверь.

– Енотаевский закрыл замок из коридора с помощью воровских щипчиков. Сказал, что этому его в охране научили.

– Теперь ясно, – подытожил коллежский советник. – Ну что ж, едем в Берлин. Там вы, господин Разуваев, отдаете то, что стащили у покойного, и идете к черту! Коммандер Мак-Алай, когда ближайший поезд?

– Через два часа.

Лыков повернулся к предателю:

– Надо бы увести вас прямо сейчас. Но боюсь, за вами следят и портье тут же предупредит полицию. Поэтому мы уходим одни, так безопаснее. Встречаемся на вокзале. Вещи с собой никакие не берите, чтобы не возбуждать подозрений. Налегке докатите с нами до Берлина, отдадите документы – и мы в расчете. В тот же день сядете в обратный поезд... Сообщать о нас тевтонам с вашей стороны глупо. Если узнают, что вы продаете их секреты американцам, сами догадываетесь, что будет. Они, наивные, думают, что теперь аппарат Филиппова – это исключительно их собственность. После того, как заплатили вам кучу денег. Это понятно?

– Да, господин Лыков.

– Бежать тоже не советую. У входа стоят филеры Заграничной агентуры Департамента полиции. Вам лучше всего честно расплатиться с нами. Тогда живите дальше как хотите, русское правительство оставит вас в покое.

– Сазонов обещал мне то же самое, а потом явились вы! Где гарантия, что после не придет еще кто-то? Например, из Военного министерства.

– Оттуда не придут. – Лыков кивнул на поручика Олтаржевского. – Граф Стырье как раз представляет военных.

– Ну ладно хоть так.

Еще перед уходом сыщик заставил Разуваева дать письменное признание, что он участвовал в убийстве Филиппова с ведома и разрешения Петербургского охранного отделения.

Трое покинули гостиницу и растворились в толпе на Хауптштрассе. Лыкову не понравился взгляд, которым наградил их на выходе портье. Но теперь оставалось только надеяться на удачу. Поезд через два часа. Тайные службы не успеют отреагировать.

Увы, коллежский советник ошибся. Немцы успели. Когда лыковцы пришли на вокзал, вместо Разуваева их там поджидала полиция. Семь шуцманов, крепыши как на подбор, стояли возле касс. Их возглавлял мужчина в статском. Лыков, увидев их, кинулся в боковой выход. Коммандер с поручиком побежали следом. Едва выскочив наружу, они обнаружили, что здесь тоже все перекрыто. Правда, шуцманов было трое, но один из них стоил целого отделения. Огромный, толстый и, видимо, очень сильный, он взирал на противников с верхотуры своего роста. И

самодовольно улыбался.

Эта гримаса почему-то особенно обидела Челубея. Он вспыхнул и сказал Лыкову:

– Каланча мой!

Тому было не до дележа. Следом уже топала погоня. Сыщик закрыл дверь снаружи, присмотрелся. И заметил на косяке стальные ушки для висячего замка. Он довольно ойкнул, ухватился за них – и своротил набок. Так, что заклинил дверь. Следом налетели семеро от касс. Начали ломиться, да не тут-то было. Дверь, заблокированная с улицы, тряслась, но не открывалась.

Довольный Лыков повернулся к остальным и увидел нелепую картину. Недашевский и гигант шуцман вцепились друг в друга и пыхтели, словно два медведя. Никто не мог взять верх, только трещала по швам одежда. Поляк схватился с другим полицаем. А третий созерцал происходящее и ждал коллежского советника. Но, едва тот вмешался в драку, все и закончилось.

Первым делом Алексей Николаевич взял своего противника в охапку и кинул далеко в сторону. Как мешок картошки. Затем оторвал от Мариана Ольгердовича второго служивого и зашвырнул его еще дальше. «Медведи» прекратили свою бесполезную возню и уставились на невысокого Лыкова, тяжело дыша. А тот смотрел снизу вверх на гиганта и думал, как быть. Если хватить об пол такую тушу, выйдет плохо, хотя силы-то достаточно. Однажды в молодости сыщик поднял на вытянутых руках по кулю с мукой. А в каждом куле было по девять пудов... Шуцман тянул на десять-одиннадцать, вполне по зубам коллежскому советнику. Но соперник ломает себе все кости. Жалко служивого человека! Ведь он выполняет приказ.

На раздумья ушли секунды, и Алексей Николаевич решился. Он подсел под здоровяка, ухватил его за бедро и рывком поднял вверх.

– Хе!

Немец растерянно завис в воздухе. Чувствовалось, что последний раз его так подымала мама в детстве...

– Скажи ему, чтобы прижал подбородок к груди, – приказал сыщик джи-мену.

– Что?

– Яша, он же тяжелый! Быстрее! Иначе затылок расшибет.

– А...

Челубей перевел шуцману команду. Лишь только сыщик почувствовал, что тот ее понял и выполнил, – сразу приложил немца лопатками на

асфальт. Так, чтобы долго не встал, но притом не покалечился.

Путь был свободен. Другие полицаи прекратили ломиться в дверь и ринулись в обход.

– Бежим!

Троица рысью пересекла площадь и вскочила в трамвай. Звения, тот поехал по линии, увозя их от засады.

У Алексея Николаевича горело лицо, на Челубее порвался сюртук. Что подумают обыватели? Сейчас их сдадут первому постовому... Вдруг Недашевский что-то произнес по-немецки. Пассажиры одобрительно загоготали, начали дружески хлопать беглецов по плечу. Через две остановки те прыгнули и шмыгнули в подворотню.

– Что ты им сказал? – спросил коллежский советник.

– Правду, – ответил командер. – Что мы с полицией подрались.

– И они так заржали? А еще говорят, немцы – законопослушная нация.

Затем сыщик вздохнул и добавил:

– Везде нас не любят, просто беда...

Они вырвались с вокзала и даже спасли свои вещи. Но что потом? Сейчас все выезды из Гейдельберга перекроют, и тогда конец. Лыков лихорадочно соображал. Нужно выбраться за город, на ближайшей железнодорожной станции сесть в поезд и уехать как можно дальше отсюда. Но не в Берлин, там их будут ждать.

Коллежский советник посмотрел на свою команду. Он чувствовал себя старшим не только по возрасту, но и по опыту. И хотя не знал Германии, но полагал, что полицейские всех стран думают одинаково.

– Слушай приказ. Прорываемся на окраину и ловим дилижанс. Или любой другой экипаж, который вывезет нас из города. Яша, в какой стороне Пруссия?

– Пруссия? – опешил джи-мен. – Вон там, а что?

– Значит, нам туда.

– Алексей Николаевич, но для чего нам в Пруссию? – осмелился спросить поручик.

– Там самая дырявая граница. Контрабандисты переправляют в Россию свои товары. И нас переправят.

– Дотуда тыща миль! – воскликнул Недашевский. – Поедьте лучше в Берлин, в американское посольство. Там нас никто не тронет.

– Это тебя не тронут, у тебя паспорт настоящий. А нас с его сиятельством «графом Стырье» посадят в Моабит, – возразил коллежский советник.

Олтаржевский поежился от такой перспективы.

– Что, Мариан Ольгердович, не хочется в кутузку? И мне неохота. Вот такие они, секретные операции; привыкайте.

– Яков, – обратился сыщик к товарищу, – ты действительно поезжай в Берлин. С нами тебе опасно.

– А вы?

– А мы с Марианом Ольгердовичем как-нибудь, через Пруссию...

– Вот еще! – обиделся командер. – Я вас в беде не брошу! Вместе будем спасаться. Говори, что делать.

– Делай, как я.

Лыков повел команду в пригород. Он верил в свою удачу. Как ни странно, но надежды его оправдались. Им несказанно повезло.

Три господина с саквояжами отдалялись от шумного центра, людей вокруг становилось все меньше, беглецы делались все заметнее. Вот-вот их увидят и схватят. Вдруг их путь пересекла добротная коляска, запряженная в пару. На козлах возвышался кучер в синей пелерине, а седок лениво развалился на скамье. Круглое лицо его источало довольство. Мгновенно Лыков узнал этого человека. Он приказал Челубею:

– Хватай лошадей!

Тот не раздумывая исполнил. Сыщик вскочил в коляску и грозным тоном заговорил:

– Вот вы где, Байо! А мы с ног сбились, вас разыскивая.

– А? Что? Кто вы?

– Лыков из Департамента полиции. Нешто забыли? Нас послало за вами русское правительство. Вы арестованы.

Кучер в недоумении оглянулся: как быть? Лошадей крепко держали и не давали ходу. Седок растерялся и не знал, что ответить. Инициативой завладел сыщик.

– Ротмистр Челубей, садитесь на козлы.

– А этого куда?

– Гоните к чертям.

Яков вырвал из рук кучера вожжи и грубо ссадил его.

– Езжайте на явочную квартиру Заграничной агентуры Департамента полиции. Надо срочно телеграфировать министру: Байо пойман!

Коляска дернулась и поехала куда глаза глядят. Бородач в синей пелерине засеменил следом, но быстро отстал. Поляк с американцем недоумевали, но не показывали виду. Начальник что-то задумал, у них есть теперь экипаж, а там как пойдет...

В 1898 году Лыкова привлекли к дознанию необычной кражи. Почтовый чиновник Байо вез на пароходе «Петербург» из Владивостока в

Одессу денежные пакеты с таможенными сборами. Во время стоянки на Цейлоне он вынес с парохода и спрятал в гостинице два мешка с золотом. Общая сумма похищенного составила сто тысяч франков! Каждый мешок с трудом тащили два дюжих матроса. Байо намеревался отстать от корабля и поселиться с капиталами в Австралии. Он даже успел во время стоянки по телеграфу прицениться к недвижимости в Мельбурне... К счастью для казны, проделку разгадал старший помощник капитана. Он арестовал вора и вернул мешки со звонкой монетой на борт. До Одессы почтовик плыл в арестантском трюме, а там его сдали судебному следователю.

Сумма похищенного была столь велика, что к дознанию подключили Департамент полиции в лице Лыкова. Алексей Николаевич по поручению следователя несколько раз допрашивал арестанта. Потом был суд. Негодяю дали восемь лет ссылки в отдаленные районы Восточной Сибири. И вдруг он попался сыщику здесь! В роскошной коляске с собственным кучером, а не на оленьей упряжке. Теперь беглеца надо было использовать сполна. Он напуган и деморализован, знает свою вину. Пусть думает, что трое русских явились сюда по его душу.

Коляска ехала всю ночь. И всю ночь у сыщика не было никакой возможности рассказать своим товарищам историю беглого почтовика. Те подыгрывали Лыкову, хотя могли лишь догадываться, в чем дело. При пленнике Алексей Николаевич именовал подручных ротмистром и приставом... Утром на постоялом дворе Байо попросился в уборную и сбежал. Тогда наконец Алексей Николаевич посвятил остальных в подробности старого уголовного дела. А еще через полдня они бросили экипаж на какой-то крохотной станции и сели в поезд.

Троице снова пришлось разделиться. Лыков с Олтаржевским путешествовали в одном вагоне, а Челубей – в другом. Сыщик жалел теперь, что не захватил второй комплект паспортов. Но пока ими никто не интересовался. Однако обольщаться не приходилось. Полиция в Германии работает образцово. Все выезды из страны перекрыты, приметы беглецов разосланы по участкам. Надо как можно быстрее добраться до Тильзита.

Этот город в Восточной Пруссии не просто так манил сыщика. В том же девяносто восьмом году он вел еще одно дознание, в которое вляпался первоначально по своей воле. В Риге убили брата его товарища Титуса. Алексей Николаевич счел своим долгом помочь Яану в беде. Вдвоем они отыскали и наказали убийц^[44]. В ходе поисков Лыков познакомился с некоронованным «королем» преступного мира Риги, неким Теодором Цвейбергом. Немец по национальности и купец по наружности, тот занимался многими темными делами. В частности, ввозил из Пруссии в

Ковенскую губернию мантроп, или неочищенный эфир. Это дешевое пойло охотно потреблял всякий сброд. Мантроп доставляли еврей-контрабандисты по тайным переходам через границу. Случайно сыщик узнал про один из них, особо удобный. Между прусским городком Коддьютен и российским местечком Скироземи был налаженный коридор. Цвейберг почти официально вел через него свои обороты, держа полицию и пограничную стражу с обеих сторон на довольствии. Если прикинуться людьми Теодора Оттоновича, можно проскочить.

Два дня ушли у лыковской команды на то, чтобы добраться до места. В пути случались разные приключения. В Дрездене им пришлось разменивать крупные купюры на мелкие, и их обжулили. Все менялы читают по лицам, вот и этот каким-то образом понял, что трое озабоченных мужчин в полицию не обратятся. И нажил на лишние пятьдесят марок.

Еще труднее пришлось в самом Тильзите. Лыковцы ужинали в ресторане на берегу Мемеля – так в Восточной Пруссии называют Неман. Вдруг к ним подошел шуцман и потребовал предъявить паспорта. Сыщик уже примерялся, как половчее ударить его в ухо. Но выручил Челубей. Он вальяжно заявил, что все трое американцы, паспорта оставили в гостинице и топтать за ними не собираются. И вообще, не мешай, мол, пиво пить... В доказательство командер подарил шуцману серебряный доллар. Эта мелочь преобразила служаку. Оказалось, его маленький сынишка собирает иностранные монеты. Полицай зажал редкую вещь в кулаке и убежал совершенно счастливый.

Уже вечерело, когда троица объявилась в Коддьютене. Крохотный городок в трех верстах от границы весь жил контрабандой. Зайдя в пивную на ратушной площади, Алексей Николаевич выбрал из толпы человека с самым алчным выражением лица. Подманил его, выложил на стол русскую золотую пятерку и сказал:

– Нам надо туда. Сведи с нужными людьми, и хорошо заработаешь.

Челубей перевел. Немец скривился:

– Нужные люди? В каком смысле?

– Если ты не понял, мы найдем другого, – рассердился сыщик и протянул руку к монете.

– Стой, я пошутил! – Мужчина схватил пятерку и сунул себе за щеку.

– Смотри не подавись. Идем, Цвейберг велел быть в Скироземи завтра.

– Ты знаешь Цвейберга? – Проводник остановился и взял сыщика за рукав.

– А как же. Старший приказчик, не кто-нибудь.

– Но почему ты русский? У него все или немцы, или евреи.

Хитрый малый явно сомневался в полномочиях незнакомца.

– Болван или прикидываешься? Теодор Оттонович лишь ввозит мантроп в Ковенскую губернию. А продает по всей России. Что, где-нибудь в Касимове тоже немцы будут торговать? Кто им даст? Я доверенное лицо Цвейберга по всей Волге!

Последние слова Лыков произнес с такой гордостью, что пруссак поверил. Он отвел их к себе домой и даже предложил кофе.

– Пить некогда, ты людей нам предъяви, – держал деловой тон Лыков.

Хозяин – его звали Дирк – послал за контрабандистами своего сына. А сам вынул колбасу, шнапс, порезал хлеб. При этом косился на сыщика, словно чувствовал, что тот полицейский...

Лыкова выручила мелочь. Он разглядывал портреты, что висели на стене в гостиной. Там были Бисмарк, Каспар Хаузер, Вильгельм и почему-то российский император Александр Третий. Дирк подкрался сбоку и неожиданно спросил:

– А как выглядит Цвейберг?

Алексей Николаевич ткнул пальцем в покойного государя и ответил:

– Вот как он. Очень похож! Только, конечно, телом пожиже.

Этот эпизод окончательно убедил хозяина, что он имеет дело с приказчиками «короля» Риги. Дирк выпил с гостями, поговорил о том о сем. Спросил, во сколько обходится русским пьяницам бутылка мантропа в Касимове. Рассказал, причем с придыханием, о своей единственной встрече с Теодором Оттоновичем. Чувствовалось, что в Коддютене имя Цвейберга – ключ ко всем дверям.

Потом явился прожженный веселый еврей, назвавшийся Мойшей. Этот времени не терял и мигом перевел разговор в деловое русло. Сказал, что перейти границу сегодня можно и это будет стоить двадцать пять рублей с человека. Пересчитал в уме по курсу Берлинской биржи и назвал сумму в марках. Еще по пятерке добавил за багаж.

– Да там одни кальсоны, – пытался торговаться Лыков, но контрабандист был неумолим. Пришлось выдать ему деньги вперед. Расплатившись с Мойшей, Алексей Николаевич протянул пруссаку четвертной билет.

– Как обещал!

Но Дирк неожиданно заупрямился:

– Этому иудею ты вручил вон какую пачку, а мне только одну бумажку? Так нечестно.

Коллежский советник пробовал унять вымогателя:

– Мойша пойдет с нами ночью через границу. Все риски на нем. А ты

всего лишь посредник.

Но пруссак уже закусил удила:

– А мое молчание, что, не стоит ни пфеннига? Сейчас пойду и заложу вас полиции. Плати сотню, не то угодишь в тюрьму как русский шпион!

Челубей с Олтаржевским начали нервничать. Дайте, мол, Алексей Николаевич, сколько просит, и пойдем быстрее на родину. Яков даже вынул бумажник.

– Молчать! – приструнил своих сыщик. Потом взял хозяина за ворот, оторвал от пола, сильно потряс и сказал с угрозой: – Если ты, скотина, это сделаешь, Цвейберг нас выкупит. Но запомнит, кто именно сдал полиции его людей. Знаешь, что с тобой тогда будет?

– Что? – замер, как в тисках, Дирк.

– Не убьет, не бойся. Просто занесет в черный список. Весь город будет получать профит от оборотов Теодора Оттоновича. А ты один останешься в стороне. Навсегда.

Поставил пруссака на пол, брезгливо вытер руку о штаны и прикрикнул на Мойшу:

– Вперед, пархатый! Солнце скоро сядет.

Когда лыковский отряд вышел на улицу, действительно уже стемнело. Мойша, как оказалось, приехал на линейке. Клиенты уселись, положили вещи и двинулись к границе. Недашевский прошептал:

– Как только ты не побоялся отказать немцу? Может, зря? Он нас сейчас выдаст с обиды.

Алексей Николаевич так же шепотом ответил товарищу:

– Наоборот, если бы я дал слабину, тогда Дирк точно побежал бы в полицию. Люди Цвейберга лишнего платить не должны. А вот русские шпионы...

Коридор оказался отлажен выше всех похвал. Хоть обозом проезжай! А может, Теодор Оттонович так и делает? Лыков с товарищами только дивились. Ни постов, ни патрулей... Без особых препятствий, не слезая с линейки, они приехали в Российскую империю. Коллежский советник соскочил на родную землю, перекрестился и сказал:

– Слава богу!

Глава 10

А Филиппова никто не пожалел...

Рискованное приключение закончилось для команды Лыкова благополучно. Особенно радовался поручик Олтаржевский. История про выпоротого офицера не давала ему покоя.

Переночевав на постоялом дворе, утром троица разделилась. Алексей Николаевич с Марианом Ольгердовичем поехали на еврейской колымаге в Шавли. Там они собирались сесть на поезд из Либавы и через сорок часов прибыть в Петербург. А Недашевский отправился напрямик в Царство Польское. Ему нужно было возвращаться в Германию.

Действительно, поручения правительства командер не выполнил. Однако немцам нечего было ему предъявить. Мак-Алай въехал в страну по своему паспорту. Встречался с Разуваевым? Да, встречался. Чтобы пригласить его на работу в Америку. Что такого? После убийства Филиппова его ассистент германской разведке был не нужен. Ценность Петра Никодимовича как ученого сомнительна, а русские под боком – вдруг спохватятся? Пусть предатель плывет за океан, всем станет только легче. Челубей намеревался увезти изменника в Нью-Йорк вместе с бумагами.

Коллежский советник тоже не выполнил того, что задумал. Документы, украденные у Филиппова, теперь для него недоступны. Остались лишь девять листков из рукописи без начала и конца – бледная копия с копии, частично обведенная заново чернилами. Но сделка есть сделка! Лыков договорился с другом, что, если американец добудет научные труды доктора, для русских изготовят экземпляр.

Но в целом дознание пора было заканчивать. Теперь для сыщика не осталось секретов. Плеве давно вернулся из Саровской пустыни и ждет доклада. Еще одно маленькое расследование, и можно идти к министру.

В Петербурге Лыков с Олтаржевским расстались по-дружески. Жаль, что поляк служил не в полиции, а в разведке. Сыщик давно подыскивал себе ученика. Валевачев подвел, выйдя в отставку. Жаль...

Алексей Николаевич заехал домой. Помылся, переоделся и, не заходя на службу, отправился на Охту. Ему хотелось разобраться, что же там случилось днем 12 июня, когда в кабинете Филиппова хозяйничала охранка.

Брандмейстер Охтинской части коллежский ассессор Резванов хорошо знал сыщика. И удивился его приходу. С чего это вдруг?

– Феодосий Иванович, расскажите мне, что у вас за пожар был двенадцатого? – с порога заявил Лыков.

– Никакого пожара не было.

– Виноват, я имел в виду июнь, а не июль.

– А! – Брандмейстер даже вскочил. – Так бы и говорили сразу. Да, в июне случилось нечто странное. Я бы даже сказал: загадочное.

– Люблю загадки, Феодосий Иванович. Расскажите.

Резванов подробно изложил необычный случай. В начале пятого часа дня вдруг вспыхнул дом № 53-6 на углу Большеохтинского проспекта и Панфиловской улицы. Удивительным было то, что запылало кирпичное здание! Хотя сам кирпич гореть не может, там просто нечему гореть... Причем здание одновременно и загорелось, и взорвалось. Вроде бы огонь появился сначала в подвале трехэтажного флигеля, где размещался склад аптекарских препаратов. Но скоро рвануло так, что разрушилась задняя стена пятиэтажного дома. На месте погибли дворник Илюхин, прислуга Потемкина и лошадь, что стояла во дворе. Без вести пропал шестнадцатилетний парень, находившийся в это время в квартире.

Огонь разгорелся с большой силой. Его тушили пять пожарных частей, с Невы подошли пожарные пароходы. Но здание сгорело полностью, не удалось отстоять и соседний деревянный дом госпожи Алексеевой. А на другой день при разборе завалов нашли и труп пропавшего подростка. Тело было изувечено и сильно обгорело.

Резванов лично обследовал место возгорания и заметил странности. Вроде бы вина за пожар лежала на хозяине аптечного склада. Держать магазин ему разрешили с тем условием, что там не будут храниться легковоспламеняющиеся материалы. А он, стервец, поместил туда два пуда бензина! Вот они и взорвались. Но как могло такое незначительное количество бензина поднять на воздух пятиэтажный кирпичный дом? И почему стена здания, обращенная к Неве, вспыхнула, словно бумажная?

– Это все странности? – спросил сыщик.

– Нет, – ответил пожарный. – Весьма необычные раны нашли на теле подростка Богачева. Представляете, ему снесло верхнюю часть головы, оторвало левую руку и обе стопы.

– Словно в него попал артиллерийский снаряд, – тихо проговорил сыщик.

– Вот и я об этом! – поднял указательный палец брандмейстер. – Нет, что-то здесь не то. Никогда не видел ни таких ран, ни таких взрывов.

Коллежский советник попросил снять копию с протокола и доставить ему на службу. Затем поблагодарил Резванова и откланялся. Беседа подействовала на сыщика удручающе. Он убедился, что Филиппов в самом деле изобрел оружие. Это не фантазии, не заблуждение. Был создан работающий прототип. И теперь бумаги к нему в руках у немцев. А оригиналы сожгли тупоумные жандармы.

Кстати, о жандармах. Лыков заглянул и к ним. Предварительно оттиснув на том же шапирографе копию с признания Разуваева. В нем ассистент рассказывал, как вступил в сговор с агентом охраны Енотаевским. И тот позволил вынести рукописи Филиппова, для их копирования с последующей продажей немцам. Забрав себе за это половину вырученных денег, сто тысяч рублей.

Сазонов начал читать документ и быстро побагровел. Дойдя до нужного места, произнес по слогам, с нарастающим изумлением:

– Ша-пи-ро-граф! Эх, ё!

Потом уставил на сыщика почти безумный взгляд:

– И здесь жида...

Когда же подполковник дошел до сути, то заревел:

– Ах, сволота! Сто тыщ! Сто тыщ!!!

Создавалось впечатление, что больше всего его злит именно сумма. Освед хапнул – и не поделился.

– Больше ничего не хотите сказать, подполковник? – сквозь зубы спросил Алексей Николаевич.

– Вы про что?

– Да не про то, как ваши агенты на крови зарабатывают. И продают немцам наши секреты.

Жандарм молчал, сверля собеседника холодным взглядом. Лыков вспомнил разговоры, которые ходили про тайную полицию. Есть, мол, там такой ротмистр Комиссаров, мастер на все руки. Может и убийство организовать, и все будет шито-крыто...

– А про то, как вы убили русского человека немецкими руками.

– Да правильно мы сделали! – закричал подполковник так, что из приемной в испуге прибежал секретарь. – Этого ученого надо было живьем зажарить его же аппаратом!

– Вы, собственно, так и поступили.

– Забыли, коллежский советник, что рассказывал штабс-капитан Григорьев? А? Про взрыв Зимнего дворца, про торговлю Филиппова с Гершуни! Вот мы не забыли.

– Кто «вы»?

– Патриоты России, вот кто.
– В кабинете министра внутренних дел вам придется назвать всех «патриотов» по именам, – пригрозил Лыков.

Но начальник ПОО не испугался:

– Доносите! Мне плевать, я знаю, что поступил правильно. Высшая инстанция – государь, и он поймет. Мы жизнь его спасали, чего мне стыдиться?

Потом вдруг притих, снял трубку телефона и приказал:

– Срочно найти Енотаевского и доставить ко мне. Под конвоем!

Посмотрел на сыщика, словно бы в первый раз его увидел, и скривился:

– Прочь с глаз моих!

После этого действительно пора было идти к Плеве с докладом. Министр принимал должностных и частных лиц ежедневно с одиннадцати до двенадцати в своей квартире на Фонтанке, 16, кроме четвергов и неprisутственных дней. Была пятница, половина двенадцатого; значит, Плеве сейчас там. Лыков привез из Германии дурные новости. Обнародование их может стоить должностей трем господам: Сазонову, Зубатову и Дурново. На первых двух сыщику было наплевать. Черт бы с ними. Но Дурново... Он уважал Петра Николаевича. Восемь лет Лыков прослужил под его началом. Никогда не возникало между ними недоразумений, это был выдающийся государственный деятель! Потому Алексей Николаевич считал своим долгом предупредить товарища министра, чтобы ждал неприятностей. По его, Лыкова, докладу.

Дурново оказался на совещании. Алексей Николаевич записался к нему на прием в четыре часа и ушел. Ему не хотелось идти на службу. Вдруг Плеве вспомнит о своем поручении? Дома тоже находиться опасно – вызовут по телефону. Мозолить глаза Таубе? Но тот уже знает от Мариана Ольгердовича, что чины МВД отдают русских ученых на расправу германским шпионам. Барон не удивился, он видел и не такое. Но все равно перед ним было неловко, ведь Лыков служил с убийцами в одном ведомстве и в отставку подавать не собирался.

Еще чуть-чуть сосало под ложечкой. Сазонов тоже доложил по команде об угрозах сыщика. А вдруг сплетни про охранку и ее методы правдивы? Подойдешь к дому, а на тебя ни с того ни с сего нападет маниак с ножом...

В итоге сыщик проторчал полдня в Русском музее императора Александра Третьего. Кстати, отдохнул душой. В назначенное время он

явился к товарищу министра.

Дурново протянул сыщику руку и взглянул на него с тревогой. Неужели ему не доложили? Коллежский советник начал спокойным тоном:

– Петр Николаевич, вы же меня знаете. И понимали, что я докопаюсь до истины. Зачем же тогда солгали?

– О чем именно? – пробовал схитрить тайный советник.

– О том, что Сазонову нечего мне больше сообщить.

– А я солгал?

– Еще как. Или вы скажете мне сейчас иное? Что охранное отделение казнило Филиппова руками германских шпионов, а вам об этом никто не сообщил? Тогда Сазонова с Зубатовым надо отдать под суд за убийство русского подданного.

Дурново откинулся на спинку стула и ухмыльнулся:

– А вы, Алексей Николаевич, тоже хороши. Как ребенок, право. Поверили политику. Разве можно доверять политикам? Ни единому слову нельзя!

– Но вам-то самому не стыдно? Взрослый ответственный человек...

– Нисколько, – твердо заявил Дурново. – Я же политик. Тут нет ни стыда ни совести, только голый расчет. Важно, поможет ложь получить власть, удержать ее или нет. Если поможет, я легко солгу. Хоть вам, хоть государю императору.

Лыков был шокирован таким откровенным цинизмом. А Дурново продолжил:

– Вы, Алексей Николаевич, реликт. Ископаемое. Это оттого, что не лезете в политику. Правильно делаете, и дальше не суйтесь. Помнится, еще мудрый Благово советовал то же самое. Сыщик вы замечательный, вот и в этом деле разобрались. А туда, наверх, – тайный советник ткнул пальцем в потолок, – не ходите.

– Петр Николаевич, но все же почему?

– Почему мы казнили Филиппова? Да за его революционные глупости.

– Но почему во внесудебном порядке? Это незаконно!

– Опять вы за свое, – вздохнул Дурново. – Вспомните старое дело Лобова, в котором вы активно участвовали. Ведь перебили же всю его банду без суда и следствия?

– Да, но санкцию на то дал сам государь.

– Алексей Николаевич, не путайте прежнего государя и этого. Александр Александрович был сильная личность. А нынешний слаб. Он с удовольствием сам отдал бы вопрос о жизни и смерти Филиппова на наш суд. Мы лишь прочитали его мысли. И сделали за царя грязную работу. К

пользе империи!

– Хорошо, в этом есть логика, – кивнул Лыков. – Но почему вы не спросили Плеве? И за него тоже сделали грязную работу?

Дурново молчал, обдумывая свой ответ. А сыщик разволновался еще сильнее:

– Вы понимаете, что я сделал большое одолжение лично вам? Тем, что пришел сначала сюда, а не к министру.

– Понимаю. И благодарен за это.

– А почему я так поступил? Из уважения к вам, Петр Николаевич. Не губите во мне это чувство. Объясните русским языком, почему вы утаили дело доктора Филиппова от Вячеслава Константиновича?

Дурново молча размышлял. К удивлению сыщика, он вовсе не боялся предстоящих объяснений с Плеве. Почему? Петр Николаевич просто решал, безо всякого беспокойства, открыть ли тайну Лыкову. Наконец он заговорил:

– Хорошо, откровенность за откровенность. Плеве не должен оставаться на должности. Он плохо исполняет свой долг перед государем и обществом. И мы с вами об этом уже говорили.

– Вы ссылаетесь на общество? – не поверил своим ушам сыщик. – Вы, который презирает его!

– Так вот, – как ни в чем не бывало продолжил Дурново, – скоро Вячеславу Константиновичу конец.

И тут же спохватился:

– Я имею в виду отставку, а не смерть от бомбы террориста! Пора, давно уже пора устранить Плеве. Он только вредит своей оголтелой непримиримостью. И государю открыли на это глаза.

– И кто тот смельчак?

– Витте, кто же еще, – удивился неведению сыщика товарищ министра.

Лыков вдруг вспомнил о другом:

– Филиппова приговорили к смерти за то, что обещал свой аппарат Боевой организации эсеров. А вы уверены, что это правда?

– Уверен, – ответил Дурново. – Наш человек слышал это своими ушами!

Лыков начал рассуждать вслух:

– На встрече с ученым были Гершуни и некий Иван Николаевич, член ЦК партии социалистов-революционеров. Губастый, неприятный... Гершуни заподозрить трудно. Стало быть, Иван Николаевич – ваш освед?

Дурново понял, что сболтнул лишнего. И опять перевел разговор на министра:

– Со дня на день Плеве отправят в Государственный совет просиживать штаны. Сергей Юльевич только что обговорил это с Его Величеством. А я останусь. Так что в ваших интересах, Алексей Николаевич, не ссориться со мной сейчас. Не плюйте в колодец, как говорится!

– По-прежнему не понимаю, – упрямо возразил Лыков, – зачем скрывать дело о подрывном аппарате от Плеве.

– Ах, ну я же все объяснил! Плеве выкинут, его должность займет Витте. И тут же преподнесет государю новость. Открыт заговор с целью цареубийства. Злодей-ученый подрядился изготовить страшное оружие боевикам из ПСР. А Витте с Дурново все узнали и вовремя пресекли. Плеве не смог, а мы сумели.

Теперь Лыкову стало все ясно. И ощущение было такое, словно он вляпался в дерьмо... Петр Николаевич прочел это по его лицу и усмехнулся:

– Ай-ай. Двадцать лет служите в полиции и все еще не привыкли. Пора взрослеть!

– Увольте от такого, – пробормотал сыщик. Потом до него дошло: – Но позвольте, какой же из Витте министр внутренних дел?!

– Разумеется, никакой. – Петр Николаевич лихо подмигнул собеседнику. – Он будет лишь надувать щеки. А все дела стану вести я. Тут и для вас откроются новые служебные перспективы, ежели примете верное решение.

Лыков поднялся:

– Разрешите идти, ваше превосходительство?

– Погодите, – спохватился Дурново. – Что вы решили? Почему бы вам не дождаться конца августа, как я просил? Богу угоддай, а черту не перечь...

– Считаю своим долгом доложить все министру немедленно, – твердо ответил Лыков.

– Ну-ну... Смотрите, потом не пожалейте.

– Не пожалею, – заверил начальство коллежский советник. – А вы пока готовьтесь объясняться с министром. Думаю, по итогам в Госсовет могут сослать вас, а не его.

Дурново, кряхтя, нагнулся и вынул из тумбы письменного стола черную папку:

– Вот.

– Что это?

– Моя страховка, Алексей Николаевич. Не зря же я главный почтмейстер!

Сыщика осенило:

– Вы осмелились перлюстрировать личную почту Плеве?

– Еще как осмелился, – гоготнул Дурново. – Он такого понаписал, кретин! И про государя, и про великих князей. А уж эпитеты в адрес коллег-министров... Достаточно показать это кому следует, и Орлу конец. Пусть-ка попробует меня прижать.

Лыков был в замешательстве. Хотя он знал то, что было известно лишь узкому кругу лиц. Перлюстрация в последнее время стала всеобъемлющей. Вскрытию и прочтению подлежали письма всех чиновников, начиная с помощника директора департамента и выше. Это называлось осведомлением, представляющим общегосударственный интерес. В отличие от политического осведомления по спискам Департамента полиции, охватывающего лишь революционеров и их сообщников. Сам Алексей Николаевич после одной беседы с цензором поступал хитро: чертил на обороте своих писем полосы черным карандашом, чтобы они пересекали клапаны конверта. Такие письма не вскрывали. При обработке паром карандаш расплывался, и становилось ясно, что конверт распечатывали... В общегосударственном осведомлении было только одно исключение: не подвергались перлюстрации письма министра внутренних дел. И то лишь пока он занимал должность. Дурново смело нарушил этот запрет. И судя по всему, получил мощное оружие против Плеве.

– Ну, не передумали? – спросил товарищ министра, протягивая сыщику руку. – Я бы на вашем месте...

– Точно отобьетесь? – усмехнулся сыщик, решив сделать хорошую мину при плохой игре.

– Точно. Этот идиот решил, что ему все можно. А тут еще ремонт на почтамте! Он совсем раскудахтался. Ну и дал маху, будто дитя.

Действительно, в здании Петербургского почтамта с начала июня делали ремонт. И перлюстрация официально была приостановлена, министру перестали по утрам приносить конверты, набитые меморандумами. Очевидно, Плеве решил, что «черный кабинет» на время закрылся, и допустил в частных письмах ряд резких высказываний. Дурново, курировавший Главное управление почт и телеграфов, воспользовался его наивностью. Грязь, кругом одна грязь...

В последний момент, уже на пороге, тайный советник остановил коллежского. И попросил съездить в Гродненский тупик^[46] на разговор.

Алексей Николаевич отказался наотрез. Дурново стал упрашивать его переговорить хотя бы с Витте. Может быть, тот найдет нужные слова и убедит сыщика подождать две недели.

Лыкову не хотелось беседовать с министром финансов. Решение он уже принял и менять его не собирался. Но Дурново настаивал. И даже предложил, чтобы его экипаж отвез Алексея Николаевича на встречу. Пришлось согласиться.

Витте жил на Елагином острове, во флигеле одноименного дворца. Когда коляска товарища министра подъехала, сыщик увидел смешную картину. Толстый долговязый Витте ехал верхом на таком же толстом жеребце. Его сопровождал охранник в мундире корпуса пограничной стражи. Заметив Алексея Николаевича, сановник с трудом слез, бросил стражнику удила и сразу перешел к делу:

– Господин Лыков, я всегда считал вас умным человеком. А теперь вы меня разочаровываете. Скажите, что вам нужно?

– В каком смысле? – поинтересовался сыщик, хотя понял, о чем речь.

– Всем людям что-нибудь нужно. И вы не исключение. Чин, аренду, пособие – что желаете?

– Да ничего мне не требуется, господин Витте. Я против того, чтобы секретные службы подменяли собой закон.

– А вот я стану министром, тогда все наладится. Помогите мне в этом, Алексей Николаевич. И вообще... Не справляйте нужду против ветра.

Тут Лыков рассердился:

— Вы, что ли, ветер? Почему не ураган, не высшая сила, не провидение? Выпейте пилюлю от мании величия!

Повернулся и ушел. Торга не получилось.

Разговор Лыкова с министром состоялся почти ночью на квартире последнего. Плеве, несмотря на поздний час, был энергичен и бодр. Сыщик уже узнал в кулуарах, что Вячеслав Константинович очень доволен

поездкой в Саровскую пустынь. Две недели он не отходил от царской четы и стал незаменимым человеком. Фонды министра на придворной бирже резко повысились.

За чаем Алексей Николаевич доложил результаты дознания. Плеве слушал, изредка задавая уточняющие вопросы. Снисходительнее всего он отнесся к проступку Сазонова. Сказал: подполковник – человек военный, начальство приказало – он исполнил. Поведение Зубатова вызвало более резкую реакцию. Сергей Васильевич лишь по чину состоял в седьмом классе. Влияние его на внутреннюю политику было выше некоторых министров. Начальник Особого отдела Департамента полиции! Создатель новых охранных отделений, покрывших сетью все важные центры империи. Идеолог внутреннего осведомления и мастер тайного сыска. И вдруг подменяет собой министра, вынося смертный приговор революционеру...

Более же всего Орел обиделся на своего товарища. Алексей Николаевич не сказал всего. Он умолчал, в частности, о мотивах заговорщиков. Но министр и так все понял.

– Почему эти твари решили обойтись без меня? – вскричал он. – Чтобы приписать всю заслугу себе, когда выкинут Плеве за борт. А вот поторопились! Ну, Дурново, берегись...

Потом начал зачем-то рассказывать сыщику о слабом характере царя, у которого семь пятниц на неделе:

– Мы убедили Его Величество, что Витте враг, еще в конце прошлого года. Третьего января был подготовлен указ о его отставке. Я сам держал бумагу в руках! Но вмешалась эта дура, вдовствующая императрица Мария Федоровна. Да еще сына привлекла, великого князя Михаила Александровича. И они переубедили царя. Вместо пинка под зад этот жидовский прихвостень получил благодарственный рескрипт! По случаю десятилетнего пребывания на посту министра финансов. Боже, как с ним трудно, с таким самодержцем-флюгером. Как я устал...

Коллежский советник передал министру доказательства того, что вся история – правда. Копию рукописи Филиппова – все, что осталось от его трудов, – Плеве не стал и смотреть. А вот признание Разуваева внимательно изучил. На прощание спросил, пристально глядя в глаза сыщику:

- Сильно вас подкупали?
- Да так...
- К Витте возили?
- Э-э...

– Но вы не поддались. Молодец, Алексей Николаевич! Примите мою благодарность. В наше время почти не осталось верных людей.

Лыков вернулся домой уже за полночь. Он не был уверен, что правильно поступил, открыв тайну министру. Тот действительно нарывался, восстановив против себя всех и вся. Сейчас, получив в руки доказательства измены, Плеве уничтожит оппозицию в рядах МВД. И набросится на крамолу с удвоенной силой. После Сарова он любимчик государя и, что не менее важно, государыни. Полный карт-бланш. Выдержит ли такое Россия?

Как бы то ни было, коллежский советник следовал присяге. А такими вещами Алексей Николаевич Лыков не шутил.

Теперь жизнь сыщика перешла в новую стадию. Плеве не сегодня завтра убьют, и его враги вернутся на прежние позиции. Могут и отомстить слишком принципиальному чиновнику. Что ж, на все воля Божья... Зато совесть чиста.

К удивлению Лыкова, дальше события текли тихо, без скандалов и отставок. Видимо, с обеих сторон велась подковерная борьба. Алексей Николаевич занимался своими делами, его не беспокоили. Приехал из Берлина Недашевский и поделился неудачей. Он не нашел Разуваева – немцы после случая в Гейдельберге спрятали опасного свидетеля. Получалось, что командер провалил задание. Как теперь донести начальству? Яков поселился на Моховой, где Лыкову без семьи было одиноко. И в первый же вечер они напились чернее государевой шляпы.

После третьей бутылки джи-мен признался товарищу, что ему поручено создать в Германии тайную резидентуру.

– А в России? – в лоб спросил хозяин.

– Пока нет, но в будущем не исключаю, – ответил тот, обводя мутным взором комнату.

– Гляди у меня, – Лыков сунул Челубею под нос кулак, – ежели узнаю, что против родины шпионишь – прибью! Не посмотрю, что друг.

– О'кей!

– Чего?

– Договорились, вот чего.

На следующий день приятели снова напились, и хозяин попросил гостя рассказать о Тесле. Челубей запел соловьем:

– Вот фигура так фигура! Не то что другие. Серб считает, что люди должны пользоваться электричеством бесплатно. Как воздухом. Представляешь?

– Но ведь его выработка стоит денег, – удивился Лыков.
– Сейчас да. Но Тесла научился добывать ток в любых количествах. Черт знает откуда. Он волшебник, я говорю тебе!
– Волшебники не работают на миллиардеров.
– Это временно, – твердо заявил джи-мен. – Надо с чего-то начать. Вот он и начал с башни.
– Опять ты про башню, – расстроился сыщик, подливая водки. – Что с нее упомянутому тобой человечеству?

Но Челубея уже понесло, и он начал сыпать непонятными русскому уху цифрами:

– Ты там не был, босяк поволжский, а я был! Само сооружение высотой почти двести футов. Под ним стодвадцатифутовая стальная шахта^[47]. На башне медный купол весом пятьдесят пять тонн. Можешь себе представить?

– Ты бы мне в саженьях и пудах...

Челубей начал пересчитывать и спьяну запутался. Выпил еще и заявил:

– Тесла – гений, гений, гений. Он хочет создать «Мировую энергетическую систему». Понимаешь? Земной шар – это огромный конденсатор. А башня – резонатор. С помощью сверхмощных пульсаций электроэфирных полей, излучаемых этим резонатором, Тесла генерирует электричество в невиданных ранее объемах. А ты – кто такой Тесла... Темнота!

Лыков решил поумничать:

– Какие такие эфирные поля? Ты разве не знаешь, что эфира не существует, это выдумка! Эксперимент... как уж их? Вот! Эксперимент Майкельсона и Морли все доказал.

– Сам ты выдумка, вместе с Майкельсоном, – обиделся за субстанцию джи-мен и едва не полез на хозяина с кулаками. Кое-как они помирились и выпили за торжество науки.

На следующий день Мак-Алай переехал в гостиницу. От греха подальше, пока не спился... И приступил к выполнению своих официальных обязанностей – помощника военно-морского агента САСШ. Лыков не решился просить у начальства отпуск – он ждал разрешения конфликта. И дождался. Гром грянул 16 августа.

В этот день у Витте был очередной высочайший доклад. Неожиданно ему телеграфировали из Петергофа, чтобы он привез с собой управляющего Государственным банком Плеске.

Министр финансов очень удивился. Плеске – технический работник,

узкий специалист. Что за вопросы появились к нему у государя? Никогда прежде руководитель Государственного банка не удостоивался такой чести. Витте почуял неладное. А ведь все складывалось так хорошо! Он позавчера окончательно убедил Его Величество, что Орла надо срочно убирать. Вот-вот появится соответствующий указ. И вдруг...

Так и вышло. В конце доклада Николай Александрович сказал Витте, что решил назначить его, столь опытного человека, на высший в империи пост – председателя Комитета министров. Сергей Юльевич опешил. Он вполне искренне считал себя незаменимым. А тут вдруг отстранение от дел! Комитет министров – помпезная фикция. Председатель его никому не нужен и ни на что не влияет. Туда входят двадцать четыре человека: министры, главноуправляющие отдельными частями управления, председатели департаментов Государственного совета и госсекретарь. Комитет задумывался как совещательное собрание высших представителей власти. Исполнительной властью он не обладал, все его решения приводились в действие лишь после кассирования государем. Председатель Комитета даже не имел регулярного высочайшего доклада. Министры пропускали через него второстепенные вопросы, а важные старались решить напрямую у царя.

Все это Витте высказал своему августейшему собеседнику. Вместе с обидой, разумеется. А тот утешительно похлопал его по плечу и приказал позвать Плеске. Теперь он будет заведовать финансами империи.

Витте не знал, что государю только что сообщили подробности интриги, в которой был замешан и Сергей Юльевич. Витте вместе с князем Мещерским задумали подлость. Они сфабриковали письмо якобы из провинции, в котором говорилось: все катится в пропасть, трон в опасности, Плеве губит империю. Спасти ее может лишь немедленная смена министра внутренних дел. Плеве надо убрать, а на его место поставить Витте. Таково общее мнение, в стране только об этом и говорят...

Мещерский обязался доставить писульку царю и обработать его в нужном духе. В заговоре участвовал и Зубатов. Он привез из Москвы незаметного тихого человечка по фамилии Зверев. Человечек обладал удивительным талантом: он мог мастерски подделать любой почерк. Обычно его звали, когда перлюстрация работала слишком грубо и повреждала вскрытое письмо. Зверев фабриковал новое, его отсылали адресату, и даже сам автор послания не смог бы отличить подделку. Теперь умелец состряпал письмо под диктовку надворного советника специально для царя. Все было наготове, как вдруг Сергей Васильевич допустил

грубую ошибку. Он посвятил в замысел своего приятеля и подчиненного Гуровича. Гурович – бывший провокатор, а ныне работник Особого отдела – выкрал у начальника черновик фальшивки и отнес Плеве. А тот предъявил государю... И Витте пал.

Отставка всемогущего министра финансов потрясла Петербург. 16 августа стало триумфом Вячеслава Константиновича. Когда он узнал эту новость, немедленно побежал молиться в Благовещенскую церковь ^[48]. И в тот же день отыгрался на Зубатове. Словно на заказ, начались волнения рабочих в Одессе по программе «полицейского социализма». Плеве, который до сих пор поддерживал «зубатовщину», якобы вдруг прозрел. Надворного советника обвинили не в фабрикация липового письма, а в потакании рабочему движению. Он был уволен в необычно грубой форме. Плеве вызвал Зубатова в кабинет и в присутствии шефа ОКЖ фон Валя разнес в пух и прах. Выражений при этом не выбирал. Услышав о себе много нового, начальник Особого отдела возмутился, повернулся и вышел вон. Хлопнув дверью так, что в приемной задрожали стекла. И через неделю очутился во Владимире, но только не в отставке, а в ссылке.

Его должность занял подполковник Сазонов. Дурново остался товарищем министра. А Лыков получил наконец отпуск и уехал к своим, в Нефедьевку. Осенью Плеве предложил ему стать вице-директором Департамента полиции – в награду за верность. Алексей Николаевич подумал-подумал и отказался. Служить в «вицеках» у Лопухина он не хотел.

За смерть русского ученого Михаила Михайловича Филиппова так никто и не ответил. И победители, и побежденные в августовской борьбе сочли, что собаке собачья смерть...

Эпилог

Витте с отвращением принял новую должность. Государю не отказывают, если не хочешь очутиться на обочине. Удаление было обставлено как повышение. Сергею Юльевичу выписали невиданный оклад – двадцать шесть тысяч рублей годового содержания. И одновременно дали четыреста тысяч. Это был второй крупный денежный подарок. Два года назад министр финансов уже получил в награду от государя двести тысяч^[49]. Соединив эти две суммы, Витте наконец-то построил себе дом в начале Каменноостровского проспекта и переехал туда из казенной квартиры.

Но Плеве не оставил в покое своего поверженного противника. Тот все еще был опасен: наладил дела в Комитете министров, часто общался с государем. Сам масштаб личности Витте, его опыт, связи и огромные способности оставляли сановника на главных позициях. И Плеве решил его добить.

Вячеслав Константинович по уму и по духу являлся полицейским. И методы его были полицейские. Он многократно увеличил масштабы перлюстрации, причем не возвращал в Департамент полиции полученные им меморандумы. Для окончательного свержения Витте министр внутренних дел пошел по его же пути, а именно сфабриковал письмо. Якобы некая террористка из германского Киссингена сообщала товарищам по партии, что на русского государя готовится покушение. Для этого изготавливают особо мощный заряд, чтобы уж наверняка... И Витте принимает в подготовке злодеяния самое активное участие.

15 июля 1904 года Плеве ехал к царю на решающий доклад. Он вез в портфеле смертельные для Витте документы. Но не довез. Напротив Варшавского вокзала член Боевой организации ПСР Егор Созонов бросил в карету министра бомбу. Плеве успел увидеть, как она летит в него; это было последнее, что он увидел... Взрыв разнес в щепки экипаж, убил министра и его кучера, а также ранил террориста.

Одним из первых к Созонову подбежал шеф боевиков Савинков. Он руководил покушением издали, а когда раздался взрыв, явился, чтобы добить сатрапа из револьвера. Вдруг он еще жив? Случилось одно из тех недоразумений, что так часто происходят в экстремальных ситуациях. Савинкову показалось в горячке, что министр проехал, а его товарищ по виду был мертв^[50]. И шеф боевиков помчался к другим членам БО. На

случай неудачи имелся план повторного покушения, когда Плеве возвращался бы из Петергофа. Лишь спустя какое-то время Савинков выяснил, что покушение было успешным. А Созонов, очнувшись, увидел рядом изувеченный труп министра. Он закричал от радости – и прохожие едва не забили его до смерти...

Организовал покушение старый агент Департамента полиции Иван Николаевич, он же Азеф. По одной из версий, освед выполнил просьбу двух отставников – Зубатова и Рачковского. Оба долго «вели» его по службе, имели с провокатором личные отношения. Перед очередным терактом Азеф всегда уезжал из страны. Уехал он и на этот раз – через Варшаву, где встречался с Рачковским.

Убийство Плеве потрясло государственный аппарат. Бонзы поняли, что все они уязвимы. Место погибшего занял князь Святополк-Мирский, либерал и болтун. Дурново остался на прежней второстепенной должности. Но именно ему поручили разбор бумаг покойного. Он забрал портфель, который нашли в разбитой взрывом карете. И обнаружил в нем массу компромата на Витте. Товарищ министра не дал хода бумагам, а присвоил их. И стал ждать своего часа.

Между тем обстановка в стране накалялась. Святополк глупой политикой довел империю до ручки. Царь почуял неладное и заменил его Булыгиным. Но революцию было уже не остановить. Начались повсеместные волнения, затем случилось «Кровавое воскресенье» и всероссийская забастовка железнодорожников, запылали помещичьи усадьбы. Витте, с одной стороны, и великий князь Николай Николаевич – с другой приступили к императору с требованием дать стране свободы. Запуганный государь подписал манифест 17 октября. А через неделю Витте (к тому времени уже граф) стал премьер-министром. И в его кабинете Дурново наконец вступил в управление министерством внутренних дел. На временных началах.

Сергей Юльевич взял Петра Николаевича в свою команду не просто так. Он полагал заниматься реформами, быть незаменимым посредником между царем и либералами, словом, представлять. А черную полицейскую работу вел бы Дурново. И притягивал бы к себе бомбы террористов, отводя опасность от премьера. Примитивный замысел Витте Дурново легко разгадал и начал собственную игру. В условиях нарастающего хаоса он ездил к государю чаще своего начальника и оттер его от главных ролей. А когда Витте попробовал сопротивляться, показал ему некоторые бумаги из заветного портфеля... Именно Дурново твердой рукой подавил крамолу и усмирил взбаламученную Россию. Но когда

Николай Второй собрал первую Думу, то отправил в отставку обоих. Витте и Дурново никогда уже не вернулись в большую политику.

Кстати, не удалась министерская карьера и у Э. Д. Плеске. Уже через несколько месяцев после назначения он тяжело заболел и вскоре умер.

Печально сложилась дальнейшая жизнь Сергея Васильевича Зубатова. Святополк-Мирский звал его обратно на службу, да и Витте долго уговаривал. Но отставник наотрез отказался. Он не смог простить власти того, как она обращается с верными людьми, имеющими большие заслуги. Зубатову положили весьма приличную пятитысячную пенсию и разрешили жить в Москве, но он по-прежнему коптел во Владимире. Потом переехал-таки в Первопрестольную. Многочисленные ученики Зубатова из ОКЖ не оставляли учителя своими заботами. Благодаря этому он хорошо представлял, куда катится Россия. И когда узнал, что государь отрекся, то немедленно застрелился.

Не баловала судьба и военную контрразведку. В 1904 году В. Н. Лавров перевелся наконец из «табуретной кавалерии» в армейскую. И у него сразу же начались неприятности. Департамент полиции завел собственную службу, еще более тайную, чем Разведочное отделение Генерального штаба. И начал следить за иностранными дипломатами параллельно с военными. Очень скоро людей Лаврова отодвинули вовсе. От департамента контршпионажем занялись такие легендарные мерзавцы, как И. Ф. Манасевич-Мануйлов и ротмистр ОКЖ М. С. Комиссаров. И денег им дали в разы больше, чем военным. Секретное отделение дипломатической агентуры Департамента полиции просуществовало до 1906 года, когда слухи о нем просочились в английскую прессу. Во избежание скандала службу раскассировали. Разведочное отделение приободрилось... Но к тому времени Лавров, выслуживший уже чин полковника, заболел туберкулезом. Он был вынужден поселиться на юге Франции и заняться здоровьем. Одновременно Владимир Николаевич возглавил глубоко легендированную «организацию № 30», сыгравшую свою роль позже, в Первой мировой войне. Это была первая агентурная сеть Военного министерства в Западной Европе. Лавров дожил до Февральской революции; дальнейшая его судьба неизвестна.

Два заинтересованных министерства – внутренних дел и военное – еще долго делили одеяло. Они создали аж две Межведомственные комиссии по организации контрразведывательной службы. Все никак не могли решить, кому она будет подчиняться. Разговоры затянулись на много лет. В конце концов армия победила. В 1911 году Разведочное отделение ГУГШ^[51] было дополнено одиннадцатью отделениями при штабах

военных округов. В силу важности столицы Петербургское контрразведывательное отделение было усилено. Еще создали ЦРО – Центральный регистрационный орган, в котором сосредотачивались материалы по контрразведке. Вся система подчинялась знаменитому Огенквару (отделу генерал-квартирмейстера) ГУГШ. В таком виде русская контрразведка вошла в Великую войну...

Семья Филипповых приняла революцию. Старший сын Леонид стал пролетарским поэтом, писал вирши под псевдонимом Красный Баян. Дочь Люба, что лечилась когда-то в Ялте, сделалась большевичкой-разведчицей. Ее направили на подпольную работу в тыл к «белоэстонцам», где она и погибла. Дольше всех прожил сын Борис, родившийся уже после смерти отца. Это тот самый знаменитый Домовой, Борис Михайлович Филиппов, многолетний директор Центрального дома литераторов. Он умер в 1991 году, оставив интересные воспоминания. Всю жизнь Борис Михайлович интересовался обстоятельствами гибели своего родителя. Но в архивах Петербургского охранного отделения сохранилась единственная записка в адрес Департамента полиции. Она только добавляет загадок в нашу историю. Врачи несколько раз за время дознания меняли причину смерти ученого – с чего бы это?

А. С. Скандраков тяжело воспринял смерть Плеве, которого он не сумел защитить. Он пережил своего покровителя меньше чем на год – умер от болезни.

Я. Г. Сазонов после ухода Зубатова недолго замещал должность начальника Особого отдела Департамента полиции. Продолжил служить по корпусу жандармов, но особой славы не снискал. Неизвестен даже год его смерти.

Германский морской агент барон Шиммельман вынужден был покинуть Россию. Его место занял другой капитан цур зее, Фишер-Лоссайнен. И как ни в чем не бывало тоже занялся шпионажем.

И наконец, главное. Что же на самом деле изобрел русский ученый Михаил Михайлович Филиппов?

Ответа на этот вопрос нет до сих пор. Большинство исследователей полагают, что ничего. Прошло сто с лишним лет, наука шагнула далеко вперед. А передавать энергию взрыва на расстояние люди все еще не научились. Так, чтобы без потерь и точно в цель. Неужели Филиппов настолько опередил свое время?

Некоторые – их единицы – считают, что доктор все же был гениальным одиночкой и создал настоящее оружие. Но действия Петербургского охранного отделения, уничтожившего и аппаратуру, и

документацию, отбросили исследования назад. И до сих пор путь Филиппова не найден, но когда-нибудь его заново откроют. В пятидесятых годах двадцатого века, например, было научно доказано существование так называемой полости Шумана. Она находится между поверхностью Земли и ионосферой. И в ней есть особые стоячие волны, которые позволяют передавать электрическую энергию практически без потерь. Может быть, в начале века это выяснил и Филиппов? И научился с их помощью передавать энергию взрыва? Ведь тот же М. Горький, смеясь над неудачными опытами Маркони по передаче энергии с помощью радиоволн, приводил в качестве успешного примера именно Филиппова. Которому в 1903 году якобы удалось из Петербурга зажечь люстру в Царском Селе. Вопрос только, было ли это на самом деле...

Наиболее распространена версия, что Михаил Михайлович открыл так называемую аргонную бомбу, а точнее, газовый лазер с химической накачкой. Это значит, что энергия от взрыва того же треххлористого азота, помещенного в кварцевом цилиндре, сжимает газообразный аргон, который начинает интенсивно светиться. Световая энергия концентрируется в лазерный пучок, который и передается на большое расстояние. Некоторые эпизоды из воспоминаний В. В. Большакова позволяют с оговорками так предполагать. Филиппов в последние годы много внимания уделял опытам с кристаллами и оптическим экспериментам. Но в любом случае сложно представить себе настоящий лазер в 1903 году. Сделать сверхточные зеркала с рассчитанной кривизной было тогда технически невозможно. Есть лазеры с эффектом сверхлюминесценции, которые позволяют выстреливать с одного прохода луча; может быть, доктор изобрел именно такой? Однако говорить о взрыве в Константинополе, произведенном из Москвы, применительно к газовому лазеру не приходится. Особенно если взрывчатым веществом, которое накачивает аргон, является треххлористый азот.

Направленное излучение возможно получать только с помощью оптического квантового генератора, или лазера. В начале двадцатого века это мог быть лишь химический лазер, где энергия возникает при взрыве в замкнутом пространстве жидкости или газа. При этом частота волны излучения должна быть в диапазоне, прозрачном для атмосферы, то есть от трех до восьми гигагерц. Одновременно должны быть прозрачны и само взрывчатое вещество, и вещества, образующиеся в результате взрыва. Треххлористый азот подходит для этого. Но у него лишь около полутора процентов энергии взрыва преобразуется в излучение. Такие «лучи смерти» не только до Константинополя, до Бологова не достанут.

Филиппов, конечно, понимал это. У него было два пути: подобрать более сильное взрывчатое вещество или замедлить скорость взрыва при помощи ингибитора. И вот тут, возможно, он и открыл нечто такое, что придало ему оптимизма. Однако, в отличие от того же Теслы, у Михаила Михайловича не было источника энергии достаточной мощности. Свои опыты он проводил в обычном жилом доме, а не в башне Ворденклиф. Тем не менее, похоже, он что-то придумал. И взрыв на Охте 12 июня 1903 года это доказывает.

По крайней мере современники считали Михаила Михайловича не чудаком-фантазером, а серьезным исследователем. Но со странностями. В Библиотеке конгресса США хранится рукопись воспоминаний его ассистента В. В. Большакова, датированная 1929 годом. Он говорит: «Его (Филиппова. – Н. С.) злоумышленно оборванная жизнь – следствие наивной неосторожности, ребяческого простодушия, парадоксально уживающихся с чуть не божественной мудростью».

Имя Филиппова до сих пор окружено множеством легенд. Например, французский историк науки Ж. Бержье считает, что все бумаги и приборы исследователя были уничтожены по личному приказу императора Николая Второго. Он же распорядился и прикончить бедолагу. Аргумент только один: царь был пацифистом и боялся появления в мире сверхоружия, угрожавшего существованию человечества. Бержье даже объявляет русского государя спасителем цивилизации...

Мода на «лучи смерти» охватила Европу в промежутке между двумя мировыми войнами. Слухи о неведомом оружии подпитывали необъяснимые взрывы боевых кораблей. Время от времени они случались, и тогда людская молва винила в них страшных и загадочных ученых... Первый такой взрыв произошел еще в 1905 году. Только что закончилась Русско-японская война. Флагман японского флота броненосец «Микаса» вдруг взлетел на воздух в порту Сасебо. Прямо у причальной стенки. Ни с того ни с сего в его погребах сам собой загорелся порох. Погибли двести пятьдесят шесть членов экипажа. Зеваки видели на пирсе человека с каким-то ящиком; этого оказалось достаточно для создания легенды. В 1907 году похожий взрыв произошел в Тулоне, на базе французского флота. Пресса опять вспомнила загадочное сверхоружие.

«Лучи смерти» в те годы не изобретал только ленивый. Множество проходимцев, шарлатанов и сумасшедших обивали пороги военных министерств. Англичанин Гриндел Мэттьюз даже добился казенного финансирования. Но оружие власти так и не получили. Знаменитый Маркони тоже объявил о том, что открыл «лучи смерти». В июне 1936 года

в присутствии Муссолини на автострате Милан – Турин он на полчаса заглушил двигатели автомобилей. Но через год умер, не сумев добиться чего-то более существенного.

Никола Тесла не избежал всеобщей мании и в 1934 году разработал собственные «лучи смерти». Они якобы могли сбивать вражеские самолеты на расстоянии в двести пятьдесят миль. Замечательное оборонительное оружие для заокеанской державы! Но дальше заявлений дело не пошло. Многие идеи великого серба до сих пор не объяснены. Он настолько опередил время, что, возможно, человечество еще не доросло до его открытий. Не исключено, кстати, что Тесла использовал в своих разработках идеи Филиппова.

Во всяком случае, второй ассистент Михаила Михайловича, П. Н. Разуваев, в начале 1920-х годов приплыл в Америку. Причем на яхте «Электра», принадлежащей все тому же Гульельмо Маркони. Двое знаменитых ученых пытались сотрудничать, да не вышло. Эта история излагается в книге доктора физико-математических наук профессора О. Фейгина «Лучи смерти. Из истории геофизического, пучкового, климатического и радиологического оружия». Если верить автору, посредником между Теслой и Маркони выступил американский физик и электротехник сербского происхождения Михаил Идворский, он же Майкл Пупин. Итальянец передал американцу бумаги Филиппова, купленные им у Разуваева. А Пупин сделал их экспертизу.

Затем в деле появляется и советский след. В США тогда активно работал известный «Амторг», посредник в товарообмене между СССР и США. Он был на шпигован заграничной агентурой ОГПУ-НКВД. Некто Джон Меклах, он же Маклахи, он же Маклаков, участвовал в контактах советского разведчика Ашота Вартагяна с Теслой. По поручению правительства Вартагян якобы вручил Тесле какие-то рукописи Филиппова, тоже для экспертизы. Значит, не все бумаги Михаила Михайловича пропали в недрах охраны. Енотаевский с Разуваевым тихонько приторговывали ими не один год...

В отличие от ассистентов Филиппова, А. Ю. Финн-Енотаевский остался в России. И не выжил. В 1931 году он был осужден на десять лет по делу вымышленного «Союзного бюро меньшевиков». Вышел досрочно, но в 1941 получил еще восемь лет. Умер Финн-Енотаевский в Карлаге в 1943 году.

То, что работы Филиппова не погибли, как гласит официальная версия, доказывает и следующий факт. Американский патентовед Стив Кохран писал в журнале «Сан», что в 1950 годах выполнил экспертизу старого

документа, содержащего физико-математические расчеты – «теоретическое обоснование нерадиоактивных взрывов, где детонатором является мощное дистанционное лучевое воздействие». Автором статьи был Филиппов! А заказчиком экспертизы – Департамент перспективных вооружений ВМФ США.

Контакты Теслы с Советской Россией носили самый разный характер. Он подряжался разработать «лучи смерти» и для Сталина. В 1934 году серб обратился к СССР через Леонида Толоконникова, разведчика с дипломатическим прикрытием. И предложил купить у него за двадцать пять тысяч долларов документацию по созданию лучевого оружия. Политбюро секретным постановлением выделило эту сумму и послало в Нью-Йорк начальника связи РККА Синявского. Тот заключил сделку с Теслой, заплатил деньги, но этим все и закончилось. Видимо, наши военные конструкторы не сумели тогда правильно распорядиться полученной информацией.

Параллельно схожими изысканиями занимались и советские ученые из Украинского физико-технического института (УФТИ). Правда, здесь чудес не было. Специалисты работали над технологиями, которые впоследствии легли в основу радиолокации.

Подлинная история взаимоотношений Теслы со спецслужбами СССР и США – а он сотрудничал с обеими разведками – не раскрыта до сих пор. Великий ученый умер в ночь с 7 на 8 января 1943 года. От него осталось восемьдесят восемь ящиков с вещами и документами. Разбирать наследие серба поручили профессору Трампу из Массачусетского технологического института. Он также был секретарем Комитета по исследованию сверхвысоких частот в Национальном совете США по военным исследованиям Управления научных исследований и разработок. Под этим «военным» углом Трамп изучил все сохранившиеся работы Теслы. И заявил: «Не было найдено никаких научных записей, описаний неизвестных методов, устройств или самого аппарата, представляющих научную ценность для страны или несущих опасность при попадании в руки врага. Не вижу никаких научных или военных причин, по которым эта собственность должна и дальше находиться под контролем государства». В 1952 году хранившиеся в США ящики с бумагами и вещами Теслы были переданы в Белград. Но, видимо, не все...

Например, работу Теслы «Новое искусство создания концентрированной нерассеивающейся энергии при помощи естественного источника» американцы оставили себе. Это была патентная заявка на лучевое оружие, с математическими уравнениями, с подробным описанием

принципов действия. Статья до сих пор засекречена. Однако похоже, что серб сообщил свои идеи СССР. Когда в 1977 году американцы получили данные о советских боевых лазерах, то испытали шок: уж очень сильно они напоминали разработки Николы Теслы.

Интересно, что Тесла регулярно предлагал купить его «лучевую систему» не только США и СССР. Такие же предложения получили правительства Великобритании и Германии. И это не было вызвано желанием заработать деньги любой ценой. Станным образом ученый повторял идеи М. М. Филиппова. Скорее всего, Тесла, как и Михаил Михайлович, пытался уравновесить военные потенциалы геополитических противников. В надежде, что те поймут бессмысленность войн при равных шансах на взаимное уничтожение и на планете воцарится мир. Красивая и наивная идея...

notes

Примечания

Товарищ министра – заместитель. (Здесь и далее – примеч. автора.)

По официальным данным, погибло сорок пять человек, но они, видимо, занижены.

Орел – прозвище Плеве в МВД.

Ксв – коллежский советник.

Капитан цур зее (от нем. Kapitän zur See – букв. «капитан моря») – капитан первого ранга в германском военном флоте.

ОКЖ – Отдельный корпус жандармов.

«*Табуретная кавалерия*» – ироничное самоназвание жандармов. ОКЖ считался кавалерийской частью, хотя большинство его состава занималось политическим сыском.

Меморандумом на эзоповом языке официальной переписки называли извлечения из вскрытой корреспонденции.

Государственный контроль – ведомство на правах министерства, которое следило за исполнением бюджета.

Частный врач – врач полицейской части.

Аmater (от франц. amateur) – любитель, дилетант.

ПСР – партия социалистов-революционеров (эсеров).

Офицер резерва – офицер ОКЖ, который вел так называемые жандармские дознания.

МСП – Московская сыскная полиция.

См. книгу «Выстрел на Большой Морской».

Грант – вооруженный налет (*жарг.*).

Блатноги – «черный» извозчик, сообщник преступников.

Штымн – жертва грабителя (жарг.).

Назём – навоз.

Обратник – беглый преступник, неоднократно бывавший на каторге (жарг.).

Сорга – деньги (жарг.).

Вес «максима» в полной сборке составлял тогда 244 кг.

23

Чуть больше 28 кг.

Митени – перчатки с обрезанными пальцами.

МОО – Московское охранное отделение.

Шеллер-Михайлов А. К. – русский прозаик, отличавшийся плодovitостью.

Гартинг имеет в виду Полицай-президиум, берлинскую уголовную полицию.

Что случилось? (нем.)

Гражданка – деревня в пригороде Санкт-Петербурга.

ПСП – Петербургская сыскная полиция.

Бесписьменный – человек без документов или с просроченными документами.

Цинтовка – тюрьма (жарг.).

Лашник – 50 копеек (жарг.).

Капчук – сторублевая купюра (*жарг.*).

Пчелы – фальшивые деньги (жарг.).

См. книгу «Выстрел на Большой Морской».

Святцы – карты (жарг.).

Большая Морская улица, 41 – адрес германского посольства.

39

142 cm.

См. книгу «Между Амуром и Невой».

Лыков имеет в виду агента Буффаленка, переехавшего к тому времени в Германию.

Лемберг – в то время название Львова, столицы австро-венгерской провинции Галиция и Лодомерия.

Седьмой номер (нем.).

См. книгу «Дознание в Риге».

Иван Николаевич – один из революционных псевдонимов Азефа.

Там находился особняк князя В. П. Мещерского.

Высота башни Теслы составляла 60 метров, длина шахты – 36 метров.

Благовещенская церковь – домовый храм здания МВД на Фонтанке, 57.

Царь наградил Витте вместе с Ванновским, Куропаткиным и Ламздорфом за успешное завершение Китайской кампании.

Савинков подбежал к месту взрыва с револьвером в руке, готовый немедленно пустить его в ход. По счастью для него, охрана приняла террориста за одного из своих и не арестовала.

ГУГШ – Главное управление Генерального штаба.